

И.Е. ФАДЕЕВА

МИДХАТ-ПАША

ЖИЗНЬ
И
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. Е. ФАДЕЕВА

МИДХАТ-ПАША

Жизнь и деятельность

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

Ответственный редактор
Ю. А. ПЕТРОСЯН

Фадеева И. Е.

Ф15 Мидхат-паша. М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1977.

168 с.

Книга повествует об одном из интереснейших периодов в истории Турции нового времени — периоде проведения реформ буржуазной направленности и антифеодальной борьбы, возглавленных выдающимся политическим и государственным деятелем, «отцом» первой турецкой конституции Ахмедом Мидхат-пашой.

Ф 10605-089—65-77
013(02)-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

Имя человека, деятельность которого стала предметом исследования этой книги, сто лет назад месяцами не сходило с газетных полос. В 1876—1877 гг. страницы мировой прессы, особенно европейской, буквально были заполнены сообщениями из столицы Османской империи. Мир был взбудоражен известием о провозглашении первой турецкой конституции. Оснований для возбуждения общественного мнения было достаточно — совершенно неожиданно для всех Османская империя — один из бастионов феодального абсолютизма — стала первым на Востоке конституционно-монархическим государством. Случившееся казалось тем более невероятным, что не только за пределами Османской империи, но и для абсолютного большинства ее населения оставались в ту пору неосознанными глубинные социальные, политические и культурные сдвиги в развитии турецкого общества, которые создали необходимые предпосылки для борьбы за первую турецкую конституцию. Вполне естественно, что имя лидера турецких конституционалистов чаще всего оказывалось в центре многочисленных дискуссий о значении конституции 1876 г. Действия и взгляды Мидхат-паши были предметом острых споров не только в политических клубах и редакциях газет, но и в министерских кабинетах. Его деятельности посвящали пространные статьи крупнейшие органы мировой прессы, о нем писали книги.

Не только многочисленные публицисты-современники, но и историки долгое время склонны были искать объяснения столь поразившему мир факту провозглашения первой турецкой конституции исключительно в сфере международных отношений, в обстоятельствах восточного кризиса 1875—1877 гг.

Под этим углом зрения чаще всего оценивалась и деятельность Мидхат-паши. Только в 30-х годах нашего века стали появляться исследования по истории Турции, в которых делались попытки более всесторонне оценить жизнь и деятельность Мидхата. В небольшой степени этому способствовало изучение важнейших тенденций социально-политического развития Османской империи эпохи нового времени, характер общественных движений и истории общественно-политической мысли Турции в XIX — начале XX в.

Предлагаемая вниманию читателя книга И. Е. Фадеевой не

просто обобщает известные к настоящему времени данные о жизни и деятельности Мидхат-паши. В ней делается первая в исторической литературе попытка с позиций марксистской историографии специально проанализировать государственную деятельность Мидхат-паши в связи с основными тенденциями социального и политического развития Османской империи второй половины XIX в., оценить результаты этой деятельности.

Отнюдь не просто ответить на вопрос, какова же общая оценка итогов государственной деятельности Мидхат-паши. И. Е. Фадеева справедливо стремится избежать однозначного ответа. В ее книге Мидхат предстает перед читателем как выдающийся политик, в чьих поступках отразились все противоречия породившей его социальной среды, вся сложность политической обстановки, в которой протекала его деятельность. Для правильного понимания и оценки роли Мидхата в истории Турции особую значимость имеет анализ его общественно-политических взглядов. В этой части книга И. Е. Фадеевой представляет особый интерес как первая попытка выявления системы общественно-политических воззрений человека, сыгравшего столь значительную роль в истории Турции.

Необходимость подобной книги продиктована не только достаточно серьезными задачами изучения истории Турции эпохи нового времени. Имя Мидхата отнюдь не принадлежит только истории. Для каждого, кто бывал в Турции в наши дни, очевидно, что это имя звучит здесь почти так же, как имена декабристов в нашей стране. Его идеи и поступки обсуждаются не только в научной среде. Имя Мидхат-паши популярно в самых различных слоях турецкого общества. Представляется поэтому весьма полезным издание книги советского исследователя, посвященной жизни «отца конституции» 1876 г., 100 лет со дня провозглашения которой исполняется в наши дни.

Ю. А. Петросян

Ленинград,
4 марта 1976 г.

В последние годы в советской и зарубежной историографии усилился интерес к проблемам общественно-политического и культурного развития Турции в XIX веке. Такое явление следует считать вполне закономерным, так как именно в это время в общественном развитии Османской империи наметились прогрессивные тенденции.

В период реформ эпохи танзимата эти тенденции проявились прежде всего в попытках некоторых представителей господствующего феодального класса, сознававших растущую экономическую и политическую слабость османского государства, преодолеть общий упадок страны, подавить растущее национально-освободительное движение нетурецких народов империи путем проведения ряда реформ, которые могли бы обеспечить экономический и культурный подъем страны.

В середине 60-х годов борьбу за реформы возглавили представители молодой турецкой интеллигенции, феодально-бюрократической по происхождению, но объективно отражавшей интересы буржуазного развития страны. Наиболее полно историками изучен период зарождения и развития в Турции в 60—70-е годы XIX в. конституционного движения «новых османов», активно боровшихся с феодальным абсолютизмом за создание условий для развития капиталистических отношений, за формирование буржуазных норм и порядков в жизни общества.

При изучении этого периода истории Турции важно учитывать, что буржуазно-либеральные идеи «новых османов» были поддержаны и отчасти проведены в жизнь одним из выдающихся государственных деятелей Турции Ахмедом Мидхат-пашой, одним из немногих представителей турецкой феодальной верхушки, кто поднялся до понимания необходимости борьбы с феодально-абсолютистским режимом. И если роль «новых османов» в истории Турции нового времени представляется доста-

точно изученной в советской историографии благодаря появившимся в последние годы монографиям [73; 74; 57], то роль отдельных прогрессивно настроенных представителей турецкой феодальной бюрократии, вставших на путь радикальных реформ, остается по сути изученной недостаточно. В этой связи трудно было, к примеру, ответить на вопрос, каким образом Мидхат-паша, представитель правящего турецкого феодального класса, формально никогда не примыкавший к организации «новых османов», оказался в 1876 г. признанным политическим лидером конституционалистов, внесшим немалый личный вклад в дело провозглашения первой турецкой конституции.

Представляется поэтому важным всестороннее изучение государственной деятельности и общественно-политических взглядов Мидхат-паши, выявление связи его воззрений с конституционными взглядами и пропагандой «новых османов». Исследование деятельности Мидхат-паши позволило бы осветить вопрос об определенной преемственности между зачинателями политики танзиматских реформ и «новыми османами», поднявшимися в своей идеологии до понимания необходимости борьбы с феодальным абсолютизмом. В то же время исследование государственной деятельности Мидхат-паши позволяет глубже осветить проблемы социально-политического развития Турции в XIX в., а изучение его общественно-политических взглядов расширяет наши представления о развитии турецкой политической мысли в эпоху нового времени. Анализ деятельности Мидхат-паши в ряде вилайетов (Болгария, Ирак, Сирия) в большой мере позволяет также изучить вопрос о провинциальной политике Порты во второй половине XIX в.

Методологической основой настоящего исследования явились положения исторического материализма, разработанные классиками марксизма-ленинизма, о роли личности в истории, о взаимосвязи экономики и политики, базиса и надстройки.

В работе были использованы обобщающие труды А. Ф. Миллера и А. Д. Новичева, материалы и выводы которых по проблемам истории Турции нового времени послужили базой настоящего исследования [64—65, 68; 71].

В советской и зарубежной историографии, за исклю-

чением турецкой, нет работ, специально посвященных государственной деятельности и общественно-политическим взглядам Ахмеда Мидхат-паши. Однако в ряде исследований советских авторов освещаются в той или иной мере отдельные вопросы, связанные с деятельностью этого турецкого государственного деятеля. В частности, в двух монографиях Ю. А. Петросяна отражен конституционный период деятельности Мидхат-паши. В этих работах содержится ценный материал, который позволяет выявить роль Мидхат-паши в деле создания и провозглашения конституции 1876 г. в Турции. Период деятельности Мидхат-паши в Дунайском вилайете (Болгария) нашел некоторое отражение в диссертации и статье А. А. Поповой [75].

Основными источниками для создания предлагаемой работы явились две книги воспоминаний Мидхат-паши, написанные им в годы тюремного заключения в Таифе и изданные в 1908 г. его сыном Али Хайдаром Мидхатом и, по всей вероятности, тщательно им отредактированные [32; 33]. Воспоминания Мидхата, которые писались в тяжелейших условиях особого надзора, частично были переправлены им из тюрьмы семье, в Измир, частично же были спрятаны его товарищами по заключению и открыты только после младотурецкой революции.

Первая часть воспоминаний Мидхата, вошедшая в первую книгу, носит название «Размышления в назидание». В ней прослеживается жизненный путь автора до ареста в Измире в 1881 г. Эта часть содержит сведения о многих событиях внутри- и внешнеполитической истории Турции в связи с деятельностью самого Мидхат-паши. Они расположены в хронологическом порядке. Чаще всего воспоминания носят фактографический характер, однако местами они прерываются рассуждениями автора, которые позволяют судить о его общественно-политических взглядах.

«Размышления в назидание» представляют несомненную ценность прежде всего для воссоздания жизни и деятельности Мидхат-паши. Вместе с тем исторические факты, о которых упоминает автор, во многом дополняют наши сведения по турецкой истории второй половины XIX в. Естественно, что при работе с этим источником ряд сведений, приводимых Мидхатом, приходилось сверять и уточнять по другим источникам.

В своих оценках тех или иных политических событий, участником которых был он сам, Мидхат-паша придерживался идеалистических взглядов, рассматривая лишь идейные мотивы деятельности отдельных личностей и не связывая их с реальными социальными причинами. Однако в ряде случаев Мидхат-паша пытается найти причины тех или иных явлений в жизни турецкого общества. Он верно оценивает и некоторые аспекты политики западноевропейских держав в Восточном вопросе, в частности политическое соперничество этих государств на Ближнем Востоке в связи с их экспансионистскими устремлениями в этом районе мира.

Вторая часть воспоминаний Мидхат-паши носит название «Зерцало удивления» и написана в дополнение к первой. Она содержит подробное описание событий, связанных со свержением султана Абдул Азиза и его смертью. Кроме того, в ней подробно описаны события, связанные с судебным процессом во дворце Йылдыз над Мидхатом и другими, обвиненными в убийстве Абдул Азиза. Заканчивается эта часть описанием жизни в тюрьме аравийского городка Таифа, куда Мидхат-паша был сослан после суда.

«Зерцало удивления» написано Мидхат-пашой с целью доказать свою непричастность к убийству султана. Он пытается показать, что свержение Абдул Азиза — следствие не узкого дворцового заговора, а движения самых широких масс турецкого населения столицы. Свою непричастность к убийству свергнутого султана Мидхат-паша основывает на полном отсутствии прямых улик против него лично. Более того, Мидхат-паша пытается доказать, что никто из министров, участвовавших в свержении, не был заинтересован в смерти Абдул Азиза, поскольку не питал к нему «личной антипатии».

Материалы, приводимые Мидхатом в «Зерцале удивления», ценны прежде всего в части, посвященной судебному процессу в Йылдыз Кёшке. На их основании трудно сделать окончательный вывод относительно причастности Мидхата к убийству, но они подтверждают мысль, высказанную автором воспоминаний, что процесс во дворце Йылдыз был затеян с единственной целью положить конец оппозиции в стране, в частности конституционному движению.

К сведениям Мидхат-паши о судебном процессе следует подходить с известной долей осторожности, и не только потому, что книга писалась без необходимых для этого материалов, по памяти, но и потому, что вопрос о виновности или невиновности Мидхат-паши следует, по-видимому, считать открытым и по сей день, несмотря на серию проведенных турецкими историками исследований с привлечением материалов турецких архивов. Об этих исследованиях будет сказано ниже.

В целом содержание обеих книг воспоминаний Мидхат-паши ценно особенно по двум причинам. Первая заключается в том, что они смогли донести до нас описания важнейших событий турецкой истории, активным участником которых был Мидхат-паша, и донести не в виде сухого протокола, а живых страниц, написанных рукой наблюдательного, эмоционального и умного человека. Вторая причина ценности издания в том, что оно содержит в качестве приложения (стараниями издателя Али Хайдара Мидхата) важные документы и письма, автором которых во многих случаях является Мидхат-паша.

Вторым важным источником для написания данной работы явилась небольшая по объему брошюра, написанная Мидхатом в годы ссылки в Европе в 1878 г., — «Турция. Ее прошлое, ее будущее» [46]. Появление этой брошюры связано с созывом Берлинского конгресса, на котором должна была решиться судьба европейских владений Турции. Для нас она ценна тем, что содержит материалы, освещающие важнейший вопрос об общественно-политических взглядах Мидхат-паши, в частности по национальному вопросу.

К числу турецких источников следует отнести разделы исследований М. К. Инала [104а] и И. Х. Узунчаршылы [41; 42; 43], содержащие в основном различные по объему и характеру документы из недоступных нам турецких архивов. Определенный интерес для нас представляет также дневник султана Абдул Хамида II [37], материалы которого позволили взглянуть на историческую фигуру Мидхат-паши глазами его главного политического врага.

Богатейшие материалы, касающиеся отдельных периодов государственной деятельности Мидхат-паши, содержат донесения русских дипломатических представи-

телей, хранящиеся в Архиве внешней политики России (АВПР). Речь идет прежде всего о донесениях сотрудников русских консульств, разбросанных по многим городам Османской империи. На основании этих донесений в русском посольстве в Стамбуле составлялись донесения в Петербург, которые существенным образом влияли на проводившуюся Россией политику в отношении Османской империи. Их значение для изучения проблем внутренней истории Турции трудно переоценить. Однако нельзя забывать, что далеко не всегда эти материалы объективны. В частности, сведения из отчетов русских консулов в Рушуке, Видине, Тульче и ряде других городов Дунайского вилайета, касающиеся деятельности дунайского губернатора Мидхат-паши, носят явно тенденциозный характер, обусловленный тогдашней политикой России в отношении балканских провинций Османской империи. Любые сколько-нибудь прогрессивные начинания Мидхат-паши вызывали неодобрительную оценку русских консулов, опасавшихся усиления турецкого влияния на христианских подданных Порты.

Большую ценность для нас представляют также отчеты русского посла в Османской империи Н. П. Игнатьева, написанные им в 1876 г. Факты, приводимые Н. П. Игнатьевым в отчетах, помогают осветить ряд проблем, характерных для Турции того времени. Однако и эти материалы не свободны от тенденциозности, что опять же в основном связано с политикой России в Османской империи. Так, для депеш Н. П. Игнатьева характерно стремление представить деятельность Мидхат-паши как крайне революционную, антимонархическую, незаконную, подрывающую основы государства. Н. П. Игнатьев подчас не прочь обрисовать Мидхата как человека сомнительной морали. И тем не менее отчеты Н. П. Игнатьева помогают осветить деятельность Мидхат-паши в период подготовки конституции.

Из других русских источников, использованных в предлагаемой работе, следует упомянуть еще две книги воспоминаний. Книга сотрудника русского посольства в Стамбуле В. А. Теплова «Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе» [82] содержит интересный фактический материал. Вторая книга «Из дневника русской в Турции перед войной 1877—1878 гг.» [26; 27] принадлежит племяннице русского консула на о. Хиос

Е. А. Рагозиной, которая лично была знакома с Мидхатом, неоднократно встречалась с ним и переписывалась. Материалы, которые содержатся в ее книге, проливают дополнительный свет не столько на биографию Мидхата, сколько на взгляды, которых он придерживался относительно тех или иных вопросов внутреннего положения Османской империи.

Более полно раскрыть тему настоящей работы во многом помогла книга сына Мидхат-паши Али Хайдара Мидхата — «Мидхат-паша, его жизнь, его дела», — изданная на французском языке [45]. Книга написана на основе мемуаров Мидхат-паши и документальных материалов.

Довольно обширный фактический материал для освещения жизни и деятельности Мидхат-паши дает турецкая историография. Наиболее полно в трудах турецких историков представлен конституционный период деятельности Мидхата, сведения о котором дают турецкие исторические труды конца XIX — начала XX в. Это «Начальный период царствования султана Абдул Хамида» Ахмеда Саиба [98], «Зерцало истины» Махмуда Желаледдина [31]. «Абдул Хамид II и период его правления» Османа Нури [99].

Из работ современных турецких историков следует отметить книгу Б. С. Байкала «Мидхат-паша. Его личность как политика и администратора» [102]. Это цельное монографическое исследование, которое имеет, однако, существенный недостаток: в основе исследования лежат почти исключительно материалы воспоминаний Мидхат-паши и совсем не использованы материалы турецких архивов.

Б. С. Байкал высоко оценивает роль Мидхат-паши в прогрессивном развитии Турции второй половины XIX в. Однако для его исследования характерно непонимание связи проводившейся Мидхатом политики с социально-экономическими и политическими процессами. Б. С. Байкал склонен видеть конечное поражение Мидхата в его личных ошибках, а не в объективных причинах, лежавших в основе этих ошибок.

Книга Х. Юджебаша «Мидхат-паша» [114] во многом дополняет исследование Б. С. Байкала. Она содержит документальные материалы, в частности письма Мидхата, а также ряд материалов мемуарного характе-

ра. В книге даны также высказывания о Мидхате и отрывки из газетных и журнальных статей различных турецких авторов.

Ценный материал, характеризующий конституционную деятельность Мидхата, содержит книга известного турецкого историка Н. Беркеса — «Развитие секуляризма в Турции» [118]. Автор исследования предпринимает попытку выявить объективные причины, лежавшие в основе зарождения реформаторского и конституционного движения в Турции. Однако он видит их более во внешних факторах (влияние Запада), чем в факторах внутреннего развития самой Турции.

В настоящей работе были использованы также некоторые журнальные статьи турецких историков, освещающие различные периоды жизни Мидхат-паши. Это статьи Б. С. Байкала «Тайная политическая акция Мидхат-паши» [101], Т. Ышыксала «Мысли английского посла Лэйарда о Мидхат-паше» [38], Б. Н. Шимшира «Смещение и изгнание Мидхат-паши по английским документам» [40] и др.

В целом работы турецких историков представляют значительный интерес с точки зрения приводимого ими фактического материала, но им недостает анализа социальных условий, в которых проходила деятельность Мидхата. Для них характерен отрыв анализа деятельности и общественно-политических взглядов Мидхата (отметим, что последним они занимаются крайне недостаточно) от общего хода социально-экономического и культурного развития Турции второй половины XIX в., стремление показать Мидхата «сильной личностью», от деятельности которой зависели судьбы Турции в рассматриваемый период.

В западноевропейской историографии также есть работы, специально посвященные вопросам государственной деятельности Мидхат-паши, особенно его конституционной деятельности. Естественно, что с провозглашением в 1876 г. турецкой конституции у европейского читателя пробудился интерес к ее создателю. Так, книга французского журналиста Леузона «Мидхат-паша» [130] дает краткий очерк государственной деятельности и общественно-политических взглядов Мидхата. Однако автор некритически подходит к исследуемому материалу, чрезмерно идеализирует Мидхата как политика.

Автор другого исследования о Мидхат-паше, Бенуа-Брунsvик, издавший работу под названием «Правда о Мидхат-паше» [117], стоит на других, враждебных Мидхату, позициях. Он отрицательно оценивает политику Мидхат-паши — великого везира в 1876 г., пытается поставить под сомнение искренность его реформаторских идей, обвиняет Мидхата в стремлении к диктатуре. Книга Бенуа-Брунsvика представляет несомненный интерес в сопоставлении с книгой Леузона не только в плане критического анализа приводимого в них фактического материала, но и как показатель крайней противоречивости оценок Мидхата его современниками.

Из работ современных буржуазных авторов, в которых частично получила отражение деятельность Мидхат-паши, следует назвать книги Р. Дэвисона «Реформы в Османской империи, 1856—1876 гг.» [120] и Р. Дэверо «Первый османский конституционный период» [123]. В первой предпринята попытка показать деятельность отдельных турецких реформаторов, в частности Мидхат-паши, в связи с общим ходом внутреннего развития Турции второй половины XIX в. Во второй всесторонне исследуется история провозглашения первой турецкой конституции в тесной связи с деятельностью Мидхат-паши.

Таков в основном круг наиболее важных источников и исследований, которые были использованы при написании данной работы. К сожалению, содержащиеся в них материалы не позволили осветить ряд вопросов, возникающих при изучении государственной деятельности и общественно-политических взглядов Мидхат-паши. Так, до сих пор в недостаточной мере выяснен вопрос о связи Мидхат-паши с «новыми османами», о различии их взглядов на пути развития Османской империи после провозглашения конституции. Много неясного пока и в вопросе о социальной основе реформаторского движения в Турции второй половины XIX в. Невозможно из-за отсутствия материала в настоящий момент достаточно полно ответить и на вопрос о том, насколько изменения в экономической структуре Османской империи рассматриваемого периода влияли на явления надстроечного характера, на появление буржуазных по своей направленности общественно-политических течений.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МИДХАТ-ПАШИ.
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР
ДУНАЙСКОГО ВИЛАЙЕТА

Жизненный путь Ахмеда Мидхат-паши пришелся на очень важный по значимости период истории Турции. Он характеризуется двумя важнейшими тенденциями во внутреннем развитии страны. С одной стороны, это дальнейший социально-экономический и политический упадок Османской империи, сопровождавшийся борьбой нетурецких народов против турецкого ига, и все более ошутимая, растущая зависимость государства от политики европейских держав. С другой стороны, это прогрессивные в развитии страны тенденции, наметившиеся в 40-е годы XIX в., в которые началась деятельность Мидхат-паши. Они выразились в проведении ряда реформ, направленных на укрепление внутреннего и внешнего положения страны. Вместе с тем эти реформы ставили своей целью посредством укрепления государственно-административной системы сохранить господство турок над покоренными ими народами.

В 40—50-е годы XIX в. необходимость проведения реформ сознавалась в Турции лишь единичными представителями правящего класса. И в числе их в первую очередь следует назвать имя Мустафы Решид-паши. Его реформы в области административного устройства, судебной системы, просвещения отличались поверхностностью и половинчатостью и мало затрагивали социально-экономические основы османского общества и интересы господствующего класса Османской империи. При всем том нельзя не признать, что сами по себе эти реформы свидетельствовали о существовании в недрах османского общества сил, способных оказать известное противодействие губительным процессам, разрушавшим

османское государство изнутри и извне. Реформы эффективно способствовали буржуазным процессам в жизни Османской империи. Они оказали, пусть в очень незначительной степени, влияние на ход социально-экономического и политического развития Турции середины и второй половины XIX в.

Государственная деятельность Мидхат-паши началась, как уже говорилось, в 40-х годах XIX в., когда султанское правительство только начало обращать внимание на подготовку государственных служащих, на их знания и навыки. В большой степени это было связано с удалением из правительственного аппарата греков-фанариотов, вследствие чего ощутимой стала необходимость в образованном турецком чиновничестве, одним из самых выдающихся представителей которого суждено было стать Ахмеду Мидхат-паше.

Мидхат-паша родился в 1822 г. в Стамбуле в семье кадия, постоянно переезжавшего из города в город, и получил традиционное образование. В 1838 г. он поступил в школу гражданских чиновников — первое учебное заведение такого рода в Османской империи. Программа школы предусматривала ряд предметов, не изучавшихся в медресе: французский язык, арифметику, геометрию, географию. Однако, поскольку программа эта осталась на бумаге [58, с. 14], Мидхат покинул учебное заведение, которое мало что могло прибавить к его знаниям.

Несколько лет Мидхат проработал в скромной должности писаря в канцелярии первого секретаря великого везира, затем был послан в провинцию и работал в Сирии, Конье, Кастамону. Поездки в Сирию и Анатолию дали ему реальное представление о жизни в стране, о положении в ее системе управления.

Вернувшись в Стамбул и обосновавшись здесь уже со своей семьей, Ахмед Мидхат стал работать в протокольном отделе Высшего юридического совета, занимавшегося подготовкой законопроектов и некоторыми другими вопросами юридического характера [107, с. 120]. Участие в заседаниях совета позволило Мидхату познакомиться с виднейшими турецкими сановниками, которые обратили внимание на способного молодого человека. Очень скоро ему поручили провести расследование двух дел, связанных с правом таможенных сборов в Сирии и действиями Кыбырлы Мехмед-паши, коман-

дующего расквартированным там корпусом регулярной армии. В короткое время Мидхат выполнил возложенную на него миссию, проявив редкую для турецкого чиновника того времени добросовестность и честность.

Действия Мидхата получили высокую оценку Порты, потому что ему удалось вернуть казне большую сумму, присвоенную откупщиками в Дамаске и Алеппо. И когда в 1852 г. великий везир Мустафа Решид-паша стал председателем Высшего юридического совета, он поручил Мидхату протоколирование наиболее важных заседаний и начал оказывать ему свою поддержку [32, с. 6].

В 1855 г. великий везир Кыбрыслы Мехмед-паша поручил Мидхату «навести порядок» в Болгарии, охваченной повстанческим движением, усилившимся в связи с Крымской войной. Последнее обстоятельство делало миссию Мидхата особенно трудной. Болгарский народ испытывал особый подъем, возлагая на Россию свою надежду на освобождение от турецкого ига.

За шесть месяцев Мидхат объездил почти всю Болгарию. В его распоряжении находились турецкие солдаты. С помощью жестоких репрессий и в сговоре с чорбаджиями¹, оставшимися верными турецкому правительству, ему удалось подавить антитурецкие выступления. Многие болгары были казнены без суда и следствия. Некоторые были отправлены в Стамбул и там предстали перед турецким судом [32, с. 7].

Мидхат выступил в Болгарии в роли ярого защитника турецких интересов. Он не останавливался ни перед какими репрессиями, чтобы сохранить Османской империи эту ее провинцию. Вместе с тем характерно признание им и некоторыми другими представителями правящей турецкой верхушки необходимости искать новых путей для борьбы с ширившимся национально-освободительным движением. Одним из таких новых средств должны были стать провинциальные советы при губернаторах.

В Стамбуле Мидхат представил Порте отчет о своей поездке в Болгарию. В соответствии с этим отчетом

¹ Чорбаджии — зажиточная прослойка болгарского общества. В нее входили влиятельные лица болгарских общин, обычно являвшиеся посредниками между местным болгарским населением и турецкими властями.

Порта издала инструкцию, согласно которой в каждом румелийском эялете должен был назначаться реис (губернатор) и при нем совещательный совет. Выпуск названной инструкции показывает, что изданное ранее аналогичное постановление турецкого правительства не было проведено в жизнь. Новая попытка реорганизации системы управления провинциями имела своей целью более гибкое и разумное управление; предполагалось, в частности, привлечь к нему отдельных представителей местного населения.

Поездка Мидхата в Болгарию в большой степени способствовала продвижению его по служебной лестнице. Однако стараниями Кыбрыслы Мехмед-паши, имевшего основания не любить Мидхата², против последнего было возбуждено судебное дело. Мидхата обвинили в том, что он занимался откупом сбора налогов в столице. В своих воспоминаниях Мидхат говорит, что действительно занимался откупом, но до того момента, пока правительство не запретило заниматься им турецким чиновникам. Мидхат признает, что откуп приносил ему большие доходы, и именно это, по его словам, вызывало зависть Мехмед-паши. Суд, организованный великим везиром, не смог доказать виновности Мидхата [32, с. 8—10].

Описанный эпизод интересен тем, что дает сведения о формировании в Османской империи прослойки людей, богатевших на откупе. К ним, как мы видим, принадлежал и Мидхат. В условиях упадка феодального способа производства в стране шел процесс сосредоточения в руках немногих лиц больших денежных богатств — одна из необходимых сторон процесса первоначального накопления капитала. Эпизод этот показывает также, что, несмотря на официальное обещание отменить откупную систему налогов, она сохранялась не только в провинции, но и в столице. На глазах у правительства откупом занимались, по словам Мидхата, министры и видные сановники [там же].

² Кыбрыслы Мехмед-паша был смещен с поста главнокомандующего сирийской армии в результате инспекционной поездки Мидхата. Поручение «навести порядок» в Болгарии, данное Мидхату Мехмед-пашой, объяснялось, по-видимому, его желанием испортить карьеру молодому чиновнику. По мнению Кыбрыслы Мехмед-паши, поручение это было практически невыполнимо.

После провозглашения в 1856 г. нового султанского рескрипта (хатт-и хумаюна), который декларировал ряд реформ в Османской империи, в том числе в административной области, в некоторые провинции страны были посланы правительственные чиновники для составления отчетов о деятельности местных властей. В Видин и Силистрию был послан Ахмед Мидхат. Помимо основного поручения ему было дано задание расследовать причины волнений болгар в районе Тырново и объявить болгарскому населению о реформах, декларированных хатт-и хумаюном.

Тырновские события были связаны с борьбой болгарского народа против греческих церковников, за создание автокефальной церкви в интересах сохранения национального языка и национальной системы просвещения. В Тырновском округе эта борьба проявилась в том, что болгары отказывались платить налоги в пользу местного владыки. Учителя школ выражали свой протест против действий митрополита, которые мешали прогрессу болгарского народного просвещения [60, с. 253].

В противоположность правительственным чиновникам, побывавшим в Тырново до Мидхата и поддержавшим митрополита, Мидхат в своем отчете правительству привел данные, которые доказывали неблаговидность ряда действий тырновского православного владыки [там же]. Этот факт свидетельствует об объективности и независимости суждений Мидхата, которого трудно заподозрить в симпатиях к болгарскому национально-освободительному движению, в тесной связи с которым в тот период шла, как правило, и борьба за создание автономной болгарской церкви.

Приведенный эпизод наглядно показывает, что одной из целей провозглашения хатт-и хумаюна 1856 г. было подавление национально-освободительного движения нетурецких народов с помощью новых, ненасильственных средств. Провозгласив равенство прав мусульман и немусульман, турецкое правительство пыталось примирить с турецким режимом тех его подданных, которые испытывали тяжелейший национальный гнет. Что же касается создания автономной болгарской церкви, то в это время турецкое правительство возражало против этого из боязни ослабить центральную власть в Болга-

рии и усилить стремление болгар к политическому освобождению.

Инспекционная поездка, которая выявила ряд злоупотреблений местных турецких властей по отношению к болгарскому населению [32, с. 11], дала Мидхату богатый материал для размышлений о методах управления провинциями.

В 1858 г. Мидхат, оставив службу, отправился в путешествие по Европе. Он посетил Париж, Лондон, Брюссель и Вену, чтобы, по его словам, изучить основы жизни европейских стран и причины их процветания [там же, с. 12]. Путешествие не могло не произвести впечатления на Мидхата, всего за год до того посетившего Болгарию. В его памяти еще были свежи анатолийские и сирийские впечатления. Контраст был слишком разителен. Путешествие по Европе, несомненно, укрепило убеждение Мидхата, что Османской империи необходимы действенные реформы, и не на бумаге, а на деле.

В Европе Ахмед Мидхат пробыл полгода. По возвращении в Стамбул он занял должность главного секретаря Высшего юридического совета, а в 1861 г. был назначен губернатором Нишского эйалета и получил титул паши. Мидхату представилась, наконец, возможность осуществить многое из того, в чем он видел настоятельную необходимость.

Одним из первых мероприятий Мидхат-паши в Нише явился созыв наиболее влиятельных представителей мусульманского и христианского населения края для обсуждения вопроса о положении в эйалете. Участники совета выразили недовольство отсутствием дорог, что делало чрезвычайно затруднительной доставку на рынок продуктов сельскохозяйственного производства, а также чрезвычайно большими налогами и тяжелой повинностью по содержанию турецких войск, расквартированных в крае [там же, с. 16]. Это были претензии в основном зажиточной части жителей эйалета, но частично и всей массы подвластного туркам населения.

Не прекращая вооруженного подавления антитурецких выступлений, т. е. действуя давно испытанными средствами в целях сохранения турецкого господства в этом районе империи, Мидхат-паша одновременно принял ряд мер, которые выделили его из числа турецких администраторов, отличавшихся крайней пассив-

ностью и равнодушием к нуждам развития края. Так, было начато строительство дорог, что способствовало некоторому оживлению торговли в эйалете. Мидхат обещал населению простить налоговые недоимки за два года и даже несколько уменьшил некоторые налоги [там же]. В небольшом местечке Шаркёй в ноябре 1863 г. он основал первую в Османской империи крестьянскую ссудную кассу [115, с. 98]. Для частей войск, находившихся в эйалете, он построил казармы, что заметно улучшило положение местного населения. В Нише Мидхат-паша создал первое в Турции благотворительное заведение, получившее широкую известность под названием «ислаххане». Здесь дети-сироты могли получить образование и обучиться ремеслу.

В Нишском эйалете наметились основные черты присущего Мидхату стиля управления, который несколько отличался от традиционного стиля турецких властей. Мидхат-паша сделал первую попытку создать более благоприятные условия для экономического развития османской провинции с целью укрепления здесь турецкого господства. По его мнению, не насильственные средства в первую очередь, а реформы наиболее полно отвечали задаче подавления национально-освободительного движения в империи.

Опыт деятельности Мидхат-паши в Нишском эйалете сыграл немалую роль в деле подготовки закона о новом административном делении Османской империи. Первым шагом в этом направлении было создание Дунайского вилайета, включившего в свой состав большую часть нынешней Болгарии. Закон разрабатывался при непосредственном участии Мидхат-паши и был издан в 1864 г. Новое административное устройство, которое предусматривал этот закон, ставило своей целью укрупнение административных единиц, усиление централизации государства. Во главе Дунайского вилайета турецкое правительство намеревалось поставить правителя с широким кругом полномочий. Им был назначен Мидхат-паша.

Новый вилайет занимал площадь 91 624 кв. км [66, с. 348, сн. 2], и в нем проживало около двух млн. человек, в большинстве немусульмане, представители самых разных национальностей: болгары, албанцы, греки, евреи и др. [75, с. 56].

В законе 1864 г. были подробно изложены принципы

административного устройства Дунайского вилайета. Он был разделен на санджаки — во главе с мутесаррифами, каза — во главе с каймакамами, и карийе — во главе со старостами. Вилайет возглавлял генерал-губернатор, наделенный как военной, так и гражданской властью.

При губернаторе, мутесаррифах, каймакамах и в карийе создавались, согласно закону 1864 г., совещательные советы, куда наряду с чиновниками, назначаемыми правительством, допускались представители местного населения. Последних выбирало местное население в равном количестве от мусульман и немусульман. В административный совет при губернаторе избиралось всего четыре члена: два мусульманина и два немусульманина. Такая же система была предусмотрена и для остальных административных советов. В функции советов входило обсуждение вопросов, связанных с управлением соответствующих административных единиц, их благоустройством, развитием сельского хозяйства. Но они не имели права вмешиваться в работу судебных органов [см. 47].

Наряду с описанными административными советами создавался общий совет вилайета, в который должны были войти по четыре выборных представителя от каждого санджака (два мусульманина и два немусульманина). Этот совет, собиравшийся один раз в год, имел право обсуждать вопросы, связанные со строительством, содержанием и охраной путей сообщения вилайета, общественных зданий, с развитием сельского хозяйства и торговли, обложением налогами. Каждому члену общего совета вилайета вменялось в обязанность сообщать о нуждах района, от которого они были избраны. Свои решения по тем или иным вопросам совет мог представлять через губернатора турецкому правительству [там же, с. 39—40].

По мысли Мидхат-паши, равное представительство в советах мусульман и немусульман должно было положить конец самоуправству местных властей [15, д. 21826, л. 88]. Однако уже сама система выборов в советы несла в себе подобное самоуправство. Положение о выборах предусматривало избрание населением выборщиков, ограниченное имущественным, образовательным и возрастным цензом. Выборщики же голосовали за список лиц, представленный исполнительной

властью. При этом выборщики избирали большее число депутатов, чем это было необходимо, чтобы турецкие власти могли выбрать из них тех, кого считали наиболее для себя подходящими. Интересное описание подобной системы выборов в советы дал русский консул в Видине М. Байков в своих донесениях за 1865 г.: «...Каймакам Сабри-паша пригласил к себе протоиерея Иоанна и просил его составить ему список кандидатов из городских болгар, более богатых, умеющих свободно писать и читать на родном языке. При этом каймакам заметил протоиерею, чтобы он не записал в число кандидатов болгар, подобных характером изгнанному отсюда Цанки Ходжи Ангелову и старику Ходжи Петову, который в 1860 г. смело высказал здесь Великому Визирю Кибрисли Паше все местные злоупотребления. Составленный протоиереем список кандидатов был отправлен властью по всем округам для собирания голосов, и, по совершении этого, каймакам избрал тех, кто имел меньше голосов и неизвестны народу» [15, д. 1650, л. 17].

Естественно, что при такой системе выборов членами административных советов от болгарского населения чаще всего становились, в силу имущественного ценза, который был достаточно высок, представители крупной, чорбаджийской буржуазии, чьи интересы и должны были защищать советы. Сам каймакам Сабри-паша был вынужден признать, что члены советов из числа болгар совершенно не способны выражать интересы местного населения [15, д. 1651, л. 45]. Кроме того, выборы, которые должны были проводиться каждый год, в действительности в большинстве мест состоялись лишь однажды, при создании новой административной системы. Так, в Видине выборы в местный административный совет не проводились в течение трех лет, но после выборов состав совета не изменился [15, д. 1652, л. 73], потому что лица, избранные в него, вполне устраивали местные турецкие власти.

Признавая необходимость создания в Болгарии административных советов с привлечением в них представителей местного населения, Мидхат-паша ставил целью создать из чорбаджийской буржуазии прочную опору турецкому господству в этой османской провинции. Создание советов было также своеобразным жестом, рассчитанным на внешнеполитический эффект, жестом,

который продемонстрировал стремление правительства Турции предоставить христианам равные с мусульманами права.

Несмотря на все видимые недостатки новой административной системы, принцип выборности впервые проводился, пусть и непоследовательно, в делах внутреннего управления страной. При желании в административных советах можно было увидеть даже подготовительный шаг к созданию в стране парламента. Сам Мидхат писал, что советы были задуманы Али-пашой и Фуад-пашой как прелюдия к «палате депутатов» [32, с. 23]. Однако думать подобным образом мог, скорее, сам Мидхат-паша, который, будучи губернатором Дунайского вилайета, составил, по его собственным словам, проект конституции, предусматривавший создание парламента [там же, с. 170].

Новая административная система предусматривала и реорганизацию турецких судов. В центре вилайета, в главных городах санджаков и каза были созданы судебные палаты, часть членов которых избиралась населением. Выборные члены в равном числе должны были представлять мусульман и немусульман [15, д. 1652, л. 19]. Система выборов, аналогичная той, которая существовала для административных советов, позволяла местным властям назначать в суды угодных им лиц, сводя таким образом к нулю декларированное отделение судебной власти от гражданской [15, д. 1619, л. 8]. Сообщая о деятельности новых судов в вилайете, русский консул в Варне В. Нягин писал, что христиане по-прежнему не могут найти справедливости, так как в исправительных, гражданских и уголовных судах председательствует кадий, который судит по Корану, никогда не принимает свидетельств христиан против мусульман, а вынесенное им решение единогласно одобряется остальными членами суда в силу существующей системы выборов [там же].

Однако провозглашение судов нового типа даже в таком виде было встречено в штыки многими представителями судебной власти, в частности наибом Рущука Сурури-эфенди, судебным инспектором Назыф-эфенди и многими другими. Они внушали мусульманской части населения вилайета, что шариатские суды будут закрыты, а положения священного шариата вовсе отменены.

По настоянию Мидхата правительство прислало из столицы новых судебных чиновников, что, по его мнению, должно было облегчить проведение судебной реформы в Дунайском вилайете [32, с. 26].

Новая судебная система, проводившаяся в жизнь крайне непоследовательно, мало улучшила турецкую систему правосудия в целом. И все же то, что было сделано (на практике, а не на бумаге) в Дунайском вилайете, имело немалое значение для становления буржуазных по духу административно-правовых норм в жизни Османской империи.

Одновременно с организацией советов и судов Мидхат-паша предпринял попытку упорядочить финансовую систему вилайета. В интересах фиска в 1865 г. им была проведена перепись населения, одновременно с которой производились оценка имущества и обложение налогами. В этой операции приняли участие и представители местного населения, что должно было обеспечить более справедливое обложение налогами. Последнее явилось единственным, что предпринял Мидхат для облегчения налогового бремени населения вилайета. В основном его финансовая политика базировалась не на облегчении, но на усилении налогового бремени [59, с. 397]. С созданием Дунайского вилайета возросло число новых налогов. Так, например, был установлен новый налог «имдадийе» (помощь), который взимался в виде процента с суммы подати, введены налог на жилище и ряд других, более мелких [15, д. 21826, л. 212]. Натуральный налог «ашар» (десятина) собирался часто в виде $\frac{1}{5}$ урожая, что вызывало недовольство широких слоев болгарского крестьянства [15, д. 1650, л. 17]. При Мидхат-паше сбор десятины был отдан откупщикам, так как новая система взимания налога с помощью особых чиновников была признана турецкими властями невыгодной [15, д. 1652, л. 35]. Самоуправство сборщиков налогов, которые часто брали налог не натурой, как это полагалось, а деньгами, продолжалось [15, д. 1651, л. 93].

Взимание недоимок за прошлые годы все-таки активно продолжалось. Мидхат-паша распорядился собирать их в несколько сроков. По мере выплаты выдавались квитанции, специально для этого выпущенные губернатором [15, д. 21826, л. 90]. Эта мера должна была,

по мнению Мидхат-паши, предотвратить возможные злоупотребления [32, с. 38].

И без того нелегкое налоговое бремя увеличивалось вследствие частых экстраординарных поборов — для осуществления мероприятий в вилайете, о чем речь пойдет ниже. Это вызывало недовольство не только крестьянства и ремесленников, составлявших основную массу налогоплательщиков, но и представителей болгарской буржуазии, видевшей в этом тормоз для экономического развития края.

Огромные налоги, собиравшиеся по Дунайскому вилайету, лишь в незначительной степени шли на благоустройство края, вопреки тому, что официально объявлялось. Львиная доля доходов шла в казну. Все годы своего правления в Болгарии Мидхат-паша очень внимательно относился к финансовой стороне своей деятельности. Государственный деятель, чрезвычайно озабоченный сохранением и укреплением империи, Мидхат-паша считал вопросы фиска самыми важными, самыми насущными в условиях нараставших финансовых трудностей Османской империи. Создание новой административной системы ставило одной из своих целей упорядочение финансовой системы страны [там же, с. 24].

Чрезвычайно важным для Дунайского вилайета Мидхат-паша считал дорожное строительство. За четыре года его правления в вилайете было построено около 3 тыс. км дорог и 1420 мостов [там же, с. 28]. Методы, с помощью которых велось строительство, были таковы, что эта деятельность Мидхата, полезная сама по себе, крайне дорого обошлась местному населению. Турецкому правительству новые дороги не стоили ни копейки. Русский консул в Рушуке писал, что местные христиане сильно жалуются на обременительность новых налогов по случаю улучшения путей сообщения [15, д. 2182а, л. 4]. А русский консул в Видине сообщал в Константинополь, что крестьяне очень недовольны тем, что их заставляют работать на строительстве дорог [15, д. 1651, лл. 42—43]. Участие в этих работах было обязательным для всех категорий населения вилайета. В равной степени в них участвовали христиане и мусульмане. Тот, кто отказывался от работы, должен был вносить ежедневную плату для найма работника в размере до 6 курушей или же поставлять вместо себя кого-либо друго-

го. Крестьян выгоняли на работы в самое дорогое для них весеннее и летнее время целыми селами [15, д. 1652, лл. 32—33]. С марта по ноябрь жители вилайета должны были четыре-пять раз ездить на строительство дороги, теряя до недели времени [15, д. 2183, л. 188].

Интенсивное строительство дорог в Дунайском вилайете было, конечно, вызвано экономическими потребностями края. Мидхат-паша справедливо считал, что дороги крайне необходимы в Болгарии для развития торговли [15, д. 21826, л. 94]. Создание широкой сети дорог стимулировало и рост сельскохозяйственной продукции, предназначенной для рынка. Дорожное строительство объективно способствовало экономическому развитию Дунайского вилайета, расширяя его внутренний рынок. С укреплением этого рынка росла и укреплялась торговая болгарская и турецкая буржуазия.

Во время губернаторства Мидхат-паши в Болгарии была построена железная дорога Рушук — Варна, отданная в концессию известному строителю румелийских дорог барону Гиршу. В 1867 г. было предоставлено еще несколько концессий англо-франко-бельгийской компании на постройку в различных районах железнодорожных веток [75, с. 56]. Мидхат-паша не создавал еще тех опасностей, которые таились в проникновении иностранного капитала на условиях предоставления километрических гарантий.

Железнодорожное строительство интересовало Мидхата не только с точки зрения интересов экономического развития края. Существовал еще один аспект, который волновал Мидхата, на наш взгляд, ничуть не меньше. Железная дорога Рушук — Варна облегчала турецкому правительству срочную транспортировку войск из столицы в случае возникновения в Болгарии антитурецких выступлений; теперь путь из Константинополя до Рушука занимал всего 20 час. езды [16, д. 34, л. 10]. При всем том, однако, железная дорога Рушук — Варна имела большое экономическое значение. Она значительно расширила границы рынка для болгарской торговой буржуазии, усилив ее позиции.

Одним из важных направлений деятельности Мидхат-паши в Дунайском вилайете были действия по развитию сельского хозяйства, которое он пытался стимулировать с помощью созданных им сельскохозяйствен-

ных кредитных касс. В условиях развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве этого района Османской империи росла нужда в кредите, который обеспечивался исключительно ростовщическим капиталом, что при огромных процентах служило тормозом на пути развития производительных сил в сельском хозяйстве. Стремясь найти новые способы кредитования, Мидхат-паша начал основывать сельскохозяйственные кредитные кассы, положившие в известном смысле начало в Турции банковскому делу.

В передовой статье газеты «Туна» («Дунай»), основанной в Рушуке по инициативе Мидхата и издававшейся на турецком и болгарском языках [102, с. 33], говорилось по поводу создания сельскохозяйственных касс, что они предназначены для поддержки сельского хозяйства и промышленности [115, с. 97]. По мысли Мидхат-паши, эти кассы должны были ослабить гнет ростовщиков в сельском хозяйстве вилайета [32, с. 29]. Ослабление позиций ростовщиков, по мнению Мидхат-паши, могло быть обеспечено только с помощью создания кредитных сельскохозяйственных касс, где ссудный процент был бы значительно ниже.

Первоначально Мидхат-паша хотел привлечь к созданию сельскохозяйственных касс капиталы местных чорбаджиев. Но они решительно воспротивились этому, так как чаще всего сами являлись ростовщиками и с созданием касс теряли возможность выгодного помещения капитала. Ссудный процент, установленный Мидхатом для новых касс, составлял 12% в год, в то время как ростовщики брали не менее 48—60%. У Мидхата не оставалось иного выхода, кроме как прибегнуть к помощи самих крестьян.

В соответствии с уставом касс, их капитал составлялся с одобрения правительства несколькими способами. В санджаках София и Тульча, а также в ряде других для этого было выделено 5% собранных в виде ашара зерновых [115, с. 98]. В некоторых деревнях крестьяне должны были обрабатывать по полдёньюма земли, урожай с которой предоставлялся фонду местных сельскохозяйственных касс. Так собирался фонд касс в районах Силистрии, Варны и Тырново [там же, с. 102]. Постепенно этот способ был распространен на всех крестьян вилайета. Собранное зерно доставлялось в центры

каза и там продавалось с торгов под контролем местных административных советов. За три года существования касс их капитал составил около 300 тыс. лир [32, с. 29—30] (в 1865 г. он составлял 100 тыс. лир) [15, д. 21826, лл. 90—91].

В базарные дни крестьянам, имевшим удостоверение советов старейшин своих деревень, в котором подтверждалось их участие в составлении капитала кассы, давались ссуды до 1000 курушей на срок от трех месяцев до года [там же]. $\frac{1}{3}$ суммы получаемых кассами процентов должна была идти на строительство в деревнях школ, дорог и колодцев.

Чорбаджии, которые сначала пытались помешать созданию сельскохозяйственных касс, впоследствии нашли возможность с помощью этих касс удачно помещать свои капиталы. Пользуясь тем, что сельскохозяйственные кассы обслуживали не только крестьян, они также брали ссуды и затем отдавали их крестьянам под 18—20 % в год [66, с. 372].

Несмотря на то что при создании сельскохозяйственных касс большие суммы осели в карманах местных чиновников [75, с. 58], было бы ошибочным утверждать, что их создание не принесло никакой пользы болгарскому крестьянству. Эта мера уменьшила гнет ростовщичества. Создание кредитных касс должно было также стимулировать рост сельскохозяйственного производства [см. 83].

В целях совершенствования методов сельскохозяйственного производства в вилайете Мидхат-паша создал в окрестностях Рущука образцовое хозяйство — чифтлик, в котором применялись выписанные им из Европы машины [32, с. 40]. Он содействовал также приобретению современных сельскохозяйственных орудий помещиками [70, с. 253]. Таким образом Мидхат-паша пытался пропагандировать современные методы ведения сельского хозяйства.

Мидхат-паша стремился к развитию в крае предпринимательской деятельности. В своей речи в 1866 г. на открытии заседания Общего совета вилайета в Рущуке он выразил сожаление, что в вилайете еще недостаточно развита частная инициатива [15, д. 21826, л. 94]. Сам Мидхат-паша явился основателем общества по перевозке пассажиров дилижансами, а также судоходной

компании на Дунае, для нужд которой им были основаны предприятия по производству и ремонту транспортных средств [32, с. 32—33]. Мидхат-пашой также реконструирован речной порт в Рушуке [102, с. 19]. В Рушук же Мидхат-паша основал суконную фабрику для обеспечения нужд турецких войск, расквартированных в Болгарии [107, с. 211]. Оборудование для фабрики он заказал в Европе [114, с. 71].

Стремлением поощрить развитие в Болгарии различных отраслей промышленности следует объяснить и инициативу Мидхата по созданию ремесленных училищ, в которых детей-сирот, мусульман и немусульман, обучали ремеслам, позволявшим им работать на местных предприятиях [32, с. 33]. Подобные ремесленные училища возникли в ряде городов страны, в том числе созданное по инициативе Мидхата ремесленное училище для девочек при рушукской суконной фабрике [104, с. 572].

Мидхат-паша в описываемое время понимал уже гибельность режима капитуляций для развития местной промышленности. Он поддержал движение в вилайете против потребления иностранных товаров и демонстративно носил одежду из болгарского сукна (шаека) [60, с. 235].

Мероприятия Мидхат-паши объективно способствовали экономическому развитию края и в некоторой степени и развитию в нем капиталистических отношений. Однако ряд его мероприятий ухудшили положение народных масс.

Налоговый гнет во время правления Мидхат-паши усилился. Проведение в жизнь закона 1864 г. требовало огромных средств, в то время как турецкое правительство не выделило на это ни гроша. Все мероприятия Мидхата проводились за счет населения. Постоянно увеличившееся в связи с этим налоговое бремя не могло способствовать «процветанию» провинции, к которому Мидхат, по его словам, стремился [32, с. 27]. Огромный корпус жандармерии и полиции, созданный им для борьбы с возможными антитурецкими выступлениями, также требовал больших средств, которые губернатор изыскивал в самом вилайете. За счет увеличения налогов Мидхат-паша создал в Дунайском вилайете и «сверхштатные» корпуса жандармерии и тайной полиции, на

которые ежегодно тратилось до 54 тыс. курушей [15, д. 1650, л. 29].

В Дунайском вилайете наметилась политика Мидхат-паши, ставившая своей целью смягчение или, вернее, затушевывание противоречий между господствующей турецкой народностью и другими, отличными от нее по своей религиозной и национальной принадлежности, народностями и складывавшимися в Османской империи национальностями. Здесь, в Дунайском вилайете, Мидхат-паша начал закладывать основы политики «османизации» в целях создания в Османской империи некой единой «нации», в которую бы на равных правах вошли все народы империи, независимо от религиозной и национальной принадлежности. Важным делом на пути достижения этой цели (по существу утопической) он считал совместное обучение в школах мусульманских и немусульманских детей. Эта политика Мидхат-паши вызвала недовольство двух сторон. Немусульманские общины усмотрели в этом нарушение своей издавна сложившейся автономии в делах просвещения. Мусульманское же духовенство видело в этих проектах угрозу своему духовному господству над турецкой частью населения.

На следующий год после назначения его на пост Дунайского генерал-губернатора Мидхат-паша поручил главному кадию вилайета Неджиб-эфенди составить проект регламента о создании смешанных училищ. Проект был разработан через несколько месяцев.

Программа создания новой системы образования в Дунайском вилайете предполагала закрытие главных христианских училищ, содержащихся за счет общин, и создание смешанных училищ, в которых могли бы учиться как мусульманские, так и христианские дети. Доходы, ранее собиравшиеся общинами в пользу своих школ, должны были поступить в специальную правительственную кассу для содержания смешанных школ. Недостающие средства должны были быть собраны за счет увеличения налогов, а также обложения новыми налогами как турок, так и болгар.

Летом 1865 г. жителям Тырново было отдано распоряжение построить новое училище на равном расстоянии от христианского и мусульманского кварталов. При этом было приказано закрыть местное главное народное училище и передать средства, собиравшиеся на его со-

держание, местным властям. Предлогом к закрытию училища послужил тот факт, что преподавателям его долгое время не выплачивалось жалование, так как приход не смог собрать для этого необходимых средств.

Христианская община воспротивилась закрытию своего училища. На собрании всей общины было решено изыскать дополнительные средства, чтобы не допустить закрытия училища. Интересно отметить, что и мусульманская община столь же решительно возразила против предполагаемого совместного обучения мусульман с христианами. В результате Мидхат-паша должен был на время отказаться от своего плана преобразования системы обучения в Дунайском вилайете [15, д. 21826, лл. 24—26].

К 1866 г. относится новая попытка Мидхат-паши создать смешанное училище. На заседании рушукского административного совета 10 января 1866 г. он выступил со своим проектом, но опять потерпел неудачу. Члены совета, как мусульмане, так и немусульмане, в большинстве своем отрицательно отнеслись к проекту. По мнению немусульман, созданием смешанных училищ правительство стремилось «уничтожить самостоятельный характер христианских общин и ослабить, по возможности, народные и религиозные чувствования в молодом поколении» [там же, д. 21826, лл. 26—27]. Но ряд членов совета из числа болгар высказался за создание смешанных училищ [там же].

Отрицательное отношение болгар к проекту Мидхата объяснялось еще и тем, что именно в этот период происходила весьма напряженная борьба болгарского народа за создание автокефальной церкви, за создание собственной общины, независимой от власти греческого патриарха. Эта борьба, как уже отмечалось, являясь одной из форм общей борьбы болгар за национальное освобождение, выливалась в форму протеста против засилья греческого духовенства в области культуры и просвещения. Создание смешанных училищ означало угрозу другого засилья, турецкого, в той области, которая издавна была отдана в полное ведение самих болгар, хотя и через греческую общину (Рум милleti). И Мидхат, именно потому, что понимал, к каким последствиям для Османской империи может привести полная независимость болгар в деле образования и культуры, всячески

поддерживал греческую духовную верхушку в Болгарии, в частности митрополита Паисия, ненавидимого болгарями за его протурецкую политику [15, д. 1650, л. 36].

Создание смешанных училищ, по мысли Мидхата, должно было преследовать и другую цель. Поскольку в болгарских национальных школах преподавание стояло на более высоком уровне, чем в соответствующих учебных заведениях турок, смешанные училища могли несколько поднять уровень образования самих турок.

Мидхат-паша прекрасно понимал необходимость создания эффективной системы образования, в связи с чем представил в министерство просвещения докладную записку, в которой доказывал важность проведения в жизнь программы всеобщего начального образования. В той же записке Мидхат-паша предлагал расширить круг светских дисциплин для преподавания в школах рюштийе и ввести преподавание иностранных языков [58, с. 35]. Видимо, именно в связи с этой докладной запиской Мидхат-паши Намык Кемаль интересовался работами по организации провинциального обучения во Франции, сведения о чем отправил секретарю административного совета в Рушуке [120, с. 154—155].

Проект Мидхат-паши о создании смешанных школ с обучением в них мусульманских и христианских детей в возрасте от 8 до 10 лет турецкому, болгарскому и французскому языкам, не получил одобрения правительства. Закон 1869 г. о народном образовании не предусматривал создания смешанных начальных школ. Турецкое правительство, видимо, пугала кампания, поднятая против создания таких школ в болгарских газетах, издававшихся в Константинополе [60, с. 465].

Политика Мидхат-паши в Болгарии в определенной степени отвечала интересам экономического развития края. Конечно, его деятельность более всего отвечала стремлениям чорбаджийской прослойки, но от ряда мероприятий Мидхата, в частности от организации кредитных сельскохозяйственных касс, могли извлечь пользу и другие слои сельского населения Болгарии. Вместе с тем способствуя развитию в этом районе капиталистических отношений, деятельность Мидхата объективно усиливала национально-освободительное, антиосманское движение болгарского народа.

В. И. Ленин писал, характеризуя буржуазно-демокра-

тические национальные движения: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе... Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения» [13, с. 258—259].

Цель, которую Мидхат-паша ставил перед собой в своей деятельности в Дунайском вилайете, — новыми, «разумными», ненасильственными средствами закрепить Болгарию в составе Османской империи, привлечь болгарскую национальную буржуазию на сторону центральной власти, сделать из нее верного помощника — была неосуществимой. В последние годы пребывания Мидхата на посту дунайского генерал-губернатора наметилось оживление в пропаганде идей национального освобождения, самостоятельного развития Болгарии как государства, активизировалась деятельность болгарских революционных комитетов, боровшихся за национальное освобождение Болгарии, штаб-квартиры которых находились в Бухаресте.

В начале 1867 г. среди болгар распространилась брошюра под названием «Болгария перед Европой». Она была написана от имени болгарского тайного комитета и обращена к султану Абдул Азизу. В ней по существу критиковалась вся административная реформа, провозглашенная в 1864 г., а также политика Мидхат-паши в Болгарии, не принесяшая, по мнению авторов брошюры, никаких успехов. В качестве средства, которое могло бы спасти положение и улучшить условия жизни болгарского народа, авторы брошюры предлагали провозглашение политической и религиозной автономии Болгарии на базе конституции, причем к своему титулу султана Абдул Азиз должен был прибавить титул короля Болгарии. Они считали, что управлять Болгарией должно национальное конституционное правительство, контролируемое национальной ассамблеей, избираемой на определенный

срок всем болгарским населением на основе избирательного закона «без малейшего вмешательства правительства».

Резюмируя свое обращение к султану, авторы брошюры заявляли, что Болгария могла бы войти в состав Османской империи, как Венгрия входит в состав Австро-Венгрии и Алжир в состав Франции. Создание такого государства уничтожило бы все предлоги для вмешательства во внутренние дела империи. Содержание брошюры было известно Мидхату, и он запретил ее распространение, произведя во многих домах обыски. (Текст брошюры приложен к донесению русского консула в г. Рушуке от 24 марта 1867 г.) [17, д. 755; д. 2183, лл. 1—2].

В ответ на брошюру «Болгария перед Европой», которая была впоследствии перепечатана в нескольких болгарских газетах [17, д. 755, л. 2], появилась другая брошюра, изданная в Галаце и резко критиковавшая взгляды авторов первой. В ней решительно осуждалась попытка пропагандировать создание автономной Болгарии под эгидой Турции и столь же решительно осуждалась политика, проводимая в Болгарии Мидхат-пашой [приложение к донесению русского консула в г. Рушуке от 24 марта 1867 г., — 17, д. 755].

Развитию национально-освободительной борьбы болгарского народа способствовало восстание греков против турок на о. Крит, начавшееся в 1866 г. и вызвавшее сочувствие болгарского населения при одновременном обострении ненависти к турецким властям [15, д. 21826, л. 214]. Особенное возмущение болгар вызвала организация Мидхат-пашой многочисленных «добровольных» пожертвований местного населения в пользу турок, пострадавших во время событий на о. Крит. Дунайский генерал-губернатор выступил по этому поводу в административном совете Рушука [15, д. 2183, л. 14]. Он основывал филантропические комитеты, устраивал благотворительные вечера с разыгрыванием лотерей [там же, лл. 13—14], обращался к болгарам с призывом помочь критским туркам через газету «Дунай» [там же, л. 15].

Эта политика Мидхат-паши, как и его стремление создать в Болгарии смешанные училища, представляется нам одним из проявлений его стремления «османизировать» болгарское население, пробудить у него чувство

«общей родины», убедить в том, что интересы болгар и турок целиком совпадают, так как они имеют одну и ту же родину — Османскую империю и входят в некую единую «османскую нацию».

Наконец, еще одной стороной той же тенденции следует считать намерение Мидхат-паши предоставить немусульманам по окончании смешанных училищ право поступать в военные училища, т. е. допустить немусульман в армию. Однако помимо оппозиции против этого плана со стороны фанатично настроенных мусульман, не допускавших и мысли о возможности включения христиан в войско «борцов за веру», полное отсутствие желания служить в османской армии выражали и сами христиане. Их вполне устраивало, что они не несут воинской повинности, замененной для них определенным налогом.

Пытаясь на деле предоставить немусульманам равные права с мусульманами, Мидхат-паша в ряде случаев допускал немусульман и к административным должностям [15, д. 1619, л. 8; 83, с. 58]. Современники отмечали, что благодаря этому общая картина отношений между христианами и мусульманами в период правления Мидхат-паши несколько изменилась. Путешествовавший в эти годы по Болгарии австриец Канитц писал, что со времени его последнего путешествия по этой османской провинции здесь наблюдается заметное улучшение в отношениях между мусульманским и христианским населением. Он видел государственных чиновников из христиан, ему даже бросилось в глаза изменившееся отношение местных жандармов к христианам [21, с. 134].

Борясь за сплочение «османской» нации, преодоление мусульманско-христианского антагонизма и одновременно объясняя распространение среди болгар освободительных идей влиянием пропаганды, которая велась агитаторами болгарских комитетов с центрами в Румынии и Сербии, Мидхат-паша стремился уничтожить те пути, по которым шло это влияние.

Среди болгарской эмиграции в Румынии в это время существовали три основные революционные группы с разными взглядами на направление национально-освободительного движения [60, с. 287—288]. Однако все три считали необходимой антитурецкую пропаганду среди болгарского населения, для чего они засылали в Болга-

рию своих агитаторов. Мидхату, имевшему своих осведомителей не только в Дунайском вилайете, но и за его пределами, было известно до некоторой степени о готовившихся антитурецких акциях болгарской эмиграции.

9 февраля 1866 г. в газете «Дунай» было опубликовано распоряжение Мидхат-паши об обязательной проверке паспортов у лиц, прибывающих в вилайет или покидающих его на турецких пароходах, совершающих рейсы по Дунаю. Он объяснил эту меру, необходимостью предотвращения побегов преступников [15, д. 21826, лл. 73—74]. На самом деле это позволяло Мидхату контролировать прибытие в вилайет лиц, подозреваемых им в связях с эмигрантскими комитетами. Русский консул в Рушуке сообщал в своем донесении в Константинополь, что местная власть зорко следит за всеми лицами, приезжающими в вилайет из Румынии [там же, л. 30].

В конце 1866 г. Мидхат-паша отдал распоряжение о создании вдоль дунайской границы караулов. Для этого 60 тыс. жителей вилайета, как мусульмане, так и христиане, на определенный срок ставились под ружье [15, д. 1652, л. 23].

Эти мероприятия, по мысли Мидхат-паши, должны были поставить преграду на пути проникновения агентов болгарских комитетов и целых отрядов, деятельность которых, по его мнению, была единственной причиной взрывов недовольства болгар Дунайского вилайета. Мидхат полагал, что его мероприятия не оставляли повода к подобному недовольству [32, с. 41—42].

Болгарские комитеты в Бухаресте не прекращали своей деятельности в Болгарии, несмотря на то что условия борьбы болгар против османского государства были затруднены защитными мероприятиями Мидхата.

В начале 1867 г. последователями Георгия Раковского, одного из руководителей национально-освободительного движения болгарского народа в начале 60-х годов XIX в., в Бухаресте был подготовлен план вторжения в Болгарию вооруженных отрядов (чет). В соответствии с ним в апреле 1867 г. Дунай перешла чета Панайота Хитова численностью свыше 300 человек, а в мае 1867 г. — чета Филипа Тотю в составе 35 человек. Обе четы должны были соединиться в районе Хаинбоаза [60, с. 300].

Как только Мидхат-паша получил сведения о появлении в районе Свиштова вооруженной четы, он направился туда, захватив с собой две роты солдат. Прибыв на место, он потребовал присылки дополнительно еще 80 хорошо вооруженных жандармов [15, д. 2183, лл. 42—43]. Затем он требовал еще все новых и новых подкреплений, что свидетельствует о том, что в борьбе с четниками, к которым часто присоединялось местное население, турецкие войска первоначально терпели неудачу. Тактика повстанцев заключалась в том, чтобы укрепляться в лесах и оттуда совершать нападения на турецкие отряды [18, с. 73].

Мидхат-паша жестоко расправлялся с восставшими. Всех тех, кто был схвачен во время столкновений между четами и турецкими солдатами, по его приказу вешали без суда и следствия [15, д. 2183, л. 74]. Во все районы, где действовали четники, Мидхат высылал вооруженные отряды, которые по малейшему подозрению хватали людей и отправляли в тюрьму города Тырново, где суд приговаривал их, как правило, к смертной казни [32, с. 46—47].

Жестокость Мидхат-паши в борьбе с четниками, одобренная правительством, объяснялась не только страхом перед тем, что в Болгарии может вспыхнуть всеобщее восстание и возникает угроза отделения ее от Османской империи, но и тем обстоятельством, что в это время через вилайет должен был проезжать султан Абдул Азиз, возвращавшийся из поездки в Европу. Восстание в Болгарии одним махом перечеркивало все то, казавшееся Мидхату положительным, что было сделано им в Дунайском вилайете.

В августе 1867 г. борьба с четниками была в основном закончена. Однако крайне обеспокоенный Мидхат считал, что сделано далеко не все, чтобы предотвратить подобные инциденты в будущем. Он затребовал у Порты 40 тыс. ружей для военных отрядов [там же, с. 52]. Вдоль границ с Сербией и Румынией были выставлены военные посты, где поочередно должны были вести службу мусульмане и немусульмане. Для их вооружения, по решению Общего совета вилайета, с населения собирались деньги [там же, с. 55].

Действия чет летом 1867 г. не вызвали в Болгарии всеобщего восстания против турецкого ига, однако они

подняли боевой дух болгарского народа и укрепили его веру в будущее освобождение.

В августе 1867 г. Мидхат-паша получил от своих тайных агентов известие, что из Галаца в Болгарию будут отправлены два агента для ведения антитурецкой пропаганды. Они должны были прибыть в Рушук на австрийском пароходе «Германия» [там же]. Мидхат-паша добился у австрийского консула разрешения на проверку документов у пассажиров этого парохода в Рушук. При проверке двое пассажиров оказали вооруженное сопротивление турецкой полиции и были ранены. Ими оказались болгарин и серб; последний умер тут же на пароходе от полученных при перестрелке ран. Тяжелораненый болгарин был отправлен в Рушукскую тюрьму, где его лично допрашивал Мидхат-паша. В тюрьме арестованный умер, причем Мидхат проявил к нему ничем не оправданную жестокость, отказав перед смертью в питье и не разрешив впустить к умирающему духовника [15, д. 2183, лл. 135—136]. По сообщению русского консула в Рушук, в сумке болгарина были найдены списки лиц, сделавших пожертвование на восстание [там же, лл. 134—135].

Инцидент с пароходом вызвал протесты дипломатических представителей. Об этом писали в европейских газетах и говорили в Константинополе. Особенно обеспокоенным казался русский посол в Османской империи Н. П. Игнатьев, который вообще с опаской относился к деятельности Мидхат-паши в Болгарии.

Сразу после описанного инцидента на Мидхата было совершено два покушения, чуть не стоивших ему жизни [32, с. 59—60]. Однако он продолжал в Дунайском вилайете свою политику, которая, по его убеждению, поддерживалась турецким правительством [там же, с. 57]. Тем не менее в начале 1868 г. Мидхат-паша был вызван в Стамбул и больше не вернулся на свой прежний пост.

Сам Мидхат-паша объяснял свое смещение давлением русского посла в Константинополе, который пытался представить деятельность дунайского генерал-губернатора как постоянное стремление к сепаратизму, приписывал ему желание ввести в стране конституцию [там же, с. 43]. Последнее было не столь уж безосновательно (см. в главе III).

Вполне допустимо, что русский посол в Османской

империи пытался вызвать подозрения у султана Абдул Азиза относительно проводимой Мидхатом политики в Болгарии, тем более, что в этом ему помогали обстоятельства. В конце 1867 г., а возможно в начале 1868 г., был опубликован текст письма египетского принца Муштафы Фазыл-паши, взгляды которого выражали идейные воззрения «новых османов», живших тогда в эмиграции в Париже. В этом письме султану предлагалось ввести в стране конституцию [73, с. 62]. Письмо, без сомнения, распространялось и в Болгарии, и существовал вариант письма на болгарском языке; о нем было известно большому кругу людей, известно оно было и Мидхат-паше. Кроме того, сам Мидхат-паша писал в своих воспоминаниях, что, находясь в Дунайском вилайете, составил проект конституции [32, с. 170]. Все это не могло не вызвать подозрений у султана. Однако мы не имеем свидетельств, которые бы с точностью говорили о том, по какой причине произошло смещение.

В целом политику Мидхат-паши в Болгарии нельзя оценивать однозначно. Английский автор Уильям Миллер в своей книге «Османская империя и ее преемники. 1801—1927» справедливо замечает, что болгары относились к отзыву Мидхат-паши из Дунайского вилайета со смешанным чувством, как к отъезду того, кто был их покровителем в материальных интересах, но одновременно ярким противником их национальных устремлений [134, с. 344].

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МИДХАТ-ПАШИ
В КОНЦЕ 60-х — НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ
XIX В.

В 1868 г. Высший юридический совет был разделен на два самостоятельных органа — Государственный совет и Совет юридических постановлений [107, с. 166]. Смещенный с поста генерал-губернатора Дунайского вилайета, Мидхат-паша стал председателем Государственного совета, что можно рассматривать как определенное признание его реформаторских заслуг в области государственного управления.

На торжественном открытии Государственного совета султан Абдул Азиз произнес речь, в которой, в частности, сказал, что реформа государственного управления основана на строгом отделении исполнительной власти от судебной и гражданской от духовной [118, с. 157], а Государственный совет явится центральным свещательным органом при султани. В работе совета, заявил султан, примут участие представители всех народов Османской империи, независимо от их принадлежности к той или иной религиозной общине [111, с. 42]. Европейцы, современники событий, которые писали о турецком парламенте 1877 г., оценивали создание Государственного совета как переходную ступень в развитии конституционного и парламентского режима в стране, так как совет заключал в себе, по их мнению, «зародыш подлинного народного представительства» [130, с. 79].

Государственный совет создавал некоторую видимость участия в делах управления государством представителей угнетенных национальностей. Во всяком случае его создатели, в частности великий везир Али-паша, считали необходимым включить в состав совета немусульманских подданных в порядке осуществления их прав,

декларированных хатт-и хумаюном 1856 г. [96, с. 120]. Современный турецкий историк Тарик Туная назвал Государственный совет моделью парламента в мелком масштабе [110, с. 41]. На деле это, конечно, было далеко не так.

В совет вошли 28 представителей мусульманской общины и 13 представителей других общин. Новый государственный орган должен был собираться каждый год. Немусульмане — члены совета представляли различные вилайеты. Тарик Туная пишет, что первые провинциальные представители, отправлявшиеся в совет, выезжали в столицу с большой торжественностью, их сопровождало взволнованное этим событием население [там же].

Государственный совет, многими авторами представлявшийся как «парламент в миниатюре», на самом деле не имел с ним ничего общего. Сфера обсуждаемых советом дел была крайне ограничена. Совет обладал только совещательными функциями и не имел законодательных прав. В 1868 г. все члены совета были назначены правительством, а не выбраны. Покоренные турками народы были представлены в совете мало и непропорционально. Например, болгары имели в нем всего одного представителя [120, с. 104].

Тем не менее несомненно, что Государственный совет наряду с сетью административных советов в провинциях являлся одной из ступеней в развитии принципа выборности в управлении государством. Интересно вспомнить в этой связи слова из воспоминаний Мидхат-паши, который писал, что Государственный совет был задуман Фуад-пашой как подготовительная мера к созданию в стране палаты депутатов [32]. Не были чужды, по-видимому, эти идеи и самому Мидхату. Ряд фактов приводит нас к этому выводу.

Мидхат-паша был, по всей вероятности, осведомлен о политических замыслах «новых османов» — политической организации, созданной в июне 1865 г. в Стамбуле и ставившей своей целью создание в Османской империи конституционно-монархического режима. Два наиболее видных члена этой организации — Зия и Намык Кемаль — в связи с раскрытием и разгромом организации вынуждены были покинуть Турцию. Перед своим бегством в Европу они имели встречу с Мидхатом в

Стамбуле и договорились о переписке. Эбуззия Тевфик должен был брать письма во французском консульстве и передавать их жене Мидхата Наиме-ханым [80, с. 116—117]. Впрочем, о достоверности этого факта можно спорить. И все же о Мидхате говорили, что он тайно поддерживает общество «новых османов» и является его сторонником [111, с. 91—92]. По словам Шарля Мисмера, который некоторое время был секретарем Али-паши, Фуад-паша однажды сказал о Мидхате следующее: «Этот человек видит в парламентарном режиме панацею от всех зол...» [121, с. 104].

В компетенцию Государственного совета входили вопросы, связанные с рассмотрением законопроектов в гражданской и военной областях, а также в области финансового управления. В совете обсуждались также мероприятия, связанные с общественными работами, торговлей, сельским хозяйством, образованием [96, с. 123].

Во время председательства Мидхат-паши в Государственном совете в нем были обсуждены и опубликованы постановления о создании в Стамбуле ремесленного училища [30а, т. 2, с. 258—276], подобных же училищ в вилайетах [там же, с. 277—295], о разработке природных богатств [там же, с. 318—337], о создании в Стамбуле сберегательной кассы [там же, с. 374—381]. Закон о народном образовании был опубликован в начале сентября 1869 г., т. е. уже после смещения Мидхата с поста председателя Государственного совета, однако очевидно, что в его обсуждении он принимал непосредственное участие. Этот закон имел важное значение для дела народного образования в Турции. Он определил все ступени начального, среднего и высшего образования в Османской империи [58, с. 38].

Параллельно с работой в Государственном совете Мидхат-паша вел активную практическую деятельность. В Стамбуле им была создана ремесленная школа на 500 учащихся. В ней воспитанникам давалось общее образование, причем в число изучавшихся предметов входили арифметика и химия. Кроме того в школе обучали кузнечному, литейному и столярному делу; воспитанники получали профессии наборщиков, переплетчиков, литографистов, портных, шорников и др. [32, с. 63—64]. Это были те профессии, в которых, по мнению Мидхата, нуждалась столица. Знаменательна в данном слу-

чае забота Мидхата о подготовке квалифицированной рабочей силы не только для промышленности, но и для типографского дела, забота о развитии в Турции печати, являющейся, по выражению К. Маркса, одной из необходимых предпосылок буржуазного развития [3а, с. 262].

Находясь на посту председателя Государственного совета, Мидхат-паша создал в Стамбуле в соответствии с постановлением сберегательную кассу. 28 июня 1868 г. журнал «Меджмуа-и маариф» («Журнал просвещения») вышел со статьей Мидхат-паши, разъясняющей цель создания кассы. Он писал, что естественной обязанностью всех «хозяев» является накопление, поэтому необходимо объединять капиталы, которые невозможно использовать в промышленности и торговле в отдельности. В случае же объединения возможно применение капитала «в делах, приносящих общую пользу» [115, с. 112].

Сберегательная касса, созданная Мидхатом, являлась одновременно и кредитной организацией. Ссудный процент составлял 12% в год, в то время как вкладчикам обеспечивался ежегодный доход в 9%. Первоначальный капитал кассы составлял всего несколько сот лир, увеличившись за 12—13 лет до 20 тыс. лир [32, с. 65].

Пока Мидхат-паша был занят делами на посту председателя Государственного совета, обстановка в Болгарии обострилась. Сразу же после отъезда Мидхата из Дунайского вилайета здесь вновь разгорелась антитурецкая борьба. Начали свои действия большие четы под руководством Хаджи Димитра и Стефана Караджи. Перед ними была поставлена задача достичь Старой Планины и образовать там временное правительство, которое возглавило бы восстание во всей стране [60, с. 304]. Этот план разработал в Бухаресте революционный комитет, называвшийся «Болгарским обществом». О готовящейся акции стало известно турецким властям. В первом сражении с турецкими солдатами четники одержали победу. В своем рапорте Порте Сабри-паша, новый генерал-губернатор Дунайского вилайета, писал, что четники хорошо организованы и используют тактику, отличающуюся от тактики прежних лет [там же, с. 305]. Таким образом, Сабри-паша оправдывался перед правительством за свои малоуспешные действия по борьбе с восставшими.

Турецкое правительство, крайне встревоженное анти-

турецкими действиями в Болгарии, решило послать на подмогу дунайскому губернатору «опытного» Мидхат-пашу, наделив его чрезвычайными полномочиями и освободив на время от обязанностей председателя Государственного совета. Мидхат-паша возглавил вооруженную борьбу с четниками. По официальным турецким сведениям, в пяти сражениях четников с турецкими войсками погиб 101 болгарин. Остальные были ранены, попали в руки карателей и были повешены [там же, с. 306]. В донесении правительству Мидхат-паша писал, что он приостановил националистическую пропаганду в Болгарии и провел необходимые мероприятия в административной и военных сферах, а также в области образования [107, с. 95].

В одном из своих рапортов Мидхат-паша писал Порте, что болгарское население не поддержало четнического движения, что в вилайете царит спокойствие [18, с. 92]. Это было полуправдой. Конечно, репрессии Мидхата вызывали страх у населения. Но вот дворцовый историограф Лютфи-эфенди писал, что действия Мидхат-паши в Болгарии привели в конечном счете лишь к росту национально-освободительного движения в этой османской провинции [приводится по: 107, с. 95].

Возвратившись в Стамбул после подавления четнического движения в Болгарии, Мидхат-паша вновь приступил к деятельности в Государственном совете. Влияние Мидхата во дворце, особенно усилившееся после выполнения правительственного задания в Болгарии, вызвало, как обычно при султанском дворе, тайную зависть, недоброжелательство и интриги. Независимый, крутой и решительный характер Мидхата, его неуступчивость в делах, касающихся интересов государства, пришлось явно «не ко двору». Мидхат-паша меньше всего походил на царедворца и начинал раздражать многих, в частности Али-пашу, недовольного тем, что Мидхат не допускал его к участию в работе Государственного совета и опасавшегося, как бы Мидхат однажды не занял его место. Частые разногласия Али-паши с председателем Государственного совета никак не могли укрепить их взаимоотношений и неизбежно вели к конфликту [104а, т. III, с. 321]. Английский посол в Константинополе позднее писал, что Али-паша чувствовал, как день ото дня усиливается влияние Мидхата и потому твердо решил изба-

виться от своего опасного соперника [там же, с. 322]. И ему удалось убедить султана Абдул Азиза в необходимости отправить Мидхата в провинцию, где, по мнению великого везира, было его настоящее место.

Поводом к смещению Мидхат-паши с поста председателя Государственного совета явились его резкие разногласия с Али-пашой по вопросу о функциях совета в области финансов [45, с. 12—13]. Суть этих разногласий неизвестна. Но в результате Мидхату был предложен пост губернатора Багдадского вилайета. Ему заявили, что в случае отказа, он останется в столице без должности и без средств к существованию [104а, т. III, с. 321].

Деятельность Мидхат-паши на посту председателя Государственного совета свидетельствовала о его стремлении стимулировать развитие в столице промышленного производства. Об этом говорят его попытки создать контингент квалифицированной рабочей силы, найти необходимые капиталы, организовать кредит. Важно отметить также заботу Мидхата о развитии в стране образования, просвещения.

Новый пост губернатора Багдадского вилайета, который Мидхат-паша вынужден был принять, открывал перед ним столь же широкие реформаторские возможности, что и в Дунайском вилайете, с той, однако, разницей, что уровень экономического и социального развития Болгарии намного превосходил уровень арабской провинции Османской империи.

Багдадский вилайет, созданный в 1867 г., занимал обширную территорию (приблизительно территория нынешнего Ирака) с городами Багдад, Басра, Мосул, Сулеймания и другие. Несмотря на то что вилайет существовал официально, на деле новая провинциальная система не коснулась этой обширной части Османской империи.

Подавляющая часть населения Ирака была занята в сельском хозяйстве, которое велось примитивными методами и к тому же находилось в состоянии упадка. Многие ирригационные сооружения были разрушены или нуждались в ремонте, значительная часть земель заболочена, занесена песками или заброшена [61, с. 13]. На Тигре и Евфрате использовались древние норы — большие водяные колеса, подававшие по желобам воду с рек к полям. Орудия труда были примитивными, что

отчасти объяснялось свойствами почвы Междуречья, не требовавшей глубокой пахоты. Крестьянские хозяйства прибрежных районов страдали от ежегодных весенних разливов великих рек. Необходимо было на берегах рек и на самих полях сооружать защитные дамбы и валы. Зато в других районах Ирака — северных и западных — население страдало от недостатка воды, и нужны были ирригационные каналы. Только в районе Шатт-эль-Араба природные условия способствовали развитию сельского хозяйства. Во время прилива морская вода из Басрийского залива ежедневно входила в русло Шатт-эль-Араба, и вода реки выходила из берегов и затопляла прибрежные поля и сады. Такое наводнение не только орошало землю, но и удобряло ее, нанося на поля тонкий слой плодородного ила [52, с. 222—223].

В рассматриваемый период Ирак переживал медленный процесс разложения родо-племенных отношений, господствовавших на большей части его территории. 35% населения Ирака (всего в Багдадском вилайете в это время проживало 1 280 тыс. человек) составляли кочевые племена. В долинах же среднего Евфрата и Тигра существовали земледельческие поселения, жители которых «сохраняли племенную организацию и связь с соплеменниками — кочевниками» [49, с. 3]. Кочевое скотоводство являлось основной отраслью экономики Ирака. Земледелие велось в значительной мере полукочевыми, полужемледельческими племенами [там же].

Местная промышленность была развита в Ираке крайне слабо. Ее представляли по большей части кустарные мастерские, использовавшие местное сельскохозяйственное сырье. Товарно-денежные отношения также были развиты очень незначительно.

После отмены в 1861 г. внутренних таможенных пошлин торговцы из европейских стран легко завоевали внутренний иракский рынок, после чего Ирак начал втягиваться в орбиту мировой торговли [91, с. 10], чему содействовало и открытие в 1869 г. Суэцкого канала.

Прибыв в 1869 г. в Багдадский вилайет, Мидхат-паша столкнулся с совершенно иными условиями и проблемами, чем в Дунайском вилайете. Здесь менее остро стоял вопрос о сохранении политического господства турок. Национально-освободительного движения, такого, как в Болгарии, где оно было связано с развитием капи-

талистического способа производства, в Ираке, по существу, не было. Однако и в этой части Османской империи существовали силы, которые противились политическому господству турок.

Носителями анитурецкого настроения в Ираке являлись кочевые и полукочевые арабские и курдские племена, отказывавшиеся платить налоги казне и не признававшие государственной власти. В горных труднодоступных местностях Ирака многие племена вели жизнь, практически независимую от турецкого правительства.

Проблема племен в Османской империи всегда стояла остро. Предшественники Мидхата пытались разрешить ее одним способом — с помощью военной силы. Кроме того, они сеяли межплеменную рознь, руководствуясь принципом «разделяя, властвуй». В этом смысле первоначально и Мидхат-паша не внес ничего нового.

Начало деятельности Мидхат-паши в качестве багдадского губернатора ознаменовалось восстанием населения Багдада, поддержанным местными племенами. Волнения вызвали рекрутский набор, объявленный Мидхат-пашой. Узнав о начавшихся волнениях, Мидхат немедленно мобилизовал имевшиеся в его распоряжении военные силы и созвал совет старейшин города, на котором заявил: «Я знаю о всех ваших маневрах; это восстание — дело ваших рук. Я призываю немедленно покончить с ним. Если через два часа порядок не будет восстановлен, я предупреждаю, что сожгу город, велю вас всех повесить и немедленно вернусь в Константинополь. И пусть меня там самого повесят». В тот момент, когда он говорил это, им уже был отдан приказ разрушить мост через Тигр, соединявший две части города [130, с. 84]. Меры Мидхата оказались достаточными, чтобы покончить с восстанием.

Рекрутские наборы почти всегда сопровождалась в Ираке восстаниями племен, поэтому они чаще всего и не проводились. Успех рекрутского набора означал здесь улучшение отношений племен с центральной властью. Представив своих рекрутов в турецкую армию, племя как бы подтверждало свою лояльность правительству, а потому было обязано выплачивать ему и налоги.

Налоговый вопрос был, пожалуй, здесь самым сложным для турецких провинциальных властей. Применение силы при сборе налогов приносило весьма малую пользу,

и большинство племен ничего не платило казне в течение многих лет. Установившейся практикой в Ираке считалась посылка солдат в районы, подлежащие налоговому сбору, поэтому Мидхат-паша, не задумываясь, послал в район Диванийе и Афака турецкий батальон во главе с полковником турецкой армии и мутесаррифом, чтобы собрать налоги за текущий год и за прошлые годы. Узнавшие об этом племена восстали. Отряд повстанцев численностью около 8 тыс. человек одержал победу над турками. В сражении погибли большая часть турецких солдат, полковник и мутесарриф. Победа эта послужила сигналом к восстанию и других племен района Афака.

Восставшие окружили посланные на подавление восстания турецкие войска, поддержанные всадниками шейха крупного племенного объединения Саадун Насир-паши, незадолго до того объявленного Мидхатом мутесаррифом Мунтефика, обширного района на юге Ирака. (Назначение вождей племен на высокие правительственные посты имело своей целью поставить под правительственный контроль большие племенные объединения. Практика эта была не новой для Ирака.) Продовольствие, посланное турецким войскам по Евфрату, было захвачено восставшими. Они повредили телеграфную связь с Диванийе. Восстание начало приобретать опасный для турецких властей характер. Мидхат-паша с небольшим отрядом отправился в Диванийе, в район восстания, срочно начал переговоры с восставшими и добился перемирия [32, с. 72—75].

Однако до окончательного разрешения конфликта было еще далеко. Восставшие укрепились на островах среди обширных залитых водой пространств земли и выбить их оттуда представлялось задачей весьма трудной. Положение осаждающих было трудным еще и потому, что они подвергались нападению со стороны других племен. В частности, один из местных шейхов — Халиль — неожиданно напал на конницу Насир-паши, нанеся, по признанию Мидхата, весьма чувствительный удар турецким войскам [там же, с. 76—77].

Восстание использовал для своего выступления шейх племени шаммаров Абдул Керим. Со своими всадниками из Урфы и Алеппо он очень скоро достиг стен Багдада. На борьбу с ним были отправлены турецкие войска под

командованием Ахмед-паши. В кровопролитном сражении победу одержали турки.

Вскоре с помощью сооруженных дамб туркам удалось осушить место, где засели восставшие, и одержав над ними победу, после чего рядовые члены племен, участвовавшие в восстании, получили прощение и были отпущены на свободу, схваченные же шейхи районов Дагари и Афака подверглись суду и были приговорены к смертной казни. Отметим, что и в этих событиях большую помощь туркам оказали Насир-паша и его брат Мансур [там же, с. 79]. Достоин внимания тот факт, что помощь эта меньше всего объяснялась стремлением Насир-паши установить более тесные контакты с турецким правительством. Причина помощи заключалась в племенной вражде, существовавшей между племенами Мустефика и шаммарами, которая усугублялась к тому же личной враждой Насира и Абдул Керима [48, с. 460].

После поражения восстания в Дагаре Абдул Керим не прекратил своей борьбы и с остатками своего войска подошел к Диванийе, где находился в это время Мидхат. Здесь во время стычек с турецкими войсками Абдул Керим был схвачен, отправлен в Мосул и казнен [там же, с. 461]. Так с большими потерями как со стороны племен, так и со стороны турок, было покончено с одним из крупных племенных восстаний.

После событий в Дагаре в Ираке во время правления Мидхата не произошло ни одного сколько-нибудь крупного восстания племен. Причина этого лежала не только в военных победах турок, но и в той политике, которую Мидхат-паша начал проводить после описанных событий.

В своих воспоминаниях Мидхат-паша писал, что пытался выяснить причины, лежавшие в основе частых восстаний племен. По его мнению, не религиозная рознь вызывала беспорядки, как считали в то время многие, и не тот факт, что члены племен были постоянно вооружены по обычаю, как полагали другие [32, с. 80]. Судебное разбирательство, устроенное Мидхатом с целью не только наказать виновных, но и выяснить причины, приведшие к восстанию в Дагаре, выявило основную жалобу восставших — их крайне бедственное положение и неспособность платить налоги. Это положение являлось

в большой мере следствием земельных отношений в Ираке [там же, с. 81].

В Ираке того времени господствовало общинное племенное землевладение в форме *диры*: племя совместно владело территорией, определявшейся обычаем и включавшей в себя пастбища и земледельческие угодья. В рамках *диры* исключалось закрепление участков в более или менее продолжительное индивидуальное пользование. *Дира* в Ираке означала уравнительное землепользование равноправных соплеменников; верховное право собственности сохранялось за государством [49, с. 4—5]. Тем не менее племя не признавало государственной собственности на землю и, как правило, не платило налогов государству. Фактически землей племени владели шейхи. Они сдавали эту землю в аренду либо непосредственно феллахам, либо своим агентам — саркалам. Феллах, арендовавший землю, отдавал шейху половину урожая [135, с. 147—148].

Как уже указывалось, в *дире* исключалось закрепление участков в более или менее продолжительное индивидуальное пользование. Обработка земли в ней велась непостоянно. Часто феллах бросал свой участок и отправлялся на поиски нового. Посаженные им деревья, созданные им оросительные системы не считались его собственностью. Не было крепкой связи феллаха с землей. Именно это, по мнению Мидхата, было губительным для населения, а главное, уменьшало доходы государства. Кроме того, Мидхат-паша полагал, что результатом подобной системы землевладения и постоянных кочевков членов племени являлось нежелание последних считать себя населением страны и защищать ее. Мидхат-паша видел решение данной проблемы в проведении земельной политики, отвечающей духу реформ. Еще в 1858 г. в Османской империи был принят земельный кодекс, закреплявший частную земельную собственность. Кодекс узаконил передачу государственных земель *мири* частным лицам в бессрочную аренду на основе документа — *тапу*. Общинное землевладение ликвидировалось. Отдельные земельные участки предписывалось предоставлять каждому жителю, с выдачей ему соответствующего документа — *тапу*, если этот житель доказал, что участок обрабатывается им не менее 10 лет.

Кодекс «находился в резком противоречии с господ-

ствовавшими в то время в Ираке аграрными отношениями» [49, с. 6—7]. Между тем в соответствии с ним Мидхат-паша начал продавать на основе тапу государственные земли бывшим ленникам султана и, главное, шейхам племен. Они становились владельцами крупных массивов земель, верховным собственником которых формально оставалось государство [64, с. 127].

Основной целью проводившейся в Ираке земельной реформы являлось разрушение системы общинного землевладения, родо-племенных отношений, затруднявших турецкому правительству осуществление своей власти в Ираке. Вместе с тем владельцами земли на основе тапу часто становились крестьяне, которые и раньше фактически пользовались ею, сажая сады, возводя ирригационные сооружения [132, с. 306]. В этом случае земельная политика Мидхата ставила своей целью заинтересовать иракского феллаха в развитии сельскохозяйственного производства, сделав его наследственным владельцем земли.

В своих воспоминаниях Мидхат-паша писал, что с проведением земельной реформы в Багдадском вилайете наметилось развитие сельскохозяйственного производства, и население не имело больше поводов к антиправительственным восстаниям [32, с. 85—86].

Однако это было только мнение самого Мидхата. Шейхи племен весьма подозрительно отнеслись к начинаниям турецкой администрации. Нежелание нести воинскую повинность, платить налоги правительству, зависеть от ирригационных систем и рынков государства, сила родо-племенных обычаев и пережитков — всё это определило лишь частичный успех земельной политики Мидхата. Турецким властям удалось осуществить реформу лишь на $\frac{1}{5}$ иракской территории. Враждебно отнеслись к проводившейся реформе и рядовые члены племен. В условиях периодического передела общинных земель и переложного земледелия было трудно обосновать свое право на определенный участок земли. Теперь же между шейхами племен, становившимися в результате реформы частными владельцами земли, и рядовыми членами племен возникали земельные конфликты. Больше того, в тех районах, где была осуществлена реформа, права на землю захватили не только шейхи племен, но и турецкие чиновники, городские торговцы [49, с. 8].

Проведению реформы мешали и недостатки самой организации земельных преобразований. Учреждения, занимавшиеся перерегистрацией земель и выдачей тапу, не имели квалифицированных специалистов. Чиновники из-за отсутствия топографических карт часто весьма смутно представляли себе границы земельных участков, выделенных для продажи. К этому следует прибавить невежество и продажность чиновников, которые за деньги могли сделать все, что угодно, в частности продать уже проданную ранее землю и выдать документ на ее наследственное владение [132, с. 317].

И все же нельзя говорить о полной несостоятельности земельной политики Мидхата. В ряде случаев она принесла заметные плоды. Так, шейх большого племенного объединения Мухаисин, который владел садами на Шатт-эль-Арабе, окончательно перешел к оседлому образу жизни. Был приведен в состояние оседлости и один из шейхов племени анейза — Ибн Хадхал; он приобрел сады в районе верхнего Евфрата. На курдской границе многие вожди племен стали владельцами земель, зарегистрированных на их имя [там же, с. 307—308]. На юге Ирака главный шейх племенного союза Мунтафик стал крупным землевладельцем, за гроши получив у турецких властей тапу на обширные территории этого племени [49, с. 8]. Таким образом, можно говорить, что земельная политика Мидхата в некоторой степени способствовала разложению родо-племенных отношений в Ираке.

Нельзя не упомянуть и о другом результате земельной политики Мидхат-паши в Ираке. В некоторых районах, где природные условия способствовали развитию садоводства, а именно на южных прибрежных землях, Мидхат-паша пытался заменить натуральный налог денежным. Земли были классифицированы им на три категории в зависимости от их удаленности от реки и разделены на участки — джерибы. Каждый джериб должен был насчитывать по 200 финиковых пальм и имел установленный налог в сумме 100, 120 или 140 пиастров в год, в зависимости от категории земли [47, с. 304]. Попытка Мидхата ввести в Ираке систему кадастра сама по себе была явлением прогрессивным. Кроме того, замена натурального налога денежным намного ускоряла имущественную дифференциацию крестьянства, что в известной степени способствовало проникновению в сель-

ское хозяйство капиталистических отношений. Что же касается заявлений Мидхат-паши, что он стремился облегчить положение иракских народных масс, уменьшив налоги для некоторых племен и отменив ряд поборов, то такое уменьшение налогового бремени было обусловлено исключительно обещанием данных племен оставаться лояльными по отношению к турецкому правительству [32, с. 86—87].

Итак, политика Мидхат-паши в области земельных отношений и налогового обложения, независимо от целей, которые ставило перед собой правительство, имела известное прогрессивное значение. Результаты ее не замедлили сказаться. В сельском хозяйстве Ирака наметились значительные изменения в сторону расширения посевных площадей и увеличения товарности [70, с. 83—84]. Некоторые кочевые и полукочевые племена прочно осели на земле.

Находясь на посту губернатора Багдадского вилайета, Мидхат-паше приходилось вести борьбу с кочевыми племенами Сирийской пустыни, кочевавшими неподалеку от границ Ирака и совершавшими частые набеги на иракскую территорию. Для борьбы с ними в долине среднего Евфрата, на пути из Дейры в Багдад, Мидхат построил ряд укреплений — в местечках Ана, Рамади и др. [48, с. 462].

Остро стоял в Ираке вопрос и о курдских племенах хамавенд и синджаби, которые постоянно кочевали из Ирана в Ирак и обратно, избегая таким образом уплаты налогов и воинской повинности. Воспользовавшись приездом в Ирак иранского шаха, совершавшего паломничество к святым местам, Мидхат-паша добился заключения соглашения по этому вопросу между турецкими и иранскими властями. Вдоль границы с той и с другой стороны были установлены дозорные посты и созданы укрепления, которые препятствовали самовольным переходам курдов через границу [45, с. 18]. Однако полностью решить проблему эти меры не могли. Переходы курдских племен из страны в страну продолжались, вызывая постоянные жалобы с обеих сторон [32, с. 304].

Создав в Ираке несколько более благоприятные условия для развития сельского хозяйства, Мидхат-паша тем самым создал и некоторую базу для развития промышленности, работавшей на местном сырье. Политиче-

ские и административные задачи, стоявшие перед Мидхатом в Ираке, определили характер этого промышленного развития.

Военная власть в Багдадском вилайете, которой он добился для себя, преодолевая сильное сопротивление центрального правительства, обязывала Мидхат-пашу заботиться о нуждах армии, расквартированной в Ираке. Эта большая по численности армия требовала питания и обмундирования. Недостатка в сельскохозяйственной продукции не было. Для армии из различных районов вилайета доставляли хлопок, шерсть, зерно и т. д. Однако все это требовало обработки, а обрабатывающих предприятий в вилайете, по существу, не было. Несколько ремесленных цехов и мельниц, где применялся, как правило, ручной труд, не могли обеспечить потребности армии.

Мидхат обратился за помощью к европейским капиталистам, заказав в Европе машины для фабрики по производству хлопчатобумажных и шерстяных тканей¹. Преодолев большие трудности, Мидхат-паша создал фабрику по производству сукна [130, с. 82] и завод по переработке риса [32, с. 93]. Им же была основана казенная фабрика по производству мыла в Багдаде [29, с. 199]. Однако Мидхат был крайне ограничен в средствах. Махмуд Недим, ставший великим везиром, в эти годы постоянно урезал средства, выделявшиеся на развитие вилайетов [32, с. 130]. Этим объясняется и тот факт, что другие мероприятия, задуманные в вилайете Мидхат-пашой, не получили должного размаха.

Важнейшей проблемой развития сельского хозяйства в Ираке являлась проблема ирригации и мелиорации обрабатываемых земель. Самим крестьянам чаще всего было не под силу сооружение оросительных каналов и защитных дамб, поэтому Мидхат-паша пытался оказать им государственную помощь. Был составлен грандиозный проект, суть которого состояла в том, чтобы вос-

¹ Машины, заказанные Мидхатом, должны были работать на лошадиной тяге. Они прибыли в Багдад уже после смещения Мидхата с поста губернатора, так как выполнению заказа помешала начавшаяся война между Францией и Пруссией. Долгое время привезенные механизмы лежали в бассорском порту, забытые и никому не нужные. Лишь стараниями нового командующего шестой армией Хюсейна Февзи-паши они были отремонтированы и отправлены в Багдад [32, с. 95].

становить существовавшие в древние времена дамбы в нижнем течении Евфрата, что позволило бы значительно расширить посевные площади в этом районе Ирака. Кроме того, Мидхат планировал работы по расчистке и созданию ирригационных каналов в других районах Багдадского вилайета [32, с. 91—92].

Чаще всего такие работы начинались, но не доводились до конца [29, с. 55]. И тем не менее Мидхат-паша все же добился некоторого расширения посевных площадей за счет улучшения ирригационных систем и дамб. Заботой о развитии в Ираке сельского хозяйства объясняется и создание по инициативе Мидхата образцового хозяйства под руководством инженера, поляка по национальности [120, с. 162].

С развитием в вилайете сельскохозяйственного производства было тесно связано развитие торговли, покровителем которой Мидхат-паша всегда выступал. Большим препятствием для ее прогресса была неразвитость путей сообщения. Иракские земледельцы не имели возможности продавать сельскохозяйственную продукцию, и хлеб, который мог бы вывозиться на рынок, «сгнивал в земляных ямах...» [29, с. 197]. Правда, существовали реки Тигр и Евфрат, но судоходство по ним было развито чрезвычайно слабо и не везде. В 1862 г. английской компании Линча удалось организовать регулярное движение по Тигру и Шатт-эль-Арабу на участке Багдад — Басра [91, с. 9—10]. Мидхат-паша попытался создать подобное же турецкое общество, чтобы расширить внутреннюю и внешнюю торговлю страны [32, с. 87].

Это пытался сделать и предшественник Мидхата — Намык-паша, который заказал части для трех пароходов, два из которых были собраны в Багдаде, но не использовались. Мидхат-паша распорядился собрать и третий пароход и наладил сообщение между Багдадом и Басрой. Вскоре число турецких пароходов на Тигре благодаря стараниям Мидхата возросло до восьми. Для ремонта их Мидхат-паша создал в Багдаде судоремонтные мастерские, переоборудовав для этой цели одно из немногих предприятий города.

В связи с открытием Суэцкого канала, который расширил возможности внешней торговли, Мидхат-паша задумал основать морское пароходное общество. В созда-

нии его он видел не только экономические, но и политические выгоды. По его мнению, появление морских пароходов под османским флагом способствовало бы увеличению политического престижа Османской империи. Первая турецкая морская пароходная компания получила название Оmano-Османская. Для морских перевозок вначале был использован старый пароход, купленный в Англии за 33 тыс. лир. Расход этот оправдал себя после первого же рейса Басра — Стамбул, так как пароход привез на обратном пути из столицы большую группу паломников, совершавших хадж. Впоследствии к этому пароходу прибавилось еще три. Каждый из них раз в три месяца совершал рейсы в Стамбул и Лондон. Уголь пароходы брали сначала в Англии, а затем Мидхат-паша создал угольные склады в Маскате, Адене и Бендер-Бушире [45, с. 16]. В Басре для судоходной компании был построен ремонтный док [120, с. 161].

Интересы торговой буржуазии требовали новых и наиболее удобных путей для торговли внутри страны и выхода к морю. Мидхат хотел сделать доступным для торговли Средиземное море, мечтая о постройке железной дороги от верховьев Евфрата до самого побережья [32, с. 89]. Он также предпринял некоторые работы по очистке русла Евфрата, которые, однако, были прекращены из-за недостатка средств. После этого Мидхат заказал пароход особой конструкции, какими пользовались на Дунае в местах, неудобных для судоходства, благодаря чему, правда уже после смещения Мидхата, было налажено пароходное сообщение между Багдадом и Мескеной [там же, с. 90—91].

Из других мероприятий по развитию путей сообщения в Ираке, предпринятых Мидхат-пашой, следует упомянуть постройку дороги — к востоку и к западу от Багдада, длиной около двух миль. Видимо, на большее у Мидхата не хватило ни средств, ни сил [29, с. 196]. Он же начал строительство шоссе из Багдада в Бакуба, оставшееся незаконченным [там же, с. 61].

Стремлением способствовать развитию в вилайете торговли было вызвано и строительство семикилометровой линии конки между Багдадом и его пригородом Казимейн. В Казимейне проживало значительное число торговцев и ремесленников, как правило, выходцев из Ирана, которые имели торговые интересы в Багдаде.

Конка строилась на акционерных началах, с помощью английского подрядчика. Мидхат-паша выпустил 6 тыс. акций, по 2,5 лиры каждая. Сначала удалось продать только тысячу акций. Но затем, когда выяснилось, что доходы общества оказались весьма высокими, число держателей акций достигло 5 тыс. [32, с. 93—94]. По свидетельству очевидцев, дорога эта окупалась очень быстро [29, с. 59].

Из сказанного ясно, что деятельность Мидхат-паши по улучшению и развитию в Ираке путей сообщения может быть оценена положительно, несмотря на ее весьма скромные успехи.

Из других мероприятий, проведенных Мидхат-пашой в Багдадском вилайете, следует отметить основание в Багдаде сберегательной кассы [115, с. 112], создание телеграфной линии по Евфрату, строительство моста через Тигр и открытие в Багдаде коммерческой школы, которая, впрочем, вскоре после создания была закрыта [29, с. 54, 56—58].

Много сил отдавал Мидхат-паша проведению в жизнь постановления о вилайетах. Когда он только прибыл в Багдадский вилайет, оказалось, что новая организация провинциального управления совершенно не коснулась этой части Османской империи. Мидхат-паше пришлось проделать большую работу по организации в вилайете новых учреждений, по типу тех, которые им были созданы в Болгарии. Мидхат организовал административные советы, новые суды, муниципалитеты. Примечательно, что на административные посты он назначал многих представителей местного населения: здесь не мешали различия в вероисповедании [120, с. 163].

О работе новых провинциальных учреждений в Ираке можно судить на примере багдадского административного совета, для которого характерен такой эпизод. Однажды Мидхат-паша сообщил членам совета, что, по его мнению, необходимо просить у Порты разрешения на увеличение налогов, чтобы иметь средства для проведения в вилайете реформ. Члены совета согласились с мнением губернатора и подписали протокол заседания. На следующий день Мидхат вновь созвал совет и заявил, что усмотрел в проекте явную несправедливость по отношению к местному населению, в связи с чем предлагает отменить предыдущее решение. Члены совета

вновь с готовностью согласились с мнением Мидхата и подписали протокол заседания. Тогда Мидхат-паша показал им протокол предыдущего совещания, заявив: «Я хотел лишь проверить вас. Что за польза от консультативного совета, если вы просто соглашаетесь с тем, что я говорю» [136, с. 198].

Этот эпизод позволяет сделать по крайней мере два вывода. Во-первых, Мидхат-паша, видимо, был серьезно заинтересован в том, чтобы административные советы могли выражать интересы местного населения. Во-вторых, совершенно очевидно, что в таком виде, в каком существовали административные советы, они были послушным орудием в руках провинциальных властей.

Единственными более или менее эффективно работавшими новыми провинциальными учреждениями были муниципалитеты, вернее, багдадский муниципалитет. По его инициативе в Багдаде начали мостить улицы и освещать их с помощью фонарей, для которых в качестве горючего Мидхат-паша предложил использовать нефть. В этой связи следует отметить, что Мидхата вообще интересовал вопрос о добыче в Ираке нефти. По его инициативе велись небольшие нефтяные разработки, механизмы для которых были выписаны из Европы. С началом разработки нефти отпала необходимость покупать американский керосин, о чем Мидхат-паша писал в своих воспоминаниях [32, с. 93].

Как и в Дунайском вилайете, в Ираке Мидхат-паша большое внимание уделял развитию системы образования. Помимо ремесленного училища [там же, с. 92], Мидхат основал в Багдаде среднюю школу для мальчиков, где языком обучения был турецкий [132, с. 316]. Им были созданы также военное училище [120, с. 161] и несколько начальных школ в различных кварталах города. В типографии, основанной Мидхатом в Багдаде, издавались школьные учебники, что, несомненно, явилось новым и полезным делом в области общественного образования в Ираке. В той же типографии начала печататься первая иракская газета «Аз-Заура». Ее редактором стал Ахмед Мидхат, издававший в Болгарии газету «Дунай» [62, с. 572].

С газетой «Аз-Заура» связано и смещение Мидхат-паши с поста багдадского генерал-губернатора. В 1871 г великий везир Махмуд Недим-паша издал циркуляр, в

котором указывались недостатки в системе провинциального устройства. Махмуд Недим обвинял провинциальных правителей в том, что они занимаются изданием никому не нужных газет и строительством дорог, размываемых первым же дождем, тогда как следует заниматься судами и школами [120, с. 167]. Мидхат-паша встретил этот обвинительный циркуляр крайне болезненно и напечатал в газете «Аз-Заура» статью, в которой защищал свои достижения. Эта статья была перепечатана в стамбульских газетах и вызвала недовольство Махмуда Недима. Отметим, при этом, что Мидхат-паша неоднократно посылал Порте свои предостережения в связи с проводившейся Махмудом Недимом политикой [130, с. 86]. Особое недовольство Мидхата вызвало требование Махмуда Недима присылать в Стамбул денежные средства, предназначавшиеся на благоустройство вилайета [115, с. 80]. Назревал конфликт между столицей и багдадским генерал-губернатором, и хотя турецкое правительство положительно оценивало деятельность Мидхата в Ираке, тем не менее стараниями Недима готовился приказ о его смещении с поста багдадского генерал-губернатора [102, с. 27].

Прогрессивная сторона политики Мидхат-паши в Багдадском вилайете заключалась в стимулировании развития в Ираке сельскохозяйственного производства, местной промышленности и торговли. Политика Мидхата объективно способствовала развитию в Ираке элементов капиталистических отношений, вовлечению его в мировой рынок. И относительно племен политика Мидхата, независимо от ее целей, также имела прогрессивное значение, так как подрывала основы родо-племенных отношений и объективно способствовала созданию предпосылок для развития национального самосознания арабского народа Ирака. Отметим при этом, что, как и в Болгарии, в Ираке Мидхат-паша пытался проводить политику «османизации» местного населения, хотя в Ираке эта политика не была столь явной. Это было связано с тем, что арабское национальное самосознание было развито крайне слабо, еще только начинало зарождаться, и национально-освободительного движения, как такового, в Ираке не было.

Однако не следует преувеличивать значения деятельности Мидхат-паши в Ираке. Как и в Дунайском ви-

лайете, в Ираке Мидхат-паша проводил политику, которая отвечала интересам узкой социальной прослойки и была прогрессивной, поскольку отвечала в основном интересам буржуазного развития страны. Она была прогрессивным явлением в условиях Османской империи второй половины XIX в.

Находясь на посту губернатора Багдадского вилайета, Мидхат-паша внимательно следил за событиями, происходившими в столице Османской империи. Его беспокоила внутренняя и внешняя политика великого везира Махмуда Недим-паши, в частности его политика в отношении провинций. Система вилайетов, которую Мидхат-паша по праву считал своим детищем, подверглась в годы его пребывания в Багдаде значительным изменениям. Менялись границы провинций. В Дунайском вилайете, и не только в нем, губернаторы сменяли друг друга так часто, что большую часть времени, по выражению Мидхата, проводили в седле [33, с. 25]. Было урезано жалование провинциальным чиновникам, что должно было, по мнению Мидхата, неизбежно породить злоупотребления в османских провинциях [32, с. 129—130]. Великий везир в поисках средств стремился как можно больше урезать расходы на местные нужды вилайетов.

Весной 1872 г. Мидхат-паша был смещен с поста багдадского губернатора и пополнил собою ряд «кочующих» с места на место турецких чиновников. В течение десяти дней после своего приезда из Багдада в столицу он был не у дел, ожидая указа о своем назначении в вилайет Сивас. За это время он имел возможность ознакомиться с положением государственных дел, читая стамбульские газеты, встречаясь с друзьями. Вскоре выяснилось, что пост губернатора Сиваса заменен для него постом правителя Адрианопольского вилайета, что, по существу, означало лишь перемену места изгнания. Тогда Мидхат-паша добился аудиенции у султана Абдул Азиза, во время которой обрисовал бедствия населения страны и причиной их назвал «безумную» политику великого везира. Он недвусмысленно намекнул султану на необходимость сменить великого везира, чтобы выйти из бедственного положения [там же, с. 134].

31 июля 1872 г., через пять дней после встречи с султаном, Мидхат-паша был назначен великим везиром.

Известную роль в этом назначении сыграла английская дипломатия, стремившаяся удалить из правительства Махмуда Недима, ориентировавшегося во внешней политике на Россию. Мидхат же был известен своей ориентацией на Англию. Вступление его на должность, по сообщению одной из турецких газет, сопровождалось беспрецедентными выражениями радости [120, с. 288].

Свою деятельность новый великий везир начал с реорганизации системы провинциального управления. Во все вилайеты были посланы инструкции, в которых строго определялись права и обязанности всех провинциальных должностных лиц. Предлагалось постепенно восстановить прежние границы вилайетов. На свои посты вернулись смещенные Недимом губернаторы [32, с. 134—135].

По ходатайству Мидхата в столицу были возвращены многие политические противники Махмуда Недима, в частности Джевдет-паша и Расим-паша. Первый был назначен министром просвещения. Перестановки произошли также в кабинете министров. Там появились новые лица: министром иностранных дел стал посол Турции во Франции Джемиль-паша, министром финансов — губернатор Измира Садык-паша [там же, с. 135].

Вторым важнейшим вопросом, крайне запутанным его предшественником и требовавшим неотложного разрешения, был, по мнению Мидхата, финансовый вопрос. Действительно, Османская империя стояла на грани финансового кризиса, которому весьма способствовала политика Махмуда Недим-паши, не отказывавшего султану в средствах, бездумно тратившихся на постройку дворцов и содержание двора. Огромные суммы правительство выплачивало в счет процентов по займам, заключенным на кабальных условиях. К 1875 г. государственный долг Турции достиг огромной суммы — 5,3 млрд. франков; сумма же первого займа, сделанного Турцией в 1854 г., составляла 75 млн. фр. [70, с. 192—194].

Чтобы изучить создавшееся финансовое положение, Мидхат-паша поднял все государственные финансовые ведомости за последние годы. Финансовое положение страны оказалось намного хуже, чем он ожидал. Разрешение финансового вопроса, по его выражению, «выходило за рамки возможного» [32, с. 135]. Обнаружился дефицит государственного бюджета на сумму 3 млн. лир,

в то время как в реестре, представленном секретарю султана, указывалось, что доходы государства превышают расходы на сумму в 500 тыс. лир [там же, с. 135—136].

Очевидно, что в сложившихся условиях Мидхат-паша был бессилён разрешить финансовый вопрос. Это он прекрасно понимал, но все же пытался хоть в какой-то степени облегчить финансовое положение страны, ограничив по крайней мере дворцовые расходы, поставив их под контроль правительства. В этой связи Мидхат-пашой было предпринято расследование финансовой деятельности его предшественника, в результате чего было установлено, что Недим-паша сознательно запутывал финансовые дела, выкраивая все новые и новые суммы для дворца [там же].

Выводы комиссии, работавшей под руководством Мидхат-паши над выяснением финансового вопроса, пришлись не по вкусу Абдул Азизу, предпочитавшему иметь дело с более стоворчивым великим везиром, не отказывавшим ему в деньгах. Махмуд Недим-паша являл собой пример такого типичного для того времени министра, не размышлявшего о судьбах страны и жившего во имя своих личных корыстных интересов. Министерские и дворцовые нравы были таковы, что Махмуд Недим, будучи великим везиром, тайно занял огромную сумму в 10 млн. лир и передал ее на личные расходы султана [там же, с. 137].

По данным, которые получил Мидхат в результате своего расследования, по меньшей мере 100 тыс. лир осели в карманах бывшего великого везира. Последний, по настоянию Мидхат-паши, был приглашен для специального расследования в Высокую Порту и под тяжестью улик был вынужден сознаться в казнокрадстве. Однако вмешательство султана, «простившего Недима», спасло его от наказания (Мидхат требовал, чтобы Недим возместил казне понесенный ею ущерб) [там же; с. 139—140].

Заняв пост великого везира, Мидхат-паша начал осуществление плана, задуманного им еще в Багдадском вилайете. План этот состоял в постройке железной дороги, которая соединила бы Багдад со средиземноморским побережьем. В Багдаде Мидхат-паша пытался провести предварительные работы по разведке местности в

бассейне Евфрата, где должна была пройти предполагавшаяся дорога. Однако лишь в Стамбуле, изыскав необходимые средства, Мидхат-паша заключил договор с директором Румелийских железных дорог Вильгельмом Пресселем, который обязался произвести инженерную разведку местности [там же, с. 142]. Уже 21 октября 1872 г. из Триполи в долину Евфрата вышла экспедиция инженера Черника в составе 10 человек [29, с. 51]. В результате этой экспедиции была составлена карта местности, по которой должна была пройти железная дорога. Черник представил турецкому правительству официальный рапорт, в котором доказывал невыгодность будущей дороги и техническую невыполнимость проекта [там же, с. 195]. Мидхат-паша не имел возможности оспаривать выводы экспедиции, так как к тому времени уже был смещен со своего поста и находился в Салониках.

Говоря о стремлении Мидхат-паши вести широкое железнодорожное строительство (он также активно выступал за продолжение железнодорожного строительства в Румелии), следует упомянуть о его противодействии кабальным условиям, которыми опутывали Османскую империю европейские концессионеры. Так, Мидхат-паша выступил против махинаций известного дельца барона Гирша, собственника железных дорог в Европейской Турции. Последний добился у Порты баснословно выгодных для себя условий на строительство одной из румелийских дорог, в чем ему немало помогли денежные подношения султану. Мидхат-паша решительно выступил против этого втайне заключенного дворцом договора, по которому в качестве так называемых километрических гарантий в распоряжение концессионера предоставлялись богатейшие лесные массивы вдоль дороги. Он выступал и против невероятно высокой гарантийной суммы, установленной для каждого километра эксплуатируемой дороги. Мидхат-паша добился отмены договора и возврата Гиршу всех полученных от него сумм [45, с. 31—32].

Забываясь о железнодорожном строительстве в Османской империи, Мидхат-паша в первую очередь думал об экономических выгодах, вытекавших из этого строительства. Однако при этом преследовалась и другая цель. Железные дороги усиливали централизацию управления,

укрепляли власть правительства в районах, населенных нетурецкими народами. В этой связи следует упомянуть и еще об одном мероприятии Мидхата. Им был составлен проект Хиджазской телеграфной линии для связи столицы с удаленными провинциями страны. Проект этот не был до конца претворен в жизнь в связи со смещением Мидхата [32, с. 145].

По свидетельству русского посла в Константинополе Н. П. Игнатьева, великий везир Мидхат-паша выступал и с критикой режима капитуляций [22, с. 148]. Однако суть этой критики остается нам неизвестной.

Из других мероприятий Мидхат-паши на посту великого везира следует отметить его деятельность по созданию в стране сети школ. Во все вилайеты им были разосланы инструкции, согласно которым надлежало увеличить десятину до 11%, пустив дополнительно собранные средства на расширение школ рюштийе [32, с. 145]. Мидхат считал возможным изыскивать средства для развития образования за счет увеличения тяжелейшего для населения натурального налога.

Во время своего пребывания на посту великого везира, т. е. в 1872 г., Мидхат-паша, по-видимому, наладил более тесный контакт с «новыми османами» [22, с. 148]. Не без помощи Мидхата начала выходить газета «Ибрет», орган «новых османов», запрещенная Махмудом Недимом. Видимо в связи с приходом к власти Мидхата, от которого «новые османы» ожидали проведения коренных реформ, Намык Кемаль опубликовал в «Ибрет» статью о необходимости ввести в Турции конституцию по образцу бельгийской. Известно также, что Мидхат-паша внимательно просматривал с пером в руках все номера «Ибрет» и даже называл себя ее корректором [57, с. 154—155].

Мидхат смог продержаться на посту великого везира очень недолго, всего два с половиной месяца. Более всего недовольство султана вызывала его финансовая политика. Большую роль в скором смещении Мидхата сыграли также нападки на него русского посла в Стамбуле Н. П. Игнатьева, который писал в своих мемуарах, что ему удалось «открыть глаза султану и дать ему понять, что премьер-министр является не кем иным, как тайным революционером, который стремится к ограничению прав султана, и что отношения Турции с Россией

будут скомпрометированы, если он останется у власти» [22, с. 149]. Подобная позиция русского посла объяснялась и тем обстоятельством, что Мидхат-паша, оказавшись на посту великого везира, отказался от политики ориентации на Россию, что было свойственно его предшественнику Махмуду Недим-паше, получившему у турок прозвище — Махмуд Недимов. Игнатьев не без основания опасался уменьшения влияния России в Османской империи.

К этому следует добавить, что политика Мидхата — великого везира вызвала недовольство большей части высшей бюрократии, подогретое заявлениями Мидхата, направленными против прав духовенства [там же, с. 148—149]. Суть этих заявлений остается нам неизвестной, но тогда Мидхата обвиняли в том, что он не придерживается традиционных взглядов, обвиняли в безверии [102, с. 32].

После отставки, последовавшей 19 октября 1872 г., в течение нескольких месяцев Мидхат-паша был не у дел. В это время он встречался со многими турецкими государственными деятелями и обсуждал положение дел в государстве. Он и его единомышленники приходили к убеждению, что страну может спасти только палата депутатов [32, с. 150]. Однако проведение этой идеи в жизнь справедливо представлялось Мидхат-паше делом чрезвычайно трудным и требовавшим длительной предварительной подготовки.

В начале 1873 г., после назначения на пост великого везира Эсад-паши, Мидхат возглавил министерство юстиции. Он остался на этом посту и после замены Эсад-паши Ширванизаде Рюштю-пашой. Именно в это время Мидхатом была предпринята попытка провести в стране важную реформу. На одном из неофициальных собраний группы министров была заслушана и обсуждена его докладная записка на имя султана с требованием ряда преобразований.

В этой записке говорилось, что священной обязанностью людей, занятых вопросами государственного управления, является обеспечение счастья и благополучия государства под верховным руководством султана, которому они должны безусловно повиноваться. Вместе с тем в наш век, указывалось в записке, происходят революции и открытия, которые потрясают умы и меняют по-

требности людей. В зависимости от появления новых потребностей султаны во все времена издавали высочайшие указы, которые изменяли законы и постановления государства. Однако происходили новые изменения условий жизни и составлялись новые установления во имя прогресса, впрочем, очень плохо проводившиеся в жизнь. Финансовые затруднения государства и связанные с ними злоупотребления являлись тем источником, который питает как внутренние распри, так и недоверие держав к Турции. Если раньше говорили о слабости страны, то теперь заговорили о ее крахе и гибели.

В записке выражалась твердая уверенность в том, что государство, которое в прошлом избавилось от стольких опасностей, благополучно выйдет и из этого кризиса. Однако это может произойти только в том случае, если будет найдено эффективное средство для исправления сложившегося в стране положения.

Весьма осторожно, в верноподданических выражениях, записка предлагала султану издать высочайший указ, разъясняющий все правительственные распоряжения и постановления и устанавливающий «ясный и прочный принцип управления государством».

По мысли Мидхат-паши, новый высочайший указ должен содержать в себе такие законы и постановления, которые являлись бы руководством к действию и создавали такое положение, при котором все султанские подданные независимо от их пола и национальности, были бы равны перед законом. Новый указ должен был содержать новые постановления о меджлисах, судах и других, по выражению Мидхата, «свободных учреждениях», которые приносят пользу государству. До тех пор, пока не издан такой высочайший указ, Порта не должна принимать никаких новых постановлений.

В записке предлагалось установить точный перечень обязанностей всех государственных служащих и сделать высшее чиновничество ответственным, правда, конкретно не указывалось, перед кем. Только издание такого указа, говорилось в записке, сможет изменить сложившееся в стране положение [32, с. 323—326].

Таким образом, в записке, в крайне завуалированной форме, звучит мысль о конституционном правопорядке. Описывая этот период своей жизни, Мидхат-паша подчеркивал, что единственным эффективным средством

спасения страны явилась бы палата депутатов, однако невозможно было даже заикнуться перед султаном о необходимости ее создания [там же, с. 150].

Как ни скромны и осторожны были требования, изложенные в докладной записке Мидхат-паши, они дали основание заговорить о подготовке конституционного переворота [114, с. 13]. Ахмед Джевдет-паша, входивший в то время в правительство, но не принимавший участия в создании докладной записки, писал впоследствии, что Мидхат-паша, Ширванизаде Рюштю-паша и Хюсейн-паша предполагали сместить с престола султана Абдул Азиза и учредить в Турции конституционное правление [103а, с. 124]. О готовившемся в то время «конституционном перевороте» писал в своих мемуарах и Н. П. Игнатьев [22, с. 151].

План государственных преобразований, подготовленный названным триумvirатом, провалился из-за предательства Хюсейна Авни, донесшего о «вредных» замыслах Мидхата султану [там же, с. 124—125]. И это понятно, ибо ни Рюштю-паша, ни Хюсейн-паша никогда не были конституционалистами. Последний считал, что в своих проектах реформ Мидхат зашел слишком далеко. В результате доноса последовало удаление Мидхата 15 октября 1873 г. в Салоники, куда он был назначен губернатором.

Государственный переворот, если он действительно готовился тогда, неизбежно должен был провалиться, ибо узкая группа заговорщиков не имела поддержки даже в дворцовых кругах.

Несмотря на то что губернаторство в Салониках было по сути политическим изгнанием и не вызывало у Мидхата никакого энтузиазма, он и на этом посту провел ряд мероприятий, которые должны были улучшить в ряде случаев положение местного населения.

Едва сойдя с парохода, Мидхат-паша отправился в городскую тюрьму и внимательно расспросил каждого заключенного, как долго и за какой проступок он здесь содержится. Попутно он сделал выговор тюремным служителям за отсутствие в тюрьме порядка [15, д. 227, л. 141].

Русский консул в Салониках Н. Якубовский в своих донесениях отмечал, что весть о назначении губернатором Мидхат-паши вызвала панический страх у турец-

ких служащих [там же, л. 142]. По свидетельству того же Н. Якубовского, Мидхат-паша регулярно посещал все присутственные места и входил во все мелкие подробности дел, особенно связанных с судопроизводством и деятельностью служащих [там же, л. 143].

В Салониках Мидхат-паша особое внимание уделил положению болгарского населения. Он инспектировал действия турецкой администрации, предлагал болгарскому священнику в Салониках свою помощь [там же, л. 147], выпустил из тюрьмы нескольких болгар, содержащихся там по обвинению в укрывательстве «разбойников» (четников.— *И. Ф.*) [там же, л. 143].

В Салониках, как и в Дунайском вилайете, Мидхат-паша стремился к сближению турецкого и болгарского населения с помощью создания смешанных училищ. Вместе с тем он пытался оказать поддержку и болгарскому просвещению, обещав помочь в создании болгарского женского училища [там же, л. 151]. В этой связи интересно отметить одно высказывание Мидхата. «Какой бы ни был язык, только бы они учились»,— говорил он, имея в виду важность развития образования среди всех народов, населявших Османскую империю.

За очень небольшой период пребывания на посту салоникинского губернатора Мидхат-паша создал в городе ремесленное училище, на содержание которого выделил половину доходов от рынка, перестроенного при его содействии [15, д. 2272, л. 21]. В Салониках Мидхат-паша предполагал открыть школу идадийе для мусульман и немусульман, где обучение должно было вестись на турецком и французском языках. Только смещение его с должности помешало осуществить этот проект. Много усилий прилагал Мидхат-паша и к тому, чтобы расширить и упорядочить систему начального образования [32, с. 152].

По словам самого Мидхата, его деятельность в Салониках, вызвавшая одобрение местного населения, тем не менее пришлась не по вкусу в Стамбуле [104а, с. 335]. Здесь опасались усиления влияния политически опасного сановника. В январе 1874 г. он был смещен со своего поста и отправлен в Стамбул, выразив при отъезде из Салоник сожаление, что непродолжительность его пребывания в вилайете не позволила ему в

полной мере провести задуманные им реформы [15, д. 2272, л. 21—22].

В течение нескольких месяцев после своей отставки Мидхат-паша опять был не у дел. Нет сомнения в том, что и в это время он живо интересовался ходом государственных дел, встречался со многими своими бывшими коллегами. Известно, что дом Мидхата был всегда полон, там велись долгие разговоры и споры, касавшиеся внутренней и внешней политики правительства [130, с. 91].

В 1874 г. Мидхат-паша на некоторое время занял пост министра юстиции, однако вскоре подал в отставку, изложив в письме на имя секретаря султана ее причины. В этом письме, в частности, говорилось: «Наши финансы находятся в отчаянном положении, гражданское управление — в полной дезорганизации... Весь этот беспорядок уничтожил благополучие в стране и доверие к ней, а немусульманские народы во всеуслышание выставляют напоказ свое желание получить иностранное покровительство» [45, с. 33]. Мидхат-паша не одобрял и внешнюю политику османского правительства, которая заставила отвернуться от Османской империи дружественные ей, с его точки зрения, державы. Опытный и думающий государственный деятель не мог, по мнению Мидхат-паши, не отдавать себе отчета в тех опасных последствиях, которые кроются во всем этом для Турции. Он заявлял, что считает невозможным оставаться на своем посту в создавшихся условиях [там же, с. 33—34].

МИДХАТ-ПАША
ВО ГЛАВЕ БОРЬБЫ
ЗА ПЕРВУЮ ТУРЕЦКУЮ КОНСТИТУЦИЮ

Положение Османской империи в 1875 г. оказалось на редкость тяжелым. До весны этого года многие районы северной и центральной части Малой Азии пережили голод, массовый падеж скота. Правительство не предпринимало никаких мер для облегчения положения населения. Гнет сборщиков налогов, ростовщиков, правительственных чиновников в таких условиях стал особенно невыносимым [74, с. 71—72].

Финансовое положение страны также было близко к катастрофическому. Правительство пыталось любыми средствами увеличить доходы государства. Было урезано жалование чиновникам, повышены налоги. Налог ашар официально повысился до 12,5%, а в действительности стал еще выше [там же, с. 73—74].

Естественным следствием всего этого было недовольство масс, которое вылилось в открытое восстание в европейской части страны, где к бремени, общему для всего населения страны, прибавлялся тяжелейший национальный гнет. Речь идет о восстании против турецкого господства в Герцеговине в мае 1875 г.

В июне 1875 г. это восстание распространилось на Боснию. Восставшие требовали отмены ашара и замены его поземельным налогом, прекращения административного произвола, ликвидации откупной системы налогов и барщины, равенства всех подданных перед законом независимо от их вероисповедания. Постепенно требования эти сменились единым призывом к полной ликвидации турецкого господства. В сентябре 1875 г. восстание распространилось и на Болгарию.

В этой критической обстановке Мидхат-паша вновь был введен в кабинет министров, в качестве министра юстиции. Он с энтузиазмом встретил свое новое назна-

чение, которое, по его мнению, позволяло активно вмешиваться в политику страны. Об этом свидетельствует благодарственное письмо Мидхата султану, написанное в крайне верноподданническом тоне [104а, с. 335]. Однако, как оказалось, Мидхат сильно преувеличивал свою будущую роль в правительстве. Не только без его ведома, но и без ведома других министров великий везир Махмуд Недим-паша бесконтрольно выдавал дворцу все новые и новые денежные суммы, усугубляя и без того тяжелое положение турецких финансов. В 1875/1876 финансовом году доходов было получено значительно меньше, чем ожидалось. При этом 60% государственного бюджета должно было идти на уплату процентов по займам. Пользуясь тяжелым положением казны, иностранные банкиры сумели продлить на 20 лет концессию Оттоманского банка и добились у Порты разрешения сделать банк государственным. Правительство прекратило выплату жалованья чиновникам в армии и сделало попытку изъять часть доходов с вакуфных земель. 6 октября 1875 г. Порта объявила, что будет выплачивать свои внешние долги лишь в половинном размере. Это вызвало падение курса турецкой валюты и, как следствие, рост цен [71а, с. 441—442].

Мидхат-паша считал ошибочной финансовую меру правительства от 6 октября 1875 г., особенно в условиях внутренних восстаний [32, с. 156]. Он считал первоочередной мерой подавление этих восстаний силой оружия, после чего предлагал вступить с побежденными в переговоры [там же, с. 153—157]. Однако правительство в качестве уступки восставшим издало закон, уменьшавший ашар до 10%, а также постановление, в котором предписывалось проводить выборы в провинциальные советы таким образом, чтобы членами их становились выборные лица, а не назначенные правительством. В том же постановлении предлагалось отправлять в Стамбул представителей местного населения, чтобы дать ему возможность выражать свое мнение непосредственно центральным властям [120, с. 315]. Меры эти не могли удовлетворить восставших и не внесли ощутимого изменения в сложившуюся обстановку.

В этих условиях Мидхат-паша вновь подал в отставку. В своем послании султану он писал, что считает ненормальным положение, при котором не существует

никакого закона, регулирующего управление государством. Личный произвол правителей наносит жестокий вред административным, политическим, военным и финансовым делам государства. Всем этим пользуются иностранные державы, переходя к открытым действиям против Османской империи. Составляя свое послание, Мидхат-паша надеялся, что Абдул Азиз потребует дополнительных личных объяснений и заранее подготовил речь, однако так и не добился аудиенции у султана. Причину этого он объяснял тем, что Абдул Азиз мог усмотреть в словах «закон, касающийся управления государством» попытку ограничить его власть и даже установить республику [33, с. 39—40; 45, с. 39].

Отставка Мидхат-паши была принята, и он вновь оказался не у дел. Многие друзья и единомышленники Мидхата сочли этот его поступок ошибочным и спрашивали, почему он так поступил. Ответ был разным. Одним он говорил, указывая на Золотой Рог: «Посмотрите туда, мне кажется, что я уже вижу фрегат, готовый отвезти меня в изгнание. Именно под таким впечатлением я преподнес Его Величеству записку, которая Вас удивляет». Другим, которые говорили, что его отставка похожа на дезертирство, он заявлял: «Возможно, но следует показать Европе, что не все турки — презренные куртизанки» [130, с. 89—90].

Итак, рухнули все иллюзии Мидхат-паши относительно возможности изменить что-либо в положении государства при султанах Абдул Азизе. И именно с этого момента он перешел к оппозиционной деятельности, к борьбе за конституцию. Дом Мидхата становится местом собрания его единомышленников. В их кругу идет обсуждение вопроса о необходимости ввести в стране конституцию.

Желая заручиться поддержкой Англии в вопросе о реформе государственного управления Османской империи, Мидхат-паша начал в этот период переговоры с английским послом в Стамбуле Генри Эллиотом. Ориентация Мидхата на Англию объяснялась его убеждением в том, что только политические интересы этой державы могут обеспечить конституционалистам поддержку в борьбе за целостность османского государства.

Уже в начале декабря 1875 г. к английскому послу явился представитель Мидхата и информировал его о

цели «мидхатовской партии» — введении в стране конституции. Через несколько дней Мидхат лично посетил Эллиота и подробно изложил свои планы, заявив, что только полное изменение системы государственного управления может спасти страну. Это изменение предусматривало, по его мнению, установление контроля над султаном и его министрами, которые — особенно в финансовых делах — должны быть ответственными перед собранием депутатов. Мидхат-паша отметил, что это собрание не может быть подлинно представительным без уничтожения всех различий между классами и религиями, без уравнивания в правах христиан и мусульман. В области провинциального управления Мидхат-паша предлагал децентрализацию, но с установлением контроля над провинциальными правителями. Мидхат-паша подчеркнул в беседе с Эллиотом, что турецким реформаторам очень важна поддержка Англии, государственное устройство, которой являет для них образец для подражания [45, с. 45].

Внутри страны Мидхат-паша пытался создать опору оппозиционному движению среди стамбульского населения, в частности среди учащихся медресе — софт. Воспользовавшись их недовольством политикой великого везира Махмуда Недима и султаном, Мидхат-паша и его сторонники старались направить это недовольство в русло борьбы за конституцию, хотя цели, преследуемые конституционалистами и софтами, были различны.

Софты воспитывались в сугубо религиозном духе, духе послушания и следования догмам ислама, верности мусульманским традициям. Эта группа мусульманских фанатиков, достаточно организованная, оппозиционно настроенная по отношению к правительству (критиковавшая его справа), требовала строгого соблюдения законов шариата, отказа от европейских нововведений. Считая, что все несчастья страны происходят от деспотизма султана, не желающего следовать советам министров, они поддерживали лозунг «шура-и уммет» («совет общины»), однако вкладывали в него иной смысл, чем конституционалисты. Софты выступали за создание совещательного органа при султানে, но только из представителей мусульман. Тем не менее Мидхат-паша воспользовался оппозиционными настроениями софт. Он использовал также недовольство некоторых других слоев насе-

ления, в частности тех, которые понесли убытки от финансового банкротства правительства [74, с. 77].

Султан и его окружение знали об оппозиционных настроениях Мидхата и его связях с «новыми османами», требовавшими введения в стране конституции. Поэтому сразу же после ухода Мидхата с поста министра юстиции Махмуд Недим-паша предложил султанше-матери, имевшей большое влияние на своего сына, Абдул Азиза, удалить Мидхата из столицы. Великий везир мотивировал свое предложение тем, что Мидхат-паша призывает студентов медресе к беспорядкам, а также ведет кампанию по смещению с поста шейхуль-ислама Хасана Фехми-эфенди. В результате Мидхат-паша на короткое время был действительно удален из Стамбула [104а, т. III, с. 336].

Однако движение против султана Абдул Азиза и политики великого везира Махмуда Недим-паши росло день ото дня. Его возглавляли наряду с Мидхат-пашой те представители правящей верхушки, которые понимали опасность, грозившую режиму в целом, и видели необходимость в реформах, что было совершенно невозможно при царствующем султани. Движение нашло отклик у населения столицы, пока в основном в среде мелких чиновников и ремесленников [32, с. 161—162].

Внешнеполитическая обстановка подогревала настроение недовольства в стране. 31 января 1876 г. Порте был предъявлен проект реформ, автором которого являлся министр иностранных дел Австро-Венгрии Андраши. 13 февраля турецкое правительство выразило принципиальное согласие провести реформы [74, с. 76—77].

Это событие получило отклик в интересном документе, озаглавленном «Манифест мусульманских патриотов». Авторы манифеста, распространявшегося среди населения Стамбула, заявляли, что проект реформ Андраши составлен без учета истинного положения мусульман и христиан в Османской империи, которые притесняются равным образом. Это притеснение можно ликвидировать только с помощью создания палаты депутатов из представителей всех народов страны, независимо от их национальности или вероисповедания.

Оценивая внутреннее положение страны, авторы отмечали, что недостаток путей сообщения мешает развитию торговли, а бесчисленные налоги тормозят развитие

сельского хозяйства. Они критиковали финансовую политику правительства и предлагали европейским странам оказать поддержку представителям «энергичной и умеренной» партии, возглавляемой Мидхат-пашой. Эта партия, заявлялось в Манифесте, с помощью хорошего управления создаст новую Турцию, которая сможет представить блестящие возможности для применения в ней иностранных капиталов. В Манифесте выражалась мысль, что религиозные законы мусульман не противостоят возможным изменениям в политической структуре государств [там же, с. 82—83].

Автором манифеста называли Мидхат-пашу, Халиля Шериф-пашу и Одиян-эфенди [82, с. 13—14]. Идеи, выраженные в нем, во многом совпадают со взглядами Мидхат-паши. Многие из них получили свое отражение в известной брошюре Мидхата «Турция. Ее прошлое, ее будущее» [46].

Недовольство султаном созрело к апрелю 1876 г. уже решительно во всех слоях населения столицы, включая армию и, по выражению русского посла в Стамбуле, «простолюдинов». Султана обвиняли в том, что он, составив личное состояние, оценивающееся в 15 млн. лир, ничего не ассигнует на народные нужды и не интересуется государственными делами. Именно в это время начались открытые демонстрации протеста. Первыми на улицы вышли рабочие столичной верфи, требуя выдачи им заработной платы. Их поддержали рабочие монетного двора и арсенала [16, д. 18, лл. 138—140]. Таким образом, социальная опора антиправительственной оппозиции на этом этапе развития конституционного движения была в столице достаточно широкой.

10 мая 1876 г. в Стамбуле состоялась большая демонстрация софтов, которые потребовали у принца Юсуфа Изеддина, чтобы он сообщил султану об их требованиях заменить великого везира и шейхуль-ислама [45, с. 46]. Эти требования софтов были выполнены султаном. На пост шейхуль-ислама был назначен Хайруллах-эфенди, а место великого везира занял Мехмед Рюштю-паша.

Подчинившись ширившейся волне недовольства, новый великий везир Мехмед Рюштю-паша ввел в кабинет в качестве министра без портфеля Мидхата [там же, с. 41]. Однако, не желая усиливать таким образом оппозиционную группировку в правительстве, султан в

качестве политического противовеса ввел в кабинет Намык-пашу и Дервиш-пашу, не разделявших взгляды Мидхата о необходимости изменения системы государственного управления [16, д. 29, л. 9].

Теперь Мидхат-паша открыто заявил о себе как о лидере конституционного движения. Стремясь к превращению Османской империи в конституционную монархию, Мидхат стремился заручиться поддержкой части недовольной султаном крупной бюрократии и армейской верхушки. Вместе с тем он пытался создать и более широкую базу конституционалистов в столице, сделав особую ставку на многочисленную армию стамбульских софтов. Вообще в условиях резкого усиления религиозных настроений среди мусульман, возникших в связи с восстаниями на Балканах и постоянно усиливавшихся, Мидхат широко использовал методы пропаганды религиозного характера. Так, пытаясь воздействовать на сознание мусульман в нужном ему направлении, Мидхат-паша часто заявлял о том, что видел во сне Пророка, который просил его позаботиться о спасении страны [там же, л. 36]. Такая агитация приносила желаемый успех. Чтобы еще более усилить конституционное движение, Мидхат-паша опирался и на исторические примеры, отсылая к истории мусульманских государств [16, д. 28, л. 518]. В это время Мидхат-паша уже не скрывал своих взглядов, выражая их при любом удобном случае и в любой аудитории [16, д. 29, л. 36].

После того как Мидхат-паша окончательно убедился, что провозгласить конституцию при Абдул Азизе будет невозможно [102, с. 44; 104а, с. 339—340], началась непосредственная подготовка дворцового переворота.

Вместе с Мидхатом ее возглавили военный министр Хюсейн Авни-паша и начальник стамбульского гарнизона Редиф-паша. Решение о свержении Абдул Азиза было принято не сразу. Вначале Мидхат-паша хотел принудить Абдул Азиза согласиться на введение конституции и только в случае неудачи пойти на замену монарха, ибо, как полагал Мидхат, в любом случае было бы нетрудно заменить Абдул Азиза более «разумным» султаном [16, д. 29, л. 39]. Таким султаном должен был стать принц Мурад, о котором Мидхат-паша говорил, что он всегда принадлежал к партии «новых османов» [27, с. 531—532]. В подготовке дворцового переворота

активное участие принимали многие высшие армейские чины, с помощью которых тайно собиралось оружие. Когда в декабре 1875 г. сгорел дом Хюсейна Авни, в столице распространился слух, что в сгоревшем доме был обнаружен большой склад оружия [120, с. 318].

В ночь на 30 мая 1876 г. султан Абдул Азиз был низложен и на престол вступил Мурад V. Фактически со вступлением на престол нового султана феодально-бюрократическая верхушка, состоявшая до того времени в блоке с конституционалистами, сочла свои задачи выполненными. В первом же указе Мурада V предусматривались передача в казну Эреглийских угольных месторождений и ряда поместий, принадлежавших до этого султанской фамилии, а также уменьшение суммы гражданского листа [32, с. 171]. Таким образом, главный предмет недовольства — финансовая политика правительства, — с точки зрения оппозиционной части феодальной верхушки, был ликвидирован. И в то же время не была решена ни одна из задач конституционалистов. В том же указе Мурада V ни слова не говорилось о конституции. В результате непрочный блок конституционалистов и части феодальной бюрократии распался сразу же после переворота.

Еще до переворота Хюсейн Авни-паша, который, казалось, поддерживал Мидхат-пашу в его конституционных замыслах, начал отдаляться от него и искать пути сближения с Рюштю-пашой, уже в то время не скрывавшим своих антиконституционных взглядов [16, д. 29, л. 257]. В июне 1876 г. между ними был заключен негласный союз, направленный на то, чтобы нейтрализовать действия лидера конституционалистов [там же, л. 403]. Это было связано с тем, что, став 6 июня председателем Государственного совета, Мидхат-паша подготовил проект конституции и хотел познакомить с ним широкую общественность Стамбула. Проект этот предусматривал ограничение власти султана, введение института премьер-министра, ответственность министров перед палатой депутатов. Последняя должна была состоять из 120 членов, треть которых назначалась правительством, а две трети избирались населением на три года. Функции палаты депутатов ограничивались контролем за финансами страны, утверждением сумм и правил сбора налогов, а также контролем за действиями

правительственной администрации в области исполнения существующих законов. Проект Мидхата признавал султана защитником ислама. Для всех османских подданных предусматривались равные права и обязанности, независимо от их национальности или религии, свобода слова, вероисповедания и печати, а также неприкосновенность жилища и имущества [123, с. 35—36].

Проект конституции Мидхата поддержали софты. Они прошли по Стамбулу, скандируя: «Да здравствует султан!», «Да здравствует Мидхат-паша!», «Да здравствует конституция!» [там же, с. 36]. Эта поддержка способствовала тому, что Мидхат-паша в качестве председателя Государственного совета смог организовать расширенное совещание министров, военных и духовных высших лиц, а также ряда сановников по вопросу о том, следует или не следует вводить в стране конституцию. Таким образом, вопрос о конституции был впервые представлен на официальное обсуждение.

На совещании стало ясно, что прежний блок распался на три группировки: конституционалистов, консерваторов — противников конституции и умеренных, которые склонялись, однако, в сторону антиконституционалистов. К последней группировке принадлежали министр юстиции Ахмед Джевдет-паша и шейхуль-ислам. Сторонники конституции составляли на этом совещании весьма небольшую группу из шести человек, среди которых были Мидхат-паша и начальник стамбульского военного училища Сулейман-паша. Крыло консерваторов возглавили великий везир Мехмед Рюштю-паша, военный министр Хюсейн Авни-паша и фетва эмини¹. Это крыло поддерживали мусульманское духовенство и часть софт, из тех, кто как уже указывалось, не поддерживал идею конституции. Известно, что именно группой софт был составлен адрес, в котором выражался протест против приписывания им намерения изменить образ правления Османской империи и ввести конституцию [82, с. 91].

Мидхат-паша представил совещанию свой проект конституции, который, однако, не был принят. Участники совещания большинством голосов признали не-

¹ Фетва эмини — заведующий канцелярией, занимавшийся делами, связанными с изданием фетв в ведомстве шейхуль-ислама.

нужность введения в стране конституции. Возражения консерваторов сводились к тому, что невежественный народ не сможет воспользоваться правами, которые предоставит им конституция. Они предлагали создать при шейхуль-исламе совет из улемов, который будет принимать участие в управлении государством в соответствии со священным шариатом. Особенно неприемлемым для противников конституции представлялось допущение в законодательный орган немусульман, которые получили бы возможность добиваться законов, противоречащих шариату. Взгляды этой консервативной группировки отражали интересы феодально-клерикальной правящей элиты, не желавшей терять привилегии и права. Внешнеполитическая обстановка, однако, сделала противников Мидхата более сговорчивыми. 30 июня Сербия, а 1 июля Черногория объявили Турции войну. Перед лицом опасности, угрожавшей власти господствующего класса над покоренными народами, противники конституции пошли на сближение с Мидхатом и его сторонниками.

В июле 1876 г. Мехмед Рюштю-паша заявил, что считает введение конституции в стране совершенно необходимым [123, с. 38]. Определенное влияние на изменение взглядов Мехмеда Рюштю, известного своей слабостью, могли сыграть переговоры его с Мидхат-пашой, обладавшим, по общему мнению, даром убеждения. Конституционалистов поддержал и один из видных улемов — Сейфеддин-эфенди. К тому же лагерь противников конституции лишился поддержки в лице военного министра Хюсейна Авни-паши, убитого на квартире Мидхата бывшим адъютантом султана Абдул Азиза [74, с. 103].

Тем не менее противники конституции не считали себя побежденными. В июле 1876 г. среди населения распространилось воззвание, подписанное многими улемами, в котором хотя и одобрялось свержение Абдул Азиза, нарушавшего предписания шариата, однако предлагалось истребить всех христиан империи [93, с. 6].

Ввиду того что противниками конституции выдвигалась мысль о несовместимости конституционного образа правления со священными предписаниями шариата, на заседании министров и сановников, которое состоялось 15 июля для обсуждения вопроса о конституции, выступил кадиаскер (верховный судья провинции) Румелии Сейфеддин-эфенди. Он привел многочисленные выдерж-

ки из Корана и хадисов, пытаясь доказать присутствующим, что ислам не противоречит конституционному образу правления [118, с. 228].

В августе 1876 г. роль Мидхат-паши в кабинете министров считалась главной [16, д. 31, л. 47]. Росту популярности Мидхата способствовала его деятельность по организации в столице так называемых добровольческих отрядов для посылки в Сербию и Черногорию [32, с. 180]. Она во многом сближала его с политическими противниками. Создавая смешанные отряды из мусульман и христиан (в основном греков) [45, с. 102], Мидхат-паша пытался на практике показать возможность объединения интересов различных народов страны во имя «общей родины» — Османской империи. На знамени одного из таких отрядов Мидхат-паша соединил крест, звезду и полумесяц, которые должны были символизировать единство мусульман и христиан, вставших на защиту «общей родины». Не раз Мидхат-паша лично выступал перед отправлявшимися на фронт отрядами с призывом честно служить родине [82, с. 104].

Несмотря на все старания правительства, восстание на Балканах подавить не удавалось. Продолжалась и война с Сербией и Черногорией. Все это происходило в обстановке жестокого финансового кризиса и усиливавшегося вмешательства иностранных держав в дела империи.

Мидхат-паша прилагал все усилия к тому, чтобы избежать открытого вмешательства европейских держав. Он встречался со многими иностранными дипломатами, пытаясь разрешить проблемы дипломатическим путем. Он заявлял представителям иностранных держав, что Турция готова говорить с Сербией о мире, ибо предвидит военную победу над ней, предлагал державам не вмешиваться в мирные переговоры, но содействовать тому, чтобы мирный договор выполнялся. При этом Мидхат-паша заявлял, что не разделяет взглядов тех турецких государственных деятелей, которые хотели бы лишить Сербию автономии и отстранить от власти князя Милана [16, д. 31, лл. 93—95].

26 августа 1876 г. Сербия обратилась к европейским державам с просьбой о посредничестве в деле прекращения военных действий. Положение же в Турции в это время осложнилось болезнью султана Мурада, признан-

ной врачами неизлечимой. Это мешало решению неотложных государственных дел, в частности создавало препятствие для введения конституции. Противники ее пытались доказать, что введение конституции при душевнобольном султанине явилось бы незаконным актом.

Начали шириться антиконституционные выступления среди части духовенства и софты, которые имели возможность подробно ознакомиться с предполагавшейся реформой государственного управления благодаря печати, широко обсуждавшей проект конституции. Соглашаясь с конституцией в той ее части, где речь шла о чисто административных реформах, софты и духовенство решительно протестовали против предоставления немусульманам равных прав с мусульманами, что, по их мнению, противоречило законам шариата. Свои взгляды они выразили в записке, представленной Мидхату в начале августа. В ней говорилось: «Мы не видим никаких оснований для того, чтобы иметь конституцию или национальный парламент... Мы покорили христиан и завоевали свою землю мечом, и мы не желаем с ними делить власть над страной или позволить им участвовать в руководстве правительством» [123, с. 40].

Мало энтузиазма вызвал проект конституции и у христиан, как правило считавших предоставление равных прав с мусульманами утопией. Конституционалисты не смогли привлечь на свою сторону и инонациональную буржуазию, особенно сильную в Османской империи, поскольку их взгляды носили ярко выраженный великодержавный характер. Развитие же капиталистических отношений в ряде европейских провинций и развитие там местной национальной буржуазии требовали создания национальных, самостоятельных государств.

Болезнь Мурада принудила Мидхата к совершению нового дворцового переворота. Он установил связь с наследным принцем Абдул Хамидом и предложил ему трон с тем, однако, условием, чтобы сразу после воцарения принца была введена конституция. Это было основным условием вступления на престол Абдул Хаида, который никогда не сочувствовал конституционным взглядам [16, д. 31, л. 48]. Тем не менее он пошел на сделку, стремясь любым путем получить власть. Характер и взгляды Абдул Хаида были, вероятно, известны Мидхату, так как первоначально он противился передаче пре-

стола именно Абдул Хамиду [82, с. 105]. Однако встречи Мидхата с наследным принцем изменили мнение Мидхат-паши: будущий султан заявил, что просто не примет правления, не опирающегося на конституционный принцип [109, с. 24].

31 августа 1876 г. на престол взошел султан Абдул Хамид II. Однако он не торопился с выполнением своих обещаний. Еще будучи принцем, он признавал в стране наличие многих трудностей и противоречий, но видел средство избавления от них в «здоровой и мирной политике султана и кабинета министров», а не в конституции [16, д. 31, л. 202].

В традиционном указе, который вопреки правилам был издан лишь на 12-й день после воцарения Абдул Хамида, потому что при его составлении разгорелась борьба между Мидхатом и султанской камарильей, состоявшей из ярых противников конституции, не оказалось ничего, кроме общих рассуждений о необходимости реформ. Однако под влиянием внешнеполитических событий и внутренних трудностей султан был вынужден использовать конституционное движение.

2 октября 1876 г. состоялось совещание министров и сановников, на котором был утвержден проект ноты державам в ответ на ультиматум русского правительства относительно статуса Сербии и Черногории, а также реформ, касающихся Боснии, Герцеговины и Болгарии. Ультиматум требовал сохранить в Сербии и Черногории довоенное положение, предоставить административную автономию Боснии и Герцеговине, провести реформы в Болгарии. В турецкой ноте говорилось, что Османская империя не примет этих требований, однако введет в стране конституцию. Эта нота, а затем вторая, аналогичного содержания, была передана представителям европейских держав в Стамбуле. Во второй ноте уже определенно говорилось о скором создании в стране парламента [123, с. 46], так что есть основания утверждать, что к этому времени султан Абдул Хамид уже дал санкцию на введение в стране конституции. 7 октября 1876 г. султан издал указ, в котором официально признал необходимость реформ, в частности введения конституции, а также установления принципа ответственности министров. В том же указе сообщалось, что создана комиссия для обсуждения всех вопросов, связан-

ных с провозглашением конституции [там же, с. 46—47]. Это означало победу конституционалистов.

Победа борцов за конституцию объяснялась отнюдь не прочностью их позиций в правительстве и уж никак не прочностью их опоры в массах, а лишь благоприятно сложившейся для них внутри- и внешнеполитической обстановкой, которая заставила их противников пойти на уступки. В немалой степени она объяснялась и поддержкой значительной части софитов, обеспеченной удачными тактическими действиями самого Мидхата.

В соответствии с изданным указом была создана конституционная комиссия под председательством Мидхат-паши, надеявшегося, что турецкий парламент соберется еще до выработки конституции. В комиссии был обсужден проект Мидхата, предусматривающий создание парламента, который должен был представить все население страны, независимо от его религиозной или национальной принадлежности. По проекту правительство должно было быть ответственным перед этим парламентом. Проект предусматривал предоставление в той или иной степени административной автономии провинциям, где большая часть населения была нетурецкой [118, с. 230]. Однако проект этот был в значительной мере изменен в процессе его обсуждения феодально-клерикальной оппозицией.

Борьба между конституционалистами и их противниками разгорелась в основном по вопросу о прерогативах султана, правительства и парламента. Другим важным вопросом, по которому велись ожесточенные споры, явился вопрос о принципе управления провинциями империи, о том, насколько широко следует предоставить им права самоуправления.

При обсуждении проекта конституции критике подверглось положение Мидхата о предоставлении некоторым турецким провинциям автономных прав. Оно критиковалось не только феодально-клерикальной верхушкой, но и «новыми османами». Намык Кемаль и Зия, входившие в состав комиссии, считали, что рамки этих автономных прав были определены Мидхатом слишком широко. «Новые османы» солидаризировались в этом вопросе со своими политическими противниками на общей платформе великодержавной идеологии «османизма». Они видели в этой части проекта Мидхата план,

который ничем не отличался от предложений держав. План этот, с их точки зрения, нисколько не разрешал проблемы. Более того, по их убеждению, он способствовал дальнейшим сепаратистским стремлениям нетурецких народов [там же].

Под давлением феодально-клерикальной реакции вновь был поставлен вопрос о самой возможности введения конституционного образа правления. Мидхат-паша и его сторонники в качестве доказательства органической связи своего проекта конституции с исламом не раз приводили выдержки из Корана. Это не было простым политическим приемом, направленным на подавление реакции. Конституционалисты, по-видимому, были склонны идеализировать ранний ислам, видели в нем даже некие истоки «конституционализма».

Противники конституции также часто ссылались на Коран, доказывая, что к управлению государством не могут быть допущены немусульмане. Они сознательно использовали авторитет религии в своей политической борьбе, являясь ярыми врагами конституционных планов Мидхата, так как эти планы затрагивали их классовые интересы — интересы феодально-клерикальной верхушки, не желавшей терять своей власти. По мнению конституционалистов, уже само по себе перечисление в конституции прав султана, даже без их ограничения, являлось нарушением прерогатив султана. Султан мог, по мнению их противников, даровать народу ряд прав в соответствии с требованиями времени, но право на это принадлежало ему одному. Такова была, в частности, точка зрения великого везира Мехмеда Рюштя и министра юстиции Ахмеда Джевдет-паши [118, с. 237, 240].

В связи с подготовкой конституции Мехмед-паша предлагал до 31 марта, т. е. до официально назначенного дня открытия парламента заключить официальное перемирие с Сербией и Черногорией [16, д. 32, л. 238]. Мидхат-паша и его сторонники надеялись, что в Сербии с помощью их агентов возникнет движение в поддержку Османской империи и открытие конференции держав, которое намечалось провести в Стамбуле для решения вопроса о реформах в Турции, будет отвлечено [там же, л. 280]. Но надежды эти не оправдались. Поэтому Мидхат-паша хотел провозгласить конституцию либо до, либо во время конференции великих

держав в Стамбуле, будучи уверенным, что это приведет к ее срыву. Он надеялся, что с угрозой иностранного вмешательства было бы таким образом покончено.

Сообразуясь с этим планом, одобренным султаном, турецкое правительство отклонило требования европейских держав относительно реорганизации управления провинций с нетурецким населением. Мидхат-паша, выражая мнение всего правительства, не соглашался с предоставлением провинциям автономии и превращением Османской империи в конфедерацию [16, д. 32, л. 365].

Тем временем работа комиссии по выработке конституции продолжалась. Но только в ноябре 1876 г. был выработан наконец проект конституции, который вызвал очередной взрыв разногласий в среде турецкой правящей верхушки.

Первый раздел конституции содержал пять статей, которые определяли права султана. Второй раздел рассматривал вопросы, связанные с ответственностью министров. Институт великих везиров отменялся и вводился пост премьер-министра, главы кабинета министров. Премьер-министр должен был назначаться султаном. Он должен был нести ответственность как перед султаном, так и перед палатой депутатов. Еще один раздел конституции посвящался функциям парламента из двух палат — сената и палаты представителей [118, с. 243].

Против первого раздела проекта конституции решительно восстали Джевдет-паша и Мехмед Рюштю-паша, заявляя, что султан стоит выше закона, а потому нег необходимости вводить раздел о его верховных правах [там же]. Они решительно возражали против отмены поста великого везира и лишь за султаном признавали право назначать всех министров, которые, по их мнению, должны быть ответственными только перед ним [там же]. В результате дискуссии весь раздел о правах монарха был исключен из проекта конституции. Изменению подверглась и статья о государственной религии. Вместо осторожной формулировки, предложенной комиссией, — «Режим Османской империи основан на положениях шариата и связан со священным шариатом» — появилась другая статья — «Религией Османской империи является ислам» [там же, с. 244]. Отменена была и статья о праве различных народов империи пользоваться своим родным языком [123, с. 55—56].

Твердость возражений и поправок оппозиции объяснялась поддержкой позиций противников конституции мусульманским духовенством, а именно улемами, которые в конце октября 1876 г. высказали свое решительное неудовольствие по поводу предполагавшейся реформы государственного управления. Среди них были весьма высокопоставленные духовные лица, в частности кадиаскер Шериф-эфенди [32, с. 184].

Изменение проекта конституции вызвало решительный протест «новых османов», в особенности Намыка Кемаля. Он обратился с протестом к султану. Кемаля поддержал Сулейман-паша, активный участник низложения Абдул Азиза. Он, по всей вероятности, даже угрожал султану Абдул Хамиду низложением [118, с. 244].

В результате выступления Намыка Кемаля и его единомышленников проект вновь подвергся пересмотру. При этом конституционалисты пошли на некоторые уступки, торопясь провозгласить конституцию до открытия стамбульской конференции держав. Новый вариант проекта не имел важнейшего пункта об ответственности министров перед парламентом. В нем указывалось, что министры должны назначаться султаном. Перед кем они должны были быть ответственными, сказано не было. В новом варианте остался и пункт, провозглашавший ислам государственной религией Османской империи. Более того, Мидхат-паша после некоторой борьбы согласился оставить в проекте дополнение к статье 113, внесенное по предложению султана, в котором говорилось: «Его величеству султану принадлежит исключительное право изгонять из пределов территории империи лиц, которые, на основании сведений, заслуживающих доверия и собранных полициейским управлением, будут признаны наносящими ущерб безопасности государства» [84, с. 234]. Это дополнение позволяло Абдул Хамиду в любой момент избавляться от неугодных ему лиц.

Согласие на такие поправки и дополнения объяснялось не только стремлением провозгласить конституцию до открытия конференции европейских держав, но и тем, что конституционалисты, и в первую очередь Мидхат-паша, возлагали большие надежды на работу будущего парламента, который, по их мнению, многое мог изменить и в тексте конституции. В то время Мидхат говорил: «Что поделаешь? Конституция в настоящий момент

может быть у нас только такой... первый секретарь (султана.— *И. Ф.*) вбил этот клин. Придет время и этот клин будет ликвидирован» [104а, т. III, с. 345].

«Новые османы», в частности Мамык Кемаль и Зия, более решительно выражали свое мнение относительно изменений в проекте конституции, в особенности дополнения к статье 113. Они готовы были вообще лучше отказаться от конституции, чем принять подобные поправки. По мнению же Мидхата, отказ от провозглашения конституции означал бы потерю возможности ее провозглашения на многие годы [там же]. Намык Кемаль, возражая Мидхату, заявлял, что согласие на дополнение к статье 113 конституции означало бы не только невозможность открыть в Турции новую эру «свободы», но и уничтожение всего того положительного, что дал стране танзиматский период [118, с. 245].

Позиция Мидхата с очевидностью показывает, что он понимал слабость позиций конституционалистов, знал о колебаниях Абдул Хамида относительно необходимости провозглашения конституции и потому так настойчиво пытался воспользоваться благоприятным внешнеполитическим моментом в интересах победы конституционалистов.

19 октября 1876 г. Мидхат-паша был назначен на пост великого везира. Этим актом султан Абдул Хамид хотел показать Европе искренность своих реформаторских стремлений, ибо в то время Мидхат считался лидером всех прогрессивных сил в стране. 22 декабря на очередном заседании конституционной комиссии вновь решался вопрос о принятии конституции в том виде, в каком она была одобрена султаном, т. е. с поправками и дополнениями. Чтобы заставить Мидхата и его сторонников принять именно такую конституцию, султан воспользовался ловким приемом — поставил под вопрос саму возможность ее провозглашения. На заседании выступил Ахмед Джевдет-паша и заявил, что с приходом к власти мудрого султана отпала необходимость вводить в стране конституцию [там же, с. 246]. Это заявление заставило не только Мидхата, но и «новых османов» окончательно пойти на уступки. Судьба конституции была решена.

23 декабря 1876 г. первая турецкая конституция была провозглашена. Конституция декларировала личную сво-

боду и равенство перед законом всех подданных Османской империи, без различия вероисповедания, безопасность собственности, неприкосновенность жилища, пропорциональное распределение налогов и податей на основе закона. Она провозглашала свободу печати, объявляла обязательным начальное образование, гласность и независимость судов, несменяемость судей.

Конституция предусматривала создание в Турции двухпалатного парламента, состоящего из сената и палаты депутатов. Последняя имела право принимать, отвергать и изменять законопроекты, касающиеся конституции, финансов и государственного бюджета. Ее решения подлежали утверждению в сенате.

За султаном, однако, были сохранены широкие права. Те незначительные ограничения власти султана, которые содержались в проекте Мидхата, были аннулированы.

Конституция объявляла всех подданных империи независимо от вероисповедания, «османами», а Османскую империю единым целым, которое никогда и ни при каких условиях не может быть разделено. Таким образом, конституция увековечила господство турок над угнетенными народами империи.

Несмотря на всю ее половинчатость и непоследовательность, конституция была прогрессивным явлением в истории Турции, поскольку провозгласила ряд важных буржуазных свобод и создание парламента. Претворение в жизнь ее положений могло бы ограничить царивший в стране феодально-бюрократический произвол и способствовать возрождению страны.

Хотя провозглашение конституции и не спасло Османскую империю от вмешательства европейских держав в ее внутренние дела, непосредственная цель конституционалистов была достигнута — конференция держав, на предложения которой Турция ответила решительным несогласием, была сорвана [73, с. 93]. Немалую роль в этом сыграл Мидхат-паша.

Государственные задачи, которые встали перед Мидхатом — великим везиром, были необычайно сложны. Страна переживала кризис. Провозглашение конституции не привело к немедленному роспуску конференции. С восстаниями на Балканах не было покончено. Вопрос о мире с Сербией и Черногорией ждал своего разрешения. Финансовое положение страны было крайне тя-

желым. Конституция, даровавшая «свободу и равенство» всем османским подданным, в огромном большинстве случаев была встречена населением индифферентно, а иногда и откровенно враждебно. Мусульманское население, особенно в отдельных азиатских провинциях, открыто выражало недовольство предоставлением немусульманам равных прав с мусульманами. Что же касается христиан, то они весьма сдержанно отнеслись к конституции, хорошо зная истинную цену торжественных обещаний турецкого правительства. Правда, подобное отношение немусульман к конституции не было повсеместным. В Адрианополе, например, состоялась большая демонстрация населения в поддержку конституции, составлялись приветственные адреса от имени христианского населения [123, с. 83—84].

Первоочередное внимание в своей деятельности великого везира Мидхат-паша уделил решению двух вопросов. Первый состоял в налаживании государственных дел в соответствии с конституционным принципом управления и в созыве палаты депутатов. В связи с этим во все провинции империи был разослан циркуляр, в котором Мидхат призывал к единению «османской нации» в условиях нового режима, к конкретному воплощению в жизнь новых прав, предоставляемых всем османским подданным [130, с. 151—152].

Вторым важным вопросом, который Мидхат-паша считал едва ли не самым главным, был вопрос об устранении угрозы иностранного вмешательства. Мидхат предполагал добиться от европейской конференции смягчения предъявленных ею требований реформ, а если возможно, то добиться скорейшего ее закрытия. При этом он очень рассчитывал на противоречия между державами в вопросах, касавшихся будущего Османской империи и ее провинций. Неоднократно он встречался с представителями держав на конференции как официально, так и неофициально, заявляя, что Османская империя не согласится с требованием великих держав предоставить автономию Боснии, Герцеговине и Болгарии. План этот должен был осуществляться под непосредственным наблюдением специального комиссара, назначаемого всеми державами — участницами конференции [74, с. 111].

Пытаясь заручиться поддержкой Англии и Франции, Мидхад-паша обещал немедленно заняться финансовыми

вопросами империи, в решении которых были так заинтересованы эти государства — главные кредиторы турецкого правительства. Он сообщил им, что приняты меры к отмене ираде (указа) от 6 октября 1875 г., которым было принято решение о выплате по займам лишь в половинном размере [16, д. 33, лл. 460, 525]. Австрийскому представителю на конференции Мидхат-паша указал на общность интересов Австро-Венгрии и Османской империи перед лицом единого врага — панславизма [там же, л. 526]. Встретившись с русским послом в Стамбуле Н. П. Игнатьевым, Мидхат-паша намекал на возможное прямое сепаратное соглашение России с Турцией при условии, что Игнатьев будет способствовать отказу конференции от ее требований, но вместе с тем заявил русскому послу, что Османская империя не остановится перед войной, несмотря на неблагоприятное положение ее ресурсов, что компенсируется, по его мнению, патриотическим энтузиазмом масс [там же, лл. 526—527].

Настроение масс Стамбула, особенно софт, было таково, что Мидхат-паша отвергал предложения европейских держав, надеясь на поддержку первых. В декабре 1876 г. 500 софт направились к дому Мидхата, скандируя: «Да здравствует султан!», «Да здравствует Мидхат!». Мидхат-паша вышел к демонстрантам и выслушал речь их руководителя, который заверил, что софты не согласны ни на какие иностранные предложения и будут защищать страну, которую их предки завоевывали в течение шести веков. Мидхат-паша произнес перед софтами речь, в которой заявил, что задача эта очень трудна, однако он приложит все силы к тому, чтобы исполнить веление долга [там же, л. 530].

На одной из неофициальных встреч с первым драгоманом русского посольства, состоявшейся уже после провозглашения конституции, Мидхат-паша вновь подчеркнул полную невозможность для Османской империи принять предложения, выдвинутые державами на конференции. Он заявил, что стране нужно дать какое-то время на то, чтобы освоиться с новыми институтами, с новым принципом государственного управления. При этом Мидхат предупредил представителя России, что возможная война с Турцией окажется нелегкой. Мусульманские подданные России, по его мнению, также не

остались бы безучастными в случае войны с халифом. Мидхат-паша предложил России сепаратные переговоры, обещав дать ей удовлетворение в соответствии с насущными интересами Османской империи. «Дайте нам возможность осуществить реформы,— сказал он,— наблюдайте за нами, дайте нам отсрочку, после которой мы предпримите все меры, которые сочтете необходимыми» [там же, лл. 634—637].

Мидхат-паша надеялся, что выполнение статей конституции и деятельность палаты депутатов создадут необходимые условия для того, чтобы коренным образом изменить положение немусульманских подданных империи. Он по-прежнему верил в возможность создания единой «османской нации». Это должно было, по его мнению, навсегда отвести от страны угрозу вмешательства иностранных государств в дела империи.

Мидхат-паша стремился вместе с тем разрешить создавшийся кризис, воспользовавшись противоречиями между державами. Европейские представители сами подавали к этому поводы, обещая Мидхату на неофициальных встречах значительно облегчить выдвинутые ими условия [32, с. 189]. Мидхат-паша до такой степени рассчитывал на европейские разногласия, что наивно верил, что в случае войны Турции с Россией, начнется общеевропейская война, и о Турции Европа «забудет» [16, д. 22, т. I, л. 115].

Имея в виду противоречия держав, Мидхат-паша решил вести переговоры с каждой державой в отдельности. Для этого он послал в Европу своего представителя — Одиян-эфенди, с которым работал еще в Дунайском вилайете. В задачу Одиян-эфенди входило заручиться поддержкой Англии и Франции, дав им определенные финансовые гарантии.

Зная, что Англия и Франция будут противиться усилению позиций России на Балканах, Мидхат-паша упорно старался доказать европейским политикам, что после провозглашения конституции Османская империя сможет провести все те реформы, которые требуют от нее державы на конференции.

В Париже Одиян-эфенди должен был встретиться с рядом османских кредиторов, обсудить с ними финансовые дела. Он должен был также встретиться с французскими и английскими государственными деятелями, что-

бы заявить им, что Османская империя по-прежнему испытывает к Англии и Франции симпатии и рассчитывает на поддержку своих бывших союзниц [101, с. 472].

В Париже и Лондоне Одиян-эфенди объявил официальным лицам, что на последнем заседании конференции турецкие представители объявят о том, что Порта готова дать гарантии державам относительно применения конституции, что будет, безусловно, предполагать проведение нужных реформ. Он предложил, чтобы английский и французский представители на конференции заявили о своем согласии с этим предложением турецкого правительства в том случае, если Россия также будет им удовлетворена [там же, с. 475].

Миссия Одиян-эфенди оказалась малоуспешной. Англия и Франция посоветовали Порте принять предложения конференции. В противном случае, заявили их представители, война с Россией может привести к расчленению Османской империи [там же, с. 474]. Английские государственные деятели указали Мидхату, что непростительно повторять ошибки прошлого. Если бы во время греческого восстания Османская империя сделала, говорили они, своевременные уступки, она сохранила бы в своем составе Грецию [123, с. 87—88]. Международные отношения в момент миссии Одияна в Европе складывались таким образом, что ни английская, ни французская дипломатия по многим причинам не склонны были поддержать Мидхата. В Париже и Лондоне Одияну удалось заручиться лишь поддержкой нескольких журналистов, которые попытались настроить общественное мнение в пользу турок и показать несостоятельность требований держав в новых условиях [101, с. 473].

18 января 1877 г. турецкое правительство созвало для обсуждения предложений конференции расширенный совет из министров, военачальников, улемов и представителей немусульманских общин. На совете большую речь произнес Мидхат-паша, который заявил собравшимся, что в случае отказа от предложений конференции возможна война с Россией, которая повлечет за собой более тяжкие последствия для страны, чем принятие предложений великих держав. Мидхат-паша отметил, что состояние военных сил Турции, несмотря на ряд мероприятий, еще недостаточно благополучно, что Турции придется вести войну без союзников и какой-либо

помощи со стороны европейских держав, что придется закупать боеприпасы в Америке и только частично в Европе. Мидхат-паша подчеркнул, что финансовые дела государства обстоят крайне плохо, у налогоплательщиков нечего взять, а если взять последнее, то последствия окажутся тяжелее, чем все разрушения войны [32, с. 190; 45, с. 103].

В своей речи Мидхат, казалось бы, предлагал членам совета согласиться с требованиями держав, предъявленными на конференции. Однако, как нам представляется, Мидхат-паша ставил перед собой задачу лишь предупредить членов совета об опасных последствиях, связанных с отказом от них.

Мидхат-паша выслушал мнение участников совета, которое было на редкость единодушным. Они раскритиковали предложения держав и в своем послании участникам конференции заявили, что вопрос об уступках в пользу европейских провинций Османской империи может быть решен только палатой депутатов [76, с. 11]. В результате конференция держав была распущена, ее участники и послы соответствующих держав покинули Константинополь. В городе остались лишь поверенные в делах.

Общественное мнение столицы в целом поддержало отказ турецкого правительства принять предложения участников конференции. Что же касается провинций, то, как говорили, Мидхату приходилось инспирировать петиции султану, в которых мусульманские провинции выражали готовность бороться за свою родину [16, д. 22, т. I, л. 122].

Мидхат-паша надеялся, что противоречия между странами — участницами конференции предотвратят войну Турции с Россией. Он надеялся также разрешить кризис такими мерами внутренней политики, которые должны были показать всю серьезность реформаторских намерений турецкого правительства.

Тяжелый внешнеполитический кризис Османской империи во многом был связан с финансовым. В условиях предполагавшейся войны с Россией решение финансовых вопросов имело едва ли не первостепенное значение. Пытаясь хоть частично решить проблему, Мидхат-паша предпринял попытку укрепить курс каиме — обесцененных бумажных денег, наводнивших страну [32, с. 187].

Мидхат-паша надеялся на улучшение финансового положения страны, строя фантастические прожекты. Так, он мечтал об использовании материальных ценностей, копившихся веками в Мекке, которые оценивались в несколько миллионов лир [15, д. 83, л. 527]. Вместе с тем (и, пожалуй, более всего) он рассчитывал на новые займы. Одиян-эфенди должен был вести соответствующие переговоры в Англии во время своей поездки в Европу [32, с. 192].

Большие надежды в своих реформаторских планах Мидхат-паша возлагал на палату депутатов, которая должна была в скором времени собраться и обсудить вопросы внутреннего и внешнего положения государства.

В качестве предварительной меры, которая должна была свидетельствовать о наступлении в Османской империи конституционной эры, Мидхат-паша послал в Адрианополь и Софию особых чиновников, поручив им сформировать жандармерию и полицию, как из турок, так и из болгар, а также назначить на посты каймаков и мутесаррифов представителей местного болгарского населения. Посланным предписывалось объявить о прощении всех лиц, участвовавших в «беспорядках», восстановить в обоих вилайетах в прежнем виде Общий совет, отмененный во времена Махмуда Недим-паши, а также начать работу по замене ашара поземельным налогом [там же, с. 293].

Одновременно во всех вилайетах проходили выборы в палату депутатов, в соответствии с разосланными Портой инструкциями. Началась деятельная подготовка к созыву парламента.

Из внешнеполитических акций Мидхата этого времени следует отметить его переговоры о заключении мира с Сербией и Черногорией, которым он предлагал сделать некоторые территориальные уступки [32, с. 194—195].

В это время султан Абдул Хамид, до того державшийся в тени и редко вмешивавшийся в государственные дела, начал постепенное наступление на конституционное движение. Социальная опора оппозиционного движения в период свержения Абдул Азиза была, как отмечалось, достаточно широкой в столице, ибо массы населения Стамбула выступили с экономическими требованиями и антиправительственными лозунгами и,

таким образом, поддерживали конституционалистов. Когда же пришло время поддержать политические требования Мидхата и «новых османов», обнаружилась и незрелость масс, и отсутствие руководства ими со стороны конституционалистов, которые не имели организованной и идейно сплоченной партии, да к тому же и просто боялись масс. Великодержавные взгляды «новых османов» отталкивали от них большую часть немусульманского, нетурецкого населения, инациональную буржуазию. В рядах «новых османов» не было прежнего единства. Они обвиняли Мидхата в том, что он допустил появление куцей конституции, испытывали к нему и личную неприязнь, как к деятелю, который не совсем справедливо пользуется славой человека, чуть ли не в одиночку добившегося провозглашения конституции [108, с. 10].

Действительно, Мидхат-паша, как уже отмечалось, ратовал за провозглашение конституции любой ценой, видя в ней панацею от всех зол. Идейных же вождей «новых османов» прежде всего занимал вопрос о том, какой будет турецкая конституция, в какой мере ее положения будут способствовать действительному социально-экономическому и культурному возрождению страны. Сразу же после провозглашения конституции султан попытался ослабить блок конституционалистов, назначив Зию послом в Берлин. Однако Мидхат-паша, прекрасно понимая замысел султана, выдвинул кандидатуру Зии в парламент, но Абдул Хамид отверг это предложение, заявив, что Зия скомпрометировал себя журналистской деятельностью в газете «Истикбаль» («Будущее») [124, с. 39—42]. Деятельность эта заключалась в том, что Зия помещал в газете статьи, выражавшие сомнения в искренности конституционных замыслов султана. Вызывали нарекания Абдул Хамида и публикации газеты «Вақыт» («Время»), в связи с чем Мидхат-паше было дано указание принять строгие меры против стамбульской прессы, изменив соответствующую статью конституции [там же, с. 43—44]. Однако Мидхат-паша действовал вопреки желаниям султана. Он предотвратил закрытие «Вақыт». Несмотря на это, в январе 1877 г. под давлением султана все же была создана комиссия по выработке проекта нового закона о печати [57, с. 169—170].

Конфликт между султаном и Мидхатом возник и по вопросу о допущении немусульман в военные училища, чего добивался Мидхат-паша, в связи с соответствующим положением конституции. Он писал султану, что запрет на прием в военные школы немусульман «серьезнейшим образом с самого начала компрометирует важную реформу, которой ожидают со времени провозглашения конституции» [124, с. 200]. Причиной, понудившей Мидхата написать это письмо, послужил указ султана, запрещающий допуск немусульман в военные училища. Неопределенность сохранялась и в вопросе о создании смешанных училищ.

В то же время некоторые предложения султана, в частности предложение о создании специальной школы по подготовке чиновников, вызывали возражения Мидхата, считавшего решение этих вопросов прерогативой палаты депутатов. Подобное же противодействие оказал Мидхат-паша, когда султан предложил ввести иностранных экспертов в комиссию по разработке новых государственных законов в связи с провозглашением конституции [117, с. 27—28].

Конфликты между Мидхатом и султаном стали все чаще. В целом деятельность «новых османов» после провозглашения конституции казалась султану небезопасной для его власти. С большой опаской смотрел он на действия Мидхат-паши, считавшегося лидером «новых османов». Пугала султана и большая независимость Мидхата в государственных делах. Так, Мидхатом был отдан приказ о создании в столице вооруженных отрядов, что было сделано без ведома султана. Такая гвардия должна была быть создана и в других городах страны [там же, с. 28]. Этот акт свидетельствовал о желании Мидхата создать верные конституции силы, на которые можно было бы опереться в случае необходимости.

Мидхат-паша пытался произвести и некоторую перестановку в кабинете министров. Он потребовал у султана сместить министра внутренних дел Савфет-пашу, министра финансов Галиб-пашу, военного министра и министра полиции. Это объяснялось растущей оппозицией деятельности Мидхата в кабинете министров под прямым влиянием султана [16, д. 22, ч. II, лл. 378—379].

В отставке Савфет-паши Мидхату было решительно отказано, а двое смещенных министров получили солид-

ную компенсацию в виде мест в будущем сенате и разрешение присутствовать на заседаниях совета министров. Абдул Хамид вовсе не желал усиливать позиции конституционалистов в правительстве. Министра финансов Галиб-пашу Мидхат обвинил в том, что он выдал султану несколько тысяч лир из государственной казны без согласования с кабинетом министров. Однако на место Галиб-паши был назначен другой ставленник султана Юсуф-паша.

Одновременно с министерскими перестановками Мидхат-паша потребовал от султана смещения трех губернаторов, а также первого секретаря султана — Саид-паши [117, с. 32], однако потерпел неудачу. Султан подозревал Мидхата в желании всюду внедрить своих ставленников. Вызывал недовольство султана и тот факт, что Мидхат-паша настойчиво оградил двух лидеров «новых османов» Намыка Кемаля и Зию от всех попыток удалить их из столицы [115, с. 87].

Постоянные конфликты между монархом и великим везиром являлись отражением начавшегося наступления Абдул Хамида на конституционное движение в стране. Назначение Мидхата на пост великого везира было временным тактическим шагом султана, еще опасавшегося за свою власть, за судьбу своего трона, желавшего к тому же показать европейским державам серьезность политических изменений, происходящих в Османской империи. В действительности же Абдул Хамид враждебно относился к Мидхату, обвинял его в стремлении к деспотической власти. Султан подозревал Мидхата даже в республиканизме, в желании свергнуть династию Османов и самому возглавить созданную республику. Абдул Хамид, признавая за Мидхатом бесспорные административные способности [37, с. 114], желал видеть его подальше от столицы. Двух людей, стоявших у кормила власти, разделяла и глубокая личная вражда, в основе которой, как справедливо отметил болгарский историк Самарджиев, лежали объективные причины [77, с. 76]. Мидхат-паша хотя и был тесно связан с реакционной правящей полуфеодальной верхушкой Османской империи, выступал по сути с буржуазных позиций.

Опасения султана относительно республиканских воззрений Мидхата были несправедливы, ибо он, как и все «новые османы», был убежденным сторонником консти-

туционной монархии. В среде «новых османов» лишь Мехмед-бей, редактировавший в 1870 г. в Женеве газету «Инкиляб» («Революция»), проповедовал республиканские идеи [там же, с. 141].

После роспуска конференции и накануне предстоящего открытия палаты депутатов Абдул Хамид решил избавиться от своего самого опасного политического противника — Мидхат-паши. Для этого он воспользовался дополнением к статье 113 конституции, которое вызвало в свое время такой протест «новых османов». О том, что Мидхата ожидает скорая отставка, знали многие. В частности, об этом сообщал в Петербург временный поверенный в делах Нелидов, указывавший, что для отставки Мидхата только подыскивается предлог. В этом же сообщении говорилось, что Мидхат-паша имеет серьезные разногласия со своими сторонниками [16. д. 22, ч. II, лл. 456—457], однако суть этих разногласий в донесении не раскрывалась.

Непосредственным поводом для отставки Мидхата послужил конфликт по поводу допуска немусульман в военные училища [45, с. 117]. Султан откровенно тянул с решением этого вопроса, в связи с чем Мидхат-паша передал на имя султана письмо (30 января 1877 г.), в котором высказал недовольство действиями султана, не согласующимися с духом конституции. Впоследствии, 3 года ссылки в Европе Мидхат-паша отрицал, что он является автором этого письма султану [123, с. 102—103]. Однако это можно объяснить желанием его получить прощение Абдул Хамида и вернуться на родину. Трудно представить себе, кто из османских государственных деятелей того времени мог написать подобное письмо султану. Во всяком случае это был беспрецедентный случай в турецкой истории. Именно в этот момент конфликт между султаном и великим везиром достиг своей критической точки.

Через три дня после получения султаном указанного письма к Мидхату прибыл Савфет-паша с приглашением явиться во дворец для обсуждения вопроса о допуске нехристиан в военные училища. Мидхат-паша отказался сделать это до тех пор, пока не будет издан соответствующий указ, положительно решающий спорный вопрос. Султан прислал Мидхату повторное приглашение явиться во дворец, заверив его, что указ будет издан только

в таком случае. Мидхат принял приглашение, предчувствуя, однако, что его ждет ссылка. Предчувствия не обманули его. Во дворце его попросили подождать в приемной. Вскоре к нему вышел Саид-паша и объявил о ссылке на основании статьи 113 конституции, после чего немедленно препроводил на борт парохода [45, с. 119]. В течение суток пароход не покидал Стамбул, так как Абдул Хамид желал узнать реакцию общественности на это событие.

Вопреки опасениям султана, а также ожиданиям самого Мидхата, в столице не произошло никаких волнений. Правда, в Салониках мусульманское население открыто выразило свое недовольство смещением и высылкой Мидхата и готово было даже выйти на демонстрацию, однако она так и не состоялась [77, с. 77]. Только позже, уже в середине марта 1877 г., в Стамбуле распространялась листовка, в которой содержался призыв вернуть Мидхата [74, с. 126]. 20 марта 1877 г. софты организовали демонстрацию в поддержку Мидхата, после чего многие были арестованы и высланы из столицы [99, с. 202—203]. Известно также, что в защиту Мидхата подняли свой голос три студента военного училища в Стамбуле, которые отправили несколько писем султану, правительству и министру полиции с протестом против ссылки Мидхата [43, с. 3]. Однако широкой поддержки движение в поддержку Мидхата не получило, что еще раз доказало слабость социальной опоры конституционного движения.

Одновременно с Мидхатом из столицы были высланы многие деятели конституционного движения. По существу ссылка Мидхата означала начало разгрома этого движения. Главной причиной поражения конституционалистов была слабость социальных сил, интересы которых они отражали. Экономической слабостью и политической незрелостью турецкой буржуазии объясняется соглашательство конституционалистов с феодально-клерикальным режимом, непоследовательность и нерешительность их требований.

Кроме того, конституционалисты не имели организованной и сплоченной партии с ясной программой. Не было той политической силы, которая была способна поднять борьбу масс с султанским режимом. Конституционалисты не имели опоры в массах. Они слишком

верили в роль отдельной личности, опираясь в основном на деятельность Мидхат-паши, прибегая к дворцовым переворотам. К тому же конституционалистов объединяла с султанским режимом великодержавная идеология, стремление к господству турок над покоренными народами империи, что отталкивало от них более развитую экономически инациональную буржуазию империи.

Слабость конституционалистов явилась причиной появления на свет куцой турецкой конституции. Следует отметить, и личные ошибки Мидхат-паши, который, будучи слишком занятым интересами момента, добивался любой конституции, конституции во что бы то ни стало.

Вместе с тем невозможно не отметить исторической заслуги конституционалистов во главе с Мидхат-пашой в истории Турции. «Историческая заслуга „новых османов“,— пишет в своей монографии Ю. А. Петросян,— прежде всего в том, что они первыми в истории Турции подняли знамя борьбы с феодальным абсолютизмом. Требование конституционных реформ отражало направление буржуазно-либерального реформизма в идеологии „новых османов“, представлявших собой социальные и политические силы, заинтересованные в создании условий для развития капиталистических отношений, для формирования буржуазных норм и порядков. Требования „новых османов“ относительно ликвидации административного произвола, развития экономики и культуры, обеспечения экономической и политической независимости страны имели несомненно прогрессивное значение» [73, с. 136].

Несмотря на все ошибки и просчеты, явный политический идеализм и непоследовательность, деятельность Мидхат-паши как руководителя борьбы за первую турецкую конституцию должна быть, бесспорно, оценена в целом как положительное, прогрессивное явление. Мидхат первый в истории Турции показал пример деятельности политического лидера буржуазно-либерального типа. Именно его политические акции показали новым социальным силам страны возможность борьбы с феодально-абсолютистским режимом.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ
МИДХАТ-ПАШИ

19 марта 1877 г., когда Мидхат-паша, высланный султаном из Турции, путешествовал по странам Европы, произошло событие, которого он так ждал,— открылся первый турецкий парламент. В интервью, данном Мидхатом корреспонденту австрийской газеты «Нойе Фрайе Прессе», были высказаны опасения за судьбу турецкой конституции. Главную угрозу для ее существования Мидхат-паша видел не в абсолютистской политике султана, а в неспособности проводить ее положения в жизнь турецкими чиновниками, которых воспитал абсолютизм [45, с. 139].

«Дарование» конституции, созыв парламента, да и сам Мидхат были нужны Абдул Хамиду прежде всего, чтобы произвести внешнеполитический эффект в момент обсуждения вопроса о реформах Стамбульской конференцией держав. После провала конференции Абдул Хамид немедленно изменил свою позицию.

После отказа Турции принять предложения конференции Россия начала готовиться к войне с Османской империей и спешила договориться со своими европейскими соперниками. В январе 1877 г. Россия заручилась нейтралитетом Австро-Венгрии, пообещав ей Боснию и Герцеговину. В Лондоне в марте 1877 г. России удалось добиться соглашения с Англией, по которому Турции снова предъявлялись требования о реформах, а в случае отклонения этих требований Россия получала свободу действий. Однако Турция вновь отказалась удовлетворить требования европейских держав. Отказ этот во многом объяснялся закулисной игрой английской дипломатии, которая тайно обещала Порте поддержку и вовлекала ее в военный конфликт с Россией [85, с. 19—21].

В апреле 1877 г. Россия объявила войну Османской империи. В мае Мидхат-паша прибыл из поездки по Испании в Париж, откуда очень скоро отправился в Англию, надеясь добиться дипломатической поддержки «дружественной» Турции державы. Сам он считал, что Порты должна была согласиться со вторичными требованиями держав перед угрозой гораздо больших потерь, которые могла принести Турции война с Россией [32, с. 200]. Однако было уже невозможно изменить ход событий.

Мидхат-паша тяжело переживал поражения турецких войск, объясняя их частой и неоправданной сменой военного руководства, нехваткой средств для снабжения армии, отсутствием четко разработанных военных планов [там же, с. 201]. К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу из Лондона 31 мая 1877 г. писал: «Мидхат-паша, как мне говорили, делает здесь все, чтобы дать толчок движению в Константинополе, отчего действительно зависит судьба Турции» [2, с. 37].

Действительно, под влиянием военных поражений турок в Стамбуле росло оппозиционное движение. 24 мая 1877 г. перед зданием палаты депутатов состоялась многочисленная демонстрация, участники которой выразили свой протест по поводу сдачи Ардагана и потребовали смещения ряда министров. Палата депутатов приняла в связи с этим решение пригласить на свое заседание всех министров и обсудить в палате необходимые мероприятия [74, с. 136—137]. На это движение, по-видимому, очень рассчитывал Мидхат-паша. Однако правительство не выполнило ни одного требования палаты депутатов, в которой раздавалась резкая критика в адрес турецкого правительства [там же, с. 106]. 28 июня 1877 г. по решению султана палата депутатов была распущена.

Отчаявшись добиться поддержки в политических кругах Англии и Франции, Мидхат-паша попытался заручиться военной поддержкой Австро-Венгрии. Он отправился в Вену, где встретился с министром иностранных дел Андраши и другими государственными деятелями. Они дали ему не слишком определенные обещания о помощи. Мидхату было неизвестно о соглашении России с Австро-Венгрией, по которому за свой нейтралитет последняя должна была получить Боснию и Герцеговину.

Несмотря на военные успехи в начале кампании, русские войска встретили сильное сопротивление турок у Плевны, которую удалось взять лишь 28 ноября 1877 г. 28 декабря, овладев Шипкинским перевалом, русская армия начала наступление на Адрианополь.

Успехи русских, как это ни кажется странным, радовали Мидхата. Он надеялся на обострение англо-русских противоречий, которые, по его мнению, должны были вызвать неминуемое вмешательство Англии в военный конфликт на стороне Османской империи. Надежды эти отчасти оправдались. Вмешательство Англии и других европейских держав действительно сыграло немалую роль в решении вопроса о судьбах Турции.

Успехи русских войск и подписание Сан-Стефанского договора вызвали обострение Восточного вопроса. В своей специально написанной по этому случаю брошюре «Турция. Ее прошлое, ее будущее» Мидхат-паша предлагал свой вариант решения вопроса о Болгарии, предоставление автономии которой предусматривалось Сан-Стефанским договором. Мидхат предлагал такой раздел Болгарии, при котором большая ее часть оставалась в пределах Османской империи. Один экземпляр брошюры он представил английскому премьер-министру Биконсфилду [32, с. 206].

Деятельность Мидхат-паши, безусловно, находила отклик в кругах европейской дипломатии, в частности английской, которая опасалась, что создание независимой Болгарии в границах, обеспечивающих ей выход к Эгейскому морю, что предусматривалось Сан-Стефанским договором, обеспечит России сильный плацдарм в районе Средиземноморья.

Мидхат-паша провел в изгнании более полутора лет. Осенью 1878 г. ему было предложено вернуться на родину. Возможно это было связано с тем, что летом 1878 г. в Стамбуле имели место две попытки дворцового переворота. В мае 1878 г. группа заговорщиков во главе с Али Суави попыталась освободить султана Мурада. Как сообщает один источник, следственная комиссия установила, что Али Суави намеревался учредить при больном Мураде регентство и регентом назначить Мидхат-пашу [82, с. 132]. По другим источникам, цель заговорщиков состояла в том, чтобы вновь сделать Мидхат-пашу великим везиром [108, с. 507]. Мидхат был назван

в показаниях некоторых обвиняемых в заговоре в качестве его вдохновителя [43, с. 4—5].

Причастность Мидхата к заговорам до сих пор остается вопросом нерешенным. Однако следствием подозрений Абдул Хамида было «прощение» Мидхата и назначение его в декабре 1878 г. губернатором Сирийского вилайета. Султан явно стремился вернуть опального сановника в пределы империи, чтобы иметь возможность контролировать его действия.

Управление Сирийским вилайетом, который включал в себя территории Сирии и Палестины, представлялось в те годы делом весьма сложным. В конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. Сирия стала ареной борьбы европейских держав, стремившихся к усилению своего влияния в этом районе средиземноморского побережья. Особенно острая борьба разгорелась между Англией и Францией, которые в своих политических интересах поддерживали соответственно по одной из двух больших этно-конфессиональных групп населения Сирийского вилайета — друзов и маронитов. Религиозные противоречия, существовавшие между этими группами, искусственно подогревались двумя европейскими державами. Большую роль в этом играли европейские духовные миссии, которые прочно обосновались на Ближнем Востоке и строили там свои школы, семинарии, благотворительные учреждения.

К тому времени, когда на пост сирийского губернатора был назначен Мидхат-паша, наибольшее экономическое влияние в Сирии приобрела Франция, превратившая эту часть Османской империи в свой сырьевой придаток. Французские капиталисты контролировали производство и сбыт сирийского шелка-сырца, являвшегося главным предметом вывоза из Сирии. Здесь была развита первичная обработка шелка, которая находилась в руках французов и небольшой прослойки сирийской компрадорской буржуазии. В меньшей зависимости от французского капитала находилось и табаководство, вторая важная отрасль сирийской экономики [64, с. 288].

Сельскохозяйственное производство Сирии ограничивалось небольшими райсами, где выращивались экспортные культуры, в основном вокруг крупных городов. Производство других сельскохозяйственных культур стояло на низком уровне развития. Орошение полей

производилось примитивным способом, с помощью водочерпальных колес, сохранившихся с древних времен. Бездорожье усугубляло слабое состояние сирийской экономики и торговли. Участник экспедиции в Сирию и Ирак И. Черник отмечал страшную нужду сирийских крестьян, болезни детей, антисанитарию. Он писал, что на обширных пространствах лишь кое-где встречались обработанные участки земли, повсюду царило безлюдие [29, с. 7, 10].

В таком положении застал Мидхат-паша Сирийский вилайет, когда прибыл к месту своего нового назначения, с удовольствием встреченный бейрутским населением.

В Бейруте Мидхат сразу развернул активную деятельность. В речи перед местными торговцами и предпринимателями он выдвинул план обширных работ по строительству в Сирии дорог, говорил о необходимости строительства железной дороги Бейрут — Багдад. Конкретный план действий Мидхата заключался в том, чтобы собрать среди бейрутских дельцов сумму в 20—30 тыс. фр. на расходы по приглашению из Европы инженеров-топографов для изучения трассы будущей дороги. Кроме того Мидхат-паша предложил провести ряд шоссейных дорог и линий конки. Замыслы Мидхата получили горячую поддержку на словах, но не имели никакой денежной поддержки [15, д. 1327, лл. 7—8].

В течение месяца Мидхат-паша ознакомился с положением дел в вилайете, а затем направил в Стамбул своего личного секретаря Вассыф-эфенди с докладной запиской турецкому правительству о необходимости проведения в Сирии некоторых реформ. Реформы эти должны были затронуть налоговую систему, суды и жандармерию [там же, л. 36]. Согласно полученным в столице инструкциям, Мидхату было разрешено создать Дамасский санджак во главе с мутесаррифом, чтобы освободить губернатора от излишнего количества текущих дел; реорганизовать жандармский корпус в целях лучшего обеспечения безопасности; улучшить организацию судов посредством проведения новых выборов и увеличения жалованья судебным чиновникам за счет изменения налоговой системы; отстранить от должности и отослать в Стамбул замешанных в злоупотреблениях чиновников [15, д. 1327, лл. 53—55].

Упоминавшаяся в инструкциях реформа налоговой системы предполагала, по-видимому, повсеместное введение откупной системы взимания налогов. Откуп Мидхат-паша считал более выгодным для казны и необходимым, чтобы изыскать средства для увеличения жалованья турецким чиновникам [15, д. 1328, л. 154].

Оценивая общее положение дел в Сирии, в одной из своих записок турецкому правительству Мидхат-паша писал, что в вилайете можно собрать лишь половину налогов, что ашар совершенно истощил страну, что наборы в армию проводятся слишком часто. Он отмечал крайнее обесценение бумажных денег каиме [45, с. 164—165]. Особой критике в записке подверглось сирийское чиновничество. Мидхат писал, что за редким исключением оно старается удовлетворить лишь свои собственные интересы, не заботясь о благополучии людей, находящихся под его управлением [там же].

В той же записке Мидхат-паша отмечал полную беспомощность судебной системы вилайета: преступления по большей части остаются нераскрытыми, а невиновные подвергаются наказаниям, как правило, без всякого суда и следствия [там же]. Мидхат-паша писал также, что европейские государства заинтересованы в сохранении состояния дезорганизации в вилайете, желая извлечь из этого свои политические выводы, то есть желая вмешиваться во внутренние дела империи под предлогом улучшения положения населения Сирии [там же].

В своих воспоминаниях Мидхат-паша писал, что тяжелое положение вилайета усугублялось крайней невежественностью мусульманского населения, уровень образования которого составлял резкий контраст с уровнем образования немусульман, имевших возможность получать образование в школах, построенных в Сирии иностранцами [32, с. 208].

Как уже говорилось, начало работы Мидхата в Сирийском вилайете ознаменовалось его попыткой обеспечить общественную безопасность провинции. Он несколько увеличил численность жандармерии и повысил жалованье жандармам [15, д. 1327, л. 36]. Из нового контингента заптиев (жандармов) была составлена и городская полиция [там же, л. 54].

Борясь с турецким чиновничеством в Сирии, Мидхат-паша совершал частые и длительные инспекционные по-

ездки в различные районы вилайета, тщательно расследуя деятельность местных властей. Однако очень часто Мидхат-паша не мог доказать виновности отличавшихся особенными злоупотреблениями чиновников, так как они имели влиятельную поддержку в лице местной феодальной знати или высшего чиновничества в Дамаске [137, с. 358], а потому, по верному наблюдению русского консула в Бейруте, смещению подвергались в большинстве случаев чиновники низшего ранга [15, д. 1327, лл. 76, 248].

По требованию Мидхата Порты дала разрешение на проведение в Сирийском вилайете судебной реформы. Были преобразованы кассационные суды в центре вилайета Дамаске и в санджаках. Они были разделены на две палаты — гражданскую под председательством кадия и уголовную под председательством назначаемого Портой или губернатором судебного чиновника. К апелляционному суду вилайета был прикреплен генеральный прокурор; прокуроры были прикреплены и к судам санджаков и каза [там же, л. 212]. Мидхат-паша на деле пытался осуществить в Сирии принцип несменяемости судей. Кроме того, он получил разрешение повысить жалование судебным чиновникам [там же, л. 278].

С целью улучшить финансовое положение вилайета Мидхат-паша предпринял попытку вывести из обращения обесцененные бумажные деньги — каиме.

Несмотря на неудачу, которая постигла его в Бейруте, Мидхат уже в первые месяцы своего правления в Сирии сумел таки изыскать необходимые средства и приступил к дорожному строительству. Сразу после приезда из Стамбула Вассыф-эфенди, который, по-видимому, привез соответствующее решение, началось топографическое исследование местности между Бейрутом и Дамаском, где должна была пройти задуманная Мидхатом железная дорога.

В Триполи Мидхат-паша ознакомил местных предпринимателей со своим планом создания линии конки между городом и морским портом. И это был единственный из предложенных Мидхатом проектов конки, который был полностью осуществлен. Для строительства ее была создана акционерная компания, членом которой стал сам Мидхат. Все необходимое оборудование было закуплено в Англии. Конка в скором времени оказалась

весьма прибыльной для всех держателей акций [32, с. 211—212].

За сравнительно небольшой срок пребывания Мидхата в Сирии по его инициативе были построены шоссейные дороги между Триполи и Хомсом, между Дамаском и Катифе на линии Дамаск — Алеппо. Со стороны Сайды было начато строительство дороги в сторону Дамаска, но оно не было завершено. Строительство всех дорог велось исключительно силами сирийского населения, как когда-то это делалось в Дунайском вилайете [32, с. 210—211].

Преобразования, проводившиеся Мидхат-пашой, ставили своей целью укрепление турецкого господства в этой провинции. И дорожное строительство, и борьба со злоупотреблениями турецких чиновников, и попытки улучшить судебную систему вилайета — все это, по мысли Мидхата, должно было привлечь симпатии сирийского населения к турецким властям. Однако преобразования эти не могли разрешить острых социально-экономических проблем в этой части Османской империи.

Мероприятия Мидхата в Сирии, в частности дорожное строительство, отвечали главным образом интересам сирийской компрадорской буржуазии, заинтересованной в улучшении условий вывоза экспортной сельскохозяйственной продукции из глубинных районов страны. В дорожном строительстве Мидхат-паша был, по-видимому, заинтересован и лично. По некоторым сведениям, за короткий срок своего пребывания на посту губернатора Сирийского вилайета он стал владельцем нескольких, очевидно текстильных, предприятий в Дамаске и Бейруте [там же, с. 225]. Деятельность Мидхата, направленная на стимулирование экономической жизни Сирии, привела к тому, что, как отмечал русский консул в Бейруте К. Д. Петкевич, число паровых шелкопрядильных фабрик в провинции «значительно увеличилось» [24, с. 104].

Дорожное строительство Мидхата снискало ему популярность среди сирийских торговцев и предпринимателей. Во время поездки по Сирии английского посла в Османской империи Лэйарда они просили последнего приложить все силы и использовать все влияние для того, чтобы Мидхат остался в Сирии и ему были даны более широкие полномочия. В Бейруте местные дельцы

информировали посла, что в случае смещения Мидхата с поста сирийского губернатора чувство недовольства турецкой администрацией может проявиться в крайне серьезной форме [140, с. 20]. И хотя мероприятия Мидхат-паши отвечали в основном интересам капиталистических элементов населения Сирии, нельзя говорить, что они не принесли никакого улучшения и более широким массам населения.

В Сирии, как в свое время в Ираке, Мидхат-паша добивался предоставления ему военной власти. Поводом к этому послужило случившееся во время его губернаторства вооруженное столкновение между друзьями и маронитами Хаурана, для подавления которого и наказания виновных, по мнению Мидхата, необходимо было применить военную силу. Однако Абдул Хамид противился расширению власти Мидхата в отдаленной османской провинции.

Требование Мидхат-паши расширить круг его полномочий в Сирии с самого начала вызывало опасения султана. Уже с первых дней пребывания Мидхата на посту сирийского губернатора он был окружен султанскими шпионами [32, с. 218—219]. Это было связано, в частности, с тем, что именно тогда Абдул Хамид задумал организовать судебный процесс над людьми, свергнувшими султана Абдул Азиза и принимавшими участие в провозглашении конституции.

После поездки по Сирии английского посла Лэйарда сеть шпионов вокруг Мидхата еще увеличилась. Причиной этому была попытка Мидхат-паши использовать помощь посла для «радикального изменения» своего положения — добиться военной власти в Сирии и закрепить ее за собой на пять лет. Он также просил Лэйарда оказать давление на султана, чтобы добиться возвращения в Турцию всех политических ссыльных [15, д. 1327, лл. 349—350].

Подозрительность Абдул Хамида в отношении Мидхата имела своим основанием также то, что в Сирии начали распространяться листовки, содержавшие критику турецкой административной системы вилайета и призывы к борьбе за автономию Сирии [15, д. 1328, лл. 139—140]. К тому же Мидхат-паша, который не мог не знать о существовании этих листовок, не предпринимал никаких мер, чтобы найти их авторов. Более того,

он не препятствовал появлению в сирийских газетах статей почти аналогичного содержания [там же, лл. 162—163]. Следствием всего этого было решение Абдул Хамида удалить Мидхата из Сирии. В августе 1880 г. Мидхат-паша был назначен губернатором Айдынского вилайета с административным центром в Измире.

На набережной Измира, куда Мидхат-паша прибыл на борту парохода «Иззедин», его встречали видные горожане, составлявшие, по словам русского консула в Измире, «партию недовольных» в городе [15, д. 2466, л. 87].

Измир — торговый город — был в то время охвачен волной бандитизма. Грабежи в городе и в других районах провинции приносили зажиточной части населения большой материальный ущерб. Поэтому по своему прибытии Мидхат прежде всего реорганизовал провинциальную жандармерию и создал в Измире корпус полиции [там же, лл. 108—110].

Русский консул в Измире писал, что благодаря этим мерам общественная безопасность была восстановлена [15, д. 2467, л. 3].

В Измире Мидхат-паша продолжил реформу начальной школы, которая была начата его предшественником Хамди-пашой. По словам Мидхата, был наведен порядок как в начальных школах, так и в ремесленном училище [32, с. 228]. По инициативе Мидхат-паши в Измире начало создаваться акционерное общество для строительства конки. Началось строительство шоссейной дороги от Измира до Урлы [там же, с. 228—229].

Между тем враждебная кампания, начатая против Мидхата еще в бытность его губернатором Сирии, получила в Стамбуле все больший размах. Летом 1879 г. в столичной газете «Терджуман-и хакикат» («Толкователь истины»), официозе, редактировавшемся Ахмедом Мидхатом [57, с. 213], появилась статья, в которой в крайне неблагоприятном свете была представлена роль Мидхат-паши в событиях последних лет в Турции [15, д. 1327, л. 210]. Эта статья положила начало той травле, которая систематически велась стамбульскими газетами в 1880 и 1881 гг. и направлялась дворцом.

Внутриполитические события в Турции во многом объясняли причины, вызвавшие ожесточенные нападки

не только на Мидхат-пашу, «отца» первой турецкой конституции, но и на всех тех, кто в свое время участвовал в низложении султана Абдул Азиза и составил либеральную оппозицию в стране, целью которой являлись реформы во всех областях государственного управления.

Турецкая палата депутатов второго созыва, работавшая в условиях военного времени, оказалась столь же нежелательной Абдул Хамиду, как и первая. На заседаниях парламента прозвучала критика турецкого правительства, явившаяся следствием поражений турецкой армии и ухудшения экономического положения страны. В палате шли дебаты по поводу руководства военными действиями, злоупотреблений в административном управлении, судопроизводстве, по поводу невыполнения существующих законов, препятствий, чинимых султанскими чиновниками на пути частного предпринимательства [74, с. 138—141]. В результате султан вынужден был дважды сменить кабинет министров.

Критика, звучавшая с трибуны палаты депутатов, пугала Абдул Хамида, как пугала также перспектива неизбежного столкновения с парламентом по вопросу о заключении мирного договора с Россией, тяжелые условия которого он не мог не предвидеть. Эти опасения усугублялись и ростом недовольства среди населения столицы. В январе 1878 г. на стенах домов Стамбула появились листовки с угрозами в адрес султана и правительства [там же, с. 138—144]. 14 февраля 1878 г., по указу султана, палата депутатов была досрочно распущена без указания срока нового созыва.

Собственно, первый этап антиконституционной борьбы Абдул Хамида был уже закончен с изгнанием 5 февраля 1877 г. лидера конституционалистов Мидхат-паши и последующим изгнанием лидеров «новых османов». Уже тогда на правительственные посты были назначены откровенные противники реформ.

С роспуском палаты депутатов начался второй этап антиконституционной кампании Абдул Хамида, который не мог чувствовать себя спокойно пока в столице находились депутаты распущенной палаты, оппозиционные настроения которых могли иметь нежелательное воздействие на население столицы. 18 февраля 1878 г. 11 депутатов были выдворены из столицы полицией. Часть других была арестована [77, с. 81].

Однако, несмотря на репрессии, с оппозиционными настроениями в Стамбуле, как показали последующие события, покончено не было.

Попытка дворцового переворота 20 мая 1878 г., о которой речь шла выше, а вскоре раскрытие заговора Клеанти Скальери, ставившего также своей целью возвращение престола низложенному султану Мураду, еще более усилили репрессии против участников конституционного движения. Уже в апреле 1878 г., т. е. незадолго до попытки дворцового переворота, организованного Али Суави, Абдул Хамид поставил своей целью расправиться с людьми, участвовавшими в свержении Абдул Азиза, и лишить Мурада всякой возможности вновь занять престол. Он издал указ о проведении расследования, в задачу которого входило выяснение имен военных и степень их участия в свержении Абдул Азиза. В течение года султану было представлено три списка лиц, участвовавших в свержении, с указанием постов, какие они занимали [42, с. 158]. Именно к этому периоду следует отнести, по-видимому, появление у Абдул Хамида плана проведения судебного процесса над лицами, участвовавшими в свержении Абдул Азиза, в числе которых едва ли не первое место отводилось Мидхат-паше.

В то время, когда возвращенный на родину Мидхат-паша приступил к исполнению обязанностей губернатора Сирии, Абдул Хамид занимался расследованием вопроса о том, кому было поручено нести охрану дворца Ферийе, где содержался низложенный Абдул Азиз. Так было возбуждено дело об убийстве Абдул Азиза, сведения о котором стали проникать в столичную печать. Некоторые из приближенных Абдул Хамида, особенно чутко улавливающие его настроения, составили докладную записку на имя султана с целью убедить его в том, что Абдул Азиз, по всей вероятности, был убит [там же, с. 161—162]. И во дворце Йылдыз началось расследование, в результате которого в убийстве Абдул Азиза обвинили четырех человек, назначенных в свое время для его охраны: Пехливана Мустафу, Хаджи Мехмеда, Джезайрли Мустафу и Фахри-бея, остававшегося секретарем Абдул Азиза и после его свержения. Из тех же, кто играл видную роль в дворцовом перевороте 30 мая 1876 г., многих обвинили в соучастии в убийстве. Среди

последних были Мехмед Рюшту-паша, Мидхат-паша, Дамад Нури-паша, Дамад Махмуд-паша и бывший шейхуль-ислам Хайруллах-эфенди [там же, с. 163]. Одновременно во дворце шло составление версии убийства, согласно которой приказ об убийстве был отдан султаном Мурадом и его матерью через доверенное лицо — Сейид-бея Дамаду Махмуд-паше и Дамаду Нури-паше, в свою очередь якобы отдавших соответствующие распоряжения Пехливану Мустафе, Хаджи Мехмеду и Джезаирли Мустафе. Согласно этой версии, о плане убийства был извещен и Фахри-бей, который провел во дворец Ферийе названных лиц. Утверждалось, что именно эти лица и совершили убийство, вскрыв ножом вены на руках Абдул Азиза [там же, с. 168].

Первое, что обращает на себя внимание в этой версии, это имена высокопоставленных обвиняемых, в той или иной степени принимавших участие в свержении Абдул Азиза. Это наводит на мысль, что одной из главных целей готовившейся судебной расправы, было стремление Абдул Хамида полностью обезопасить себя от возможности новых дворцовых заговоров и окончательно укрепить свою власть, за прочность которой у него были основания опасаться. Тот факт, что в число обвиняемых вошел и Мидхат-паша, свидетельствует о том, что немаловажное место в замыслах Абдул Хамида отводилось задаче полной дискредитации политического лидера конституционного движения в условиях возможности постепенного возвращения его к активной государственной деятельности.

Версия убийства была составлена на основании показаний слуг Абдул Азиза, один из которых, Рейхан-ага, после нескольких предварительных допросов дал показания, которых от него, по всей вероятности, добивались. Согласно этим показаниям, он и еще двое слуг имели возможность наблюдать сам акт убийства. Вместе с тем другой слуга Абдул Азиза, находившийся при нем едва ли не до последнего мгновения, Арзынияз Калфа, настаивал на версии самоубийства, отрицая, что кто-либо входил в комнату низложенного султана [там же, с. 168—169].

Несмотря на их явную противоречивость, версия об убийстве была создана и на основании показаний дворцовых слуг, в том числе на показании нескольких при-

служниц. Весной 1881 г. было решено приступить к официальным допросам обвиняемых. Однако есть основания утверждать, что на этой стадии подготовки судебного процесса Абдул Хамид испытывал еще некоторые колебания относительно того, начинать ли его или нет. Об этом свидетельствует тот факт, что один из допрашивавших Пехливана Мустафу представил султану записку, в которой весьма осторожно заявлял, что, если необходимо толковать вопрос о смерти Абдул Азиза как об убийстве, было бы крайне желательно провести допросы Фахри-бея и Эдхем-эфенди. Таким образом, как справедливо замечает турецкий историк Узунчаршылы, Абдул Хамиду вверялось решение вопроса об убийстве или самоубийстве Абдул Азиза [там же, с 175—176]. И султан пожелал учинить судебную расправу над людьми, принявшими участие в заговоре против Абдул Азиза.

Не признававшегося в убийстве Пехливана Мустафу подвергли пыткам, продолжавшимся в течение шести дней. В результате 19 апреля 1881 г. он сделал признание, которого от него требовали, заявив, что он, Джезаирли Мустафа и Мехмед-ага получили от Дамада Махмуд-паши приказ убить Абдул Азиза, а также аналогичные инструкции от Дамада Нури-паши [там же, с. 179].

За допросами Пехливана Мустафы последовали допросы Хаджи Мехмеда, который, как и Пехливан Мустафа, сначала отрицал свою вину, но после пыток подтвердил показания последнего, сказав также, что после убийства выпрыгнул из окна комнаты Абдул Азиза [там же, с. 180—181]. Один лишь Джезаирли Мустафа, которого допрашивали 20 и 22 апреля 1881 г., и под пытками продолжал отрицать свою вину.

Четвертый обвиняемый — Фахри-бей, личный секретарь Абдул Азиза, находившийся при нем до самой его смерти, решительно отрицал обвинение и утверждал, что в момент смерти султана при нем не могли находиться ни Рейхан-ага, ни Несип-ага, являвшиеся главными свидетелями обвинения. Мать Абдул Азиза показала, что в момент смерти сына Фахри-бей находился в ее комнате. Часть допросов секретаря велась в присутствии султана; при этом обвиняемого били [45, с. 197; 42, с. 187].

Дамад Нури-паша, женатый на сестре Мурада, и Дамид Махмуд-паша, бывший в особой немилости у Абдул

Хамида из-за доноса, согласно которому участвовал в заговоре против него [42, с. 193], также находились под следствием. Они отрицали свое участие в убийстве Абдул Азиза. От них члены следственной комиссии требовали не столько признания в том, что они отдали распоряжение об убийстве, сколько показания, кто именно отдал приказ. И если Нури-паша, поверив обещаниям о помиловании в случае признания, по существу признал себя виновным, заявив на допросах, что вверяет свою судьбу милости султана, то Махмуд-паша упорно отрицал свою вину, несмотря на все обещания султана.

Допросам подверглись также несколько военных, несших охрану дворца Ферийе и султана, а также второй секретарь Мурада — Сейид-бей. Из числа первых к делу были привлечены Неджип-бей и Али-бей, которых обвинили в грубом обращении с Абдул Азизом, а также в соучастии в убийстве — якобы они несли караул у дверей комнаты Абдул Азиза, когда того убивали [там же, с. 197]. Несмотря на то что их показания представляются очень важными, содержание их остается неизвестным. Что касается Сейид-бея, имевшего большое влияние на султана Мурада, но лишившегося всех должностей с воцарением Абдул Хамида, то он объявил, что Абдул Азиз был убит [там же, с. 198—199].

Одновременно с допросами перечисленных лиц шел допрос матери султана Абдул Азиза — Валиде султан. Вопросы, поставленные перед ней, были лично сформулированы Абдул Хамидом. Ответы же на них можно трактовать двояко, так как Валиде султан одновременно и защищала Фахри-бея, и заявляла, что у Абдул Азиза было предчувствие, что его могут убить. Под конец Валиде султан, по-видимому так и не решившись занять определенную позицию в вопросе о смерти своего сына, попыталась уйти от какой бы то ни было ответственности, заявив, что ничего не видела и ничего не знает, так как дважды (незадолго до и вскоре после смерти Абдул Азиза) находилась без сознания [там же, с. 201—204].

Независимо от того, имело ли место убийство или самоубийство низложенного султана Абдул Азиза, предварительное расследование дела в том виде, в каком оно велось Абдул Хамидом и его доверенными лицами, приводит к мысли о том, что, во-первых, оно проводилось с плохо замаскированной политической целью, во-

вторых — в условиях грубого нажима на обвиняемых, которых еще до суда по существу объявили виновными, и, в-третьих, с очевидностью нарушало принцип независимой судебной власти от гражданской.

Мидхат-паша, занимавший в это время пост айдын-ского губернатора, был хорошо осведомлен о подготовке судебного процесса по делу об убийстве Абдул Азиза. В письмах из Стамбула сообщалось о работе следственной комиссии, в которую входили ставший министром внутренних дел Махмуд Недим-паша, шейхуль-ислам Арьянизаде-эфенди, министр юстиции Ахмед Джездет-паша и другие [34, с. 67—68]. Известия эти не могли не волновать Мидхата, хотя фактически его имя не фигурировало в числе обвиняемых. По словам Ахмеда Джездета, Мидхат-паша и Рюштю-паша «находились под подозрением». В официальной версии определенное место отводилось и Мидхат-паше как члену комиссии министров и сановников при султанах Мураде, куда кроме Мидхата входили также Нури-паша и Махмуд-паша. Мидхат ясно представлял себе, что готовившийся судебный процесс имел своей целью окончательный разгром «существующей оппозиционной партии» [34, с. 64]. и компрометацию низложенного Мурада, все еще представлявшего для Абдул Хамида реальную опасность. Мидхат понимал, что происходящее — логическое продолжение процесса, начавшегося значительно раньше, когда были сосланы многие деятели оппозиции, распущена палата депутатов и фактически приостановлено действие конституции [32, с. 215—216].

Многочисленные друзья Мидхата из числа европейцев, предлагали ему бежать морем в Европу, однако Мидхат-паша отказывался сделать это. Сам он в своих воспоминаниях писал, что просто не верил в то, что Абдул Хамид всерьез готовил над ним судебную расправу, так как, по его словам, это «порочило честь государства», на что не согласился бы, по его мнению, ни один монарх. Подобные иллюзии Мидхата хитроумно поддерживались царствующим султаном, который в официальной форме выразил одобрение деятельности айдын-ского губернатора в связи с успешной ликвидацией им последствий землетрясения на о. Хиос [34, с. 69].

28 мая 1881 г. дал свои показания один из врачей, осматривавших тело Абдул Азиза, — Марко-паша. Он за-

явил, что видел, как в день убийства из окна комнаты низложенного султана выпрыгнул человек. Через час после этого к нему явился якобы один из адъютантов Мурада и заявил, что министры требуют, чтобы он, а также другие врачи подтвердили самоубийство Абдул Азиза. В связи с этим он отправился во дворец Ферийе, где находились Мехмед Рюштю, Хюсейн Авни и Мидхат. Первый из них заявил Марко-паше, что Абдул Азиз вскрыл себе вены ножницами. Затем Марко-пашу и других собравшихся врачей отвели в помещение, где лежало тело покойного и где Марко-паша успел осмотреть только видимые раны, так как ему стало плохо. Через некоторое время (по прибытии других врачей) Марко предложил якобы министрам тщательно осмотреть тело покойного, однако в этом ему было отказано. Мехмед Рюштю-паша, Авни-паша и Мидхат-паша отдали распоряжение как можно скорее составить медицинское заключение о самоубийстве в связи с необходимостью скорого погребения тела Абдул Азиза [103а, с. 206].

Как известно, составленное врачами медицинское заключение устанавливало, что смерть Абдул Азиза наступила в результате самоубийства. Однако, как это видно из показаний Марко-паши, заключение это было составлено под прямым нажимом министров, в числе которых был и Мидхат-паша.

В результате предварительного расследования, установившего факт убийства Абдул Азиза, султан Абдул Хамид передал право решения вопроса о виновности Мурада, который обвинялся в издании приказа об убийстве, особой комиссии. В ее состав вошли шейхуль-ислам Арьяни-заде, министр внутренних дел Махмуд Недим, заведующий отделом реформ Государственного совета Махмуд Джелаледдин и другие. На экстренном заседании комиссии было принято решение об аресте бывшего султана Мурада V [там же, с. 209].

Несмотря на то что подготовка судебного процесса вступила в свою завершающую стадию, Абдул Хамид выказывал признаки колебания. Об этом свидетельствует тот факт, что, несмотря на принятое особой комиссией решение начать суд над убийцами Абдул Азиза (Абдул Хамид пытался, по-видимому, снять с себя личную ответственность за готовящуюся судебную расправу), султан и на этот раз не наложил на решение комиссии

свою окончательную резолюцию. Он предложил еще раз заслушать показания всех обвиняемых и только после этого издал указ об аресте Мидхат-паши и Рюштю-паши и о судебном процессе [там же, с. 211—213].

В мае 1881 г. в Измир тайно прибыл один из адъютантов султана майор Хюсни-бей, который поселился в отеле и поддерживал телеграфную связь с дворцом. В ночь на 16 мая Хюсни-бей направился в казармы. Об этом стало известно Мидхат-паше.

Дом Мидхата, согласно приказу Абдул Хамида, должен был быть окружен ночью солдатами. Предвидя это, Мидхат-паша выскользнул через заднюю калитку сада на соседнюю улицу, в экипаже отправился прямо во французское консульство и попросил там убежища [33, с. 72—73]. В это время дом его был окружен солдатами, и от слуги добились признания, что губернатор находится во французском консульстве. После грубого обыска дома солдаты, возглавляемые Хюсни-беем и комендантом города Хильми-пашой, отправились к консульству, где Хильми-паша предъявил консулу приказ об аресте Мидхат-паши. Однако консул заявил, что последний находится под коллективным покровительством иностранных консулов Измира и пробудет в консульстве до получения распоряжений от соответствующих посольств в Стамбуле. В связи с отказом французского консула выдать Мидхата властям и для предотвращения его побега под контроль военных были поставлены все пароходы, отправлявшиеся из Измира [43, с. 16, 19].

В этой ситуации Ахмед Джевдет-паша, министр юстиции, отправил в Измир по телеграфу приказ, предписывавший Мидхату сдаться властям, однако тот отказался сделать это, заявив, что отправится в Стамбул только под иностранным покровительством [103а, с. 210].

Последующие события показали, что Мидхат-паша переоценил возможности дипломатического давления на султана. К тому же внешнеполитические обстоятельства не благоприятствовали этому. Именно в это время Франция, готовившаяся к захвату Туниса, как никогда была заинтересована в благосклонности Абдул Хамида, поэтому французский посол, получивший инструкции своего правительства [там же, с. 211], пошел навстречу официальному заявлению турецкого правительства, требовавшего выдачи Мидхата.

Мидхат-паша успел, однако, за время своего пребывания в консульстве добиться от министра юстиции Ахмеда Джевет-паши гарантий того, что в случае сдачи его в руки властей, суд над ним будет публичным, а приговор вынесен по всем законам турецкого правосудия [17, д. 862, лл. 11—12]. Только после этого, хотя у него и не было иного выхода, 19 мая 1881 г. Мидхат-паша сдался властям и был препровожден в казармы Измира [43, с. 27].

Через день в Измир прибыл пароход, на борту которого находились члены следственной комиссии и новый губернатор Измира Али-паша, личный враг Мидхата¹. Любопытно, что в составе прибывших находился также брат небезызвестного черкеса Хасана, в свое время убившего на квартире Мидхата двух министров и намеревавшегося убить и самого Мидхат-пашу. Как видно, султан Абдул Хамид имел явное намерение окружить Мидхата в ходе подготовки судебного процесса лицами, питавшими к нему вражду.

Более всего следственную комиссию интересовал вопрос о бегстве Мидхата во французское консульство. Смысл ответа Мидхата заключался в том, что бегство в консульство явилось закономерным следствием той формы, в которую вылилось «приглашение» Мидхата явиться в суд. Ни в одной стране, объявил Мидхат, невозможно такое положение, при котором для вызова в суд обвиняемого использовались бы войска [33, с. 80].

На втором допросе, состоявшемся также на борту парохода, Мидхату были заданы вопросы о причинах, вызвавших свержение Абдул Азиза. Наконец, Мидхату было заявлено, что Абдул Азиз после свержения был убит по решению «комиссии», в состав которой входили Мехмед Рюштю-паша, Хусейн Авни-паша, Нури-паша, Махмуд-паша, Мидхат-паша и др. Более того, кандидатуры убийц, согласно объявленной версии, были предложены Мидхат-пашой второму секретарю султана Мурада, так как именно Мидхат-паша выбрал этих лиц в услужение низложенному и заточенному во дворце Ферийе султану Абдул Азизу [там же, с. 81]. Это об-

¹ В 1876 г. великий везир Мидхат-паша отклонил предложенную султаном на пост губернатора создаваемого Косовского вилайета кандидатуру Али-паши, в то время смещенного с поста генерал-губернатора Герцеговины.

винение было решительно отвергнуто Мидхатом. Он объяснил, что возражает против самого слова «комиссия», как против термина, обозначающего нечто противозаконное, в то время как «комиссия» при султани Мураде представляла собой не что иное, как совет министров, совместная деятельность которых, по словам Мидхата, вытекала из их функций. При этом Мидхат-паша отрицал правомерность привлечения его к «делу об убийстве» на основании столь шаткой улики.

Важно отметить, что в допросах, учиненных Мидхату, четко прослеживается еще один чисто политический момент. Следственную комиссию интересовал вопрос о том, что известно Мидхату об организованном Мурадом сразу после его воцарения торжественном приеме в одном из дворцов столицы. Суть вопроса состояла в том, что султан Мурад якобы подготовил, с согласия членов комиссии, план убийства своих братьев-принцев, который должен был осуществиться на празднике во дворце. На этот праздник в числе других был приглашен и Абдул Хамид, в то время принц. Но Абдул Хамид и другие приглашенные не явились во дворец. Целью Мурада, заявил Рагып-бей, ведущий допрос Мидхата, было физическое уничтожение османской династии и установление республики, президентом которой должен был стать один из министров, участвовавших в низложении Абдул Азиза.

Мидхат-паша заявил, что вопрос о празднике во дворце, как никакой другой, можно было бы назвать пирамидой лжи. Основной аргумент, которым он пользовался в своей защите в этом вопросе, был очень прост: если бы действительно существовал заговор Мурада с целью установления республики, то кем бы в республике был сам Мурад? [33, с. 94—95].

Еще одним свидетельством того, что процесс должен был носить чисто политический характер, явилось то, что большое внимание на допросах уделялось содержанию двух частных писем, посланных на имя Мидхата в Измир и найденных после его ареста новым измирским губернатором Али-пашой. В письмах содержалась критика внутренней и внешней политики государства, дворцовых интриг, действий премьер-министра. Кроме того, автор одного из писем писал, что надеется на улучшение существующего положения с возвращением в Стамбул

Мидхат-паши. В связи с этим Мидхата обвинили в подрывной деятельности против Османского государства и в личном стремлении к власти [33, с. 101—102].

По окончании допросов Мидхату и другим лицам, объявленным соучастниками преступления, был представлен обвинительный акт, в приложении к которому были определены меры наказания, в том числе смертная казнь для Мидхат-паши. Вынесение смертного приговора до суда являлось грубым нарушением уголовного кодекса Османской империи. Другим нарушением законности являлось то, что в обвинительном протоколе его составителями были внесены сведения, которые не были зафиксированы протоколами допросов обвиняемых и имели своим назначением усиление степени их виновности [там же, с. 120—121].

Показательно, что дворцовые слуги, якобы находившиеся при султানে Абдул Азизе в момент его убийства и на показаниях которых в огромной степени строилось все обвинение, были «прощены» Абдул Хамидом и к суду привлечены не были.

Судебный процесс над убийцами Абдул Азиза начался 27 июня 1881 г. в специально для этой цели сооруженном павильоне, в саду дворца Йылдыз, резиденции султана Абдул Хамида. В министерстве юстиции были напечатаны специальные пригласительные билеты, в которых указывалось имя и род занятий приглашенного. Когда речь шла об иностранном подданном, указывалась страна, которую он должен был представлять. В особой инструкции коменданту дворца Йылдыз особо указывалось на необходимость строгого контроля над приглашенными в суд и на принятие надлежащих мер в целях предотвращения возможных беспорядков около здания суда [42, с. 228].

Время судебного процесса держалось в строгой тайне вплоть до того момента, когда до суда оставалось несколько часов. Корреспондентам иностранных газет, допущенным на заседания и, как правило, плохо знавшим или совсем не знавшим турецкий язык, было запрещено пользоваться услугами переводчиков. Большая часть мест, предназначенных для публики, пустовала [45, с. 198; 33, с. 211]. Большинство присутствовавших составляли придворные султана Абдул Хамида. За креслом председателя суда Сурури-эфенди, кандидатура ко-

того была утверждена султаном (несмотря на протест Мидхата), находилось кресло, предназначенное для министра юстиции. Во время слушания дела он неоднократно давал указания членам суда [33, с. 210].

В первый день заседаний после оглашения обвинительного протокола были заслушаны показания Пехливана Мустафы. Они были подтверждены показаниями Хаджи Мехмеда и Джезаирли Мустафы, которые признались в совершении убийства, указав при этом, что орудием убийства послужил нож, полученный ими от Дамада Махмуд-паши. Они заявили также, что в убийстве принял участие Фахри-бей, адъютант Абдул Азиза.

Допрошенный затем Фахри-бей отверг возводимые против него обвинения и высказал свои наблюдения относительно поведения и умонастроения Абдул Азиза в дни, следовавшие за его низложением. Дамад Махмуд-паша, допрашивавшийся после Фахри-бея, также отверг версию убийства Абдул Азиза и показания «убийц». Только после этого в зал заседания был введен Мидхат-паша. Он хорошо владел собой и в начале своих показаний произнес короткую речь, в которой одобрил предпринятое Абдул Хамидом следствие [45, с. 192].

Суд сразу же отклонил просьбу Мидхата зачитать обвинительный акт с тем, чтобы он мог пункт за пунктом отвечать на вопросы. Мидхат-паша объявил суду, что считает ложью все, что написано в обвинительном акте, но согласился отвечать на вопросы суда. Вопросы эти в большей своей части касались причин и обстоятельств низложения султана Абдул Азиза и связанных с этим событий. На них Мидхат-паша ответил вполне удовлетворительно. Однако одна часть его ответов могла вызвать сомнения у судебных заседателей. На вопрос председательствующего, почему не было проведено тщательного расследования обстоятельств смерти Абдул Азиза, Мидхат-паша не смог ответить удовлетворительно, заявив, что в данном случае была допущена ошибка. Однако он обвинил в совершении этой ошибки и других сановников, являвшихся участниками событий, в частности министра юстиции Ахмеда Джевдет-пашу [33, с. 217—220]. Очевидно, понимая шаткость своих доводов в этом вопросе, Мидхат-паша заявил суду, что подобное расследование возможно, хотя и с большим опо-

зданием, ибо свидетели (жены Абдул Азиза, его слуги и евнухи, находившиеся во дворце Ферийе) могут дать свои показания на суде. Однако суд отклонил предложение Мидхата заслушать показания этих свидетелей [33, с. 221].

На суде был вновь поднят вопрос о бегстве Мидхата во французское консульство. Его обвинили в заранее подготовленном плане побега, но Мидхат-паша сумел доказать беспочвенность этих обвинений. Вместе с тем он заявил, что не верил в возможность ареста, иначе он действительно постарался бы спастись бегством [там же, с. 222—223].

Политические цели судебного процесса ярко проявились в вопросах, касавшихся личных знакомств Мидхата. Судьи обвинили его в ведении антигосударственной деятельности, выразившейся в том, что Мидхат-паша обсуждал с частными лицами вопросы государственного переустройства Османской империи. В связи с этим Мидхат-паша заявил суду, что желал бы отвечать лишь на вопросы, касающиеся непосредственно убийства Абдул Азиза. После этого заявления Мидхата был объявлен перерыв [там же, с. 226—227].

Уже на первом заседании суда выявились два грубых нарушения уголовного кодекса Османской империи. Мидхат-паше не разрешили вызвать в суд свидетелей, которых он требовал допросить. Кроме того, Мидхата не информировали о том, что происходило на заседании суда в его отсутствие.

Только после того как Мидхата вывели из помещения суда, был произведен опрос трех основных свидетелей обвинения — дворцовых слуг при покойном султানে, которые якобы были очевидцами убийства. Тогда же были допрошены и другие свидетели — одна из служанок гарема и человек, который заявил, что переносил тело Абдул Азиза после убийства и заметил на нем небольшую ранку в области сердца. На этом судебное заседание закончилось. Показания свидетелей защиты заслушаны не были [45, с. 192—193].

На втором заседании Мидхата вновь вызвали в суд лишь после допроса других обвиняемых. Вторичное выступление Мидхата на суде вылилось в обличительную речь не только против затеянного судебного процесса, но и против режима, который явился питательной сре-

дой для всех нарушений закона, которыми изобилует судебный процесс. Ответы Мидхата, носившие характер обвинения, вызвали негодование судей, которые объявили все сказанное Мидхатом его новым преступлением [33, с. 255]. Суд вновь отклонил требование Мидхата заслушать свидетельские показания людей, которые могли бы доказать его невиновность,— Валиде султан, жен и прислужниц Абдул Азиза, врачей, осматривавших его тело, офицеров и солдат, находившихся в карауле в день смерти низложенного султана [там же, с. 256]. Мидхат-паша и на этом заседании отрицал свою причастность к смерти Абдул Азиза. Он отверг обвинение в том, что издал приказ, санкционировавший убийство низложенного султана. В связи с этим он произнес небольшую речь с объяснением того, что в его понимании является приказом и законом. Он заявил, что после начала танзимата законом является только государственный закон и любое произвольное приказание, будь то приказание Махмуд-паши или даже султана, не может считаться законом [33, с. 263—264].

Мидхат-паша добился, однако, несмотря на сопротивление судей, чтобы один из обвиняемых в убийстве, Пехливан Мустафа, дал свои показания в присутствии самого Мидхата. Последнему удалось доказать существование несоответствий в его показаниях [там же, с. 227]. Однако суд игнорировал их. Подобным же образом суд отнесся и к другим слабым местам в показаниях подсудимых, отмеченных Мидхат-пашой.

В своих ответах суду Мидхат-паша пытался направить судебное разбирательство в русло «дела об убийстве», не затрагивая политических сторон задававшихся ему вопросов. Однако из поведения судей было совершенно очевидно, что привлечение его к суду связывалось прежде всего с политическими мотивами, о чем свидетельствовали предлагавшиеся ему вопросы. Политическая подоплека процесса проявилась также в свидетельских показаниях некоего Рифат-эфенди, в свое время входившего в состав турецкой администрации в Сирийском вилайете. Под присягой он заявил суду, что слышал разговор Мидхата с одним из сирийских журналистов. По словам Рифат-эфенди, Мидхат-паша заявил в разговоре, что ему удалось низложить султана Абдул Азиза и казнить его, однако он жалеет, что гото-

вившееся убийство принцев османской династии на упоминавшемся приеме во дворце не удалось [там же]. В связи с этими показаниями Мидхат-паша обвинил Рифата в лжесвидетельстве.

После показаний Рифат-эфенди Мидхат-паша отказался вести свою защиту, заявив, что все его показания были игнорированы судом, который, по его словам, уже вынес приговор.

Суд удалился в совещательную комнату, а затем был вынесен приговор, полностью соответствующий тому, который был определен обвинительным актом.

Пехливан Мустафа, Джезаирли Мустафа, Хаджи Мехмед и Фахри-бей были признаны виновными в преднамеренном убийстве, остальные, в том числе Мидхат-паша, в соучастии в убийстве. Вынесение окончательного приговора было отложено до следующего заседания суда [45, с. 194]. Решение суда вызвало протест остальных обвиняемых, которые заявили, что им так и не была предоставлена возможность ответить на выдвинутые против них обвинения. Просьба заслушать их показания была судом отклонена, а судебное заседание объявлено закрытым [33, с. 278].

Поведение Мидхата на суде, по свидетельству корреспондента английской газеты «Таймс», вызвало благоприятное впечатление у публики. По его словам, присутствующие на суде османские чиновники безуспешно старались скрыть свою симпатию к осужденным, и в частности к Мидхат-паше. Ответы Мидхата, по свидетельству того же корреспондента, доказывали полную несостоятельность доказательств виновности Мидхата, однако представлялось невероятным, чтобы ему был вынесен оправдательный приговор [45, с. 194—195].

Другой очевидец событий, сотрудник русского посольства в Стамбуле В. Н. Теплов, также отмечал слабые стороны проведенного судебного процесса. Он писал: «По отношению к Мидхат-паше суд поступил совсем несправедливо, отказав ему в совершенно законном требовании вызвать в суд свидетелей, которые могли бы доказать его невиновность».

Вообще, благодаря слабости, неумелости следствия, а также неспособности судей, Мидхату-паше, составлявшему центр, около которого сосредоточивался весь интерес процесса, удалось переставить роли, выступить об-

винителем своих собственных судей и тем привлечь к себе сочувствие как дипломатического корпуса в Константинополе, так и публики — местной и иностранной» [82, с. 81].

Суд приговорил Мидхата к смертной казни на основании 45-й и 170-й статей уголовного кодекса, предусматривавших казнь в случае соучастия в убийстве, которое, как было объявлено судом, было доказано [42, с. 307].

В прошедшие почти сто лет возникло немало вопросов по поводу «дела об убийстве Абдул Азиза». Те сведения, которые дают нам источники, имеющиеся в настоящий момент, недостаточны и противоречивы для того, чтобы дать окончательный ответ на вопрос об «убийстве» или «самоубийстве» Абдул Азиза. В данной связи уместно упомянуть статью турецкого историка Б. С. Байкала [100], в которой он решительно отстаивает версию «самоубийства», основываясь на материалах исследований, предпринятых в связи с этим другим турецким историком И. Х. Узунчаршылы. Как видно из статьи Б. С. Байкала, в пользу «самоубийства» говорит явная политическая направленность процесса. С этим трудно не согласиться, однако, на наш взгляд, материалы следствия, собранные Узунчаршылы, не в состоянии окончательно подтвердить или отвергнуть версию о «самоубийстве», а в связи с этим и о причастности Мидхат-паши к смерти султана Абдул Азиза.

Однако совершенно очевидно одно, что судебный процесс во дворце Йылдыз носил яркую политическую окраску и вопрос о виновности или невиновности Мидхат-паши не имел решительно никакого значения. Цель Абдул Хамида, затеявшего процесс, состояла в том, чтобы покончить с реформами, с конституцией, с либеральной оппозицией в стране, запугать османских подданных, представив лидера конституционалистов «цареубийцей», врагом османской династии, а отсюда и врагом ислама. Совершенно очевидно, что придворные карьеристы и султанские приспешники верно оценили позицию Абдул Хамида и поступали так, как этого от них требовали.

На процессе так и не было получено удовлетворительного ответа на два вопроса: имело ли место убийство Абдул Азиза и если да, действительно ли Мидхат-паша имел к нему какое-либо отношение; если же Мид-

хат-паша был соучастником убийства, достаточно ли убедительны были улики.

Выше мы уже коснулись первого вопроса. Что касается второго, то анализ одних лишь свидетельских показаний доказывает несостоятельность обвинений, выдвинутых против Мидхата.

На суде полностью отсутствовали показания, связывавшие его имя с заговором, который, возможно, имел место в отношении низложенного султана Абдул Азиза.

В версии главных свидетелей обвинения — дворцовых евнухов, явившихся, по их признанию, свидетелями убийства, — явно были слабые звенья. Им было бы трудно ответить на вопрос, так и не заданный судом, почему они не попытались помешать убийству и почему хранили молчание вплоть до судебного расследования, предпринятого Абдул Хамидом.

Весьма слабым кажется и свидетельское показание придворного медика Абдул Хамида Марко-паши, который заявил, что видел, как из комнаты Абдул Азиза в день убийства выпрыгнул какой-то человек, если учесть, что дом Марко-паши, откуда он мог наблюдать это, находился на противоположном берегу Босфора, а сам Марко-паша обладал весьма слабым зрением.

Судебный процесс в Йылдызе изобиловал грубыми нарушениями законности:

1) сам суд проходил в помещении султанского дворца;

2) обвиняемым отказали в праве защиты;

3) на судей оказывался плохо скрываемый нажим со стороны гражданской власти;

4) в обсуждении приговора участвовал не только министр юстиции Ахмед Джевдет-паша, но и многие султанские придворные.

Анализируя утверждения, обвинения и умозаключения, фигурировавшие на судебном процессе, можно сделать лишь один вывод: на суде во дворце Йылдыз судили не убийц Абдул Азиза, а политических врагов царствующего султана, опасавшегося за свою власть и желавшего навсегда разделаться с либеральной оппозицией в стране. Из изложенного выше очевидно, что султан и его окружение использовали все средства для того, чтобы подтасовать доказательства, запугать свидетелей и получить подтверждение угодной им версии.

После окончания суда из одиннадцати осужденных один лишь Мидхат-паша обратился в кассационный суд с просьбой обжаловать приговор. В своем прошении он писал, что, признавая возможность участия в убийстве Пехливана Мустафы и его сообщников, считает свое собственное соучастие в убийстве недоказанным. В связи с этим он протестовал против применения 45-й статьи уголовного кодекса при вынесении ему смертного приговора. Более того, учитывая то, что на судебном процессе были затронуты вопросы, касавшиеся его политических убеждений и так называемой антигосударственной деятельности, он просил провести новое судебное разбирательство над ним и Рюштю-пашой на высочайшем совете, куда бы вошли министры и другие сановники [42, с. 309].

Кассационный суд отклонил просьбу Мидхата и 8 июля 1881 г. утвердил приговор суда [там же, с. 309—310]. Однако Абдул Хамид колебался и не спешил приводить приговор в исполнение. Через своих слуг он послал Мидхату записку, в которой задавал единственный вопрос: когда началось безумие Мурада [33, с. 285]. Это ясно свидетельствует о том, что, хотя низложенный Мурад V был «прощен» и не сидел на скамье подсудимых, он представлялся Абдул Хамиду одним из главных политических врагов.

После утверждения приговора кассационным судом Дамад Махмуд-паша подал Абдул Хамиду прошение с просьбой смягчить приговор, сделав признание, что отдал распоряжение об убийстве Абдул Азиза по приказу Мурада. Этот приказ, по словам Махмуд-паши, Мурад отдал в присутствии военного министра Хусейна Авни-паши и своей матери [42, с. 312—313].

Нури-паша после нескольких прошений о помиловании, поданных на имя Абдул Хамида, в которых он отрицал свою вину, наконец, сделал «признание». Он заявил, что проводил во дворец Ферийе Пехливана Мустафу и его сообщников по приказу Решит-паши и описал враждебное отношение Мурада, его матери и Хюсейна Авни-паши к Абдул Азизу [там же, с. 313].

По некоторым сведениям, английский и итальянский послы в Стамбуле выразили свой протест против вынесенного приговора. Английский посол, получивший инструкцию из Лондона добиться смягчения наказания

Мидхат-паше, заявил султану, что в случае казни Мидхата могут быть нежелательные последствия [42, с. 330; 82, с. 82]. Что касается французского посольства, то оно не предприняло никаких шагов к тому, чтобы вмешаться в судьбу Мидхата. Это было связано с тем, что французское правительство было заинтересовано в тот момент в благожелательности Абдул Азиза, так как готовило военный захват Туниса.

Дипломатическое давление, однако, имело определенный эффект, так как для решения вопроса о справедливости приговора суда Абдул Хамид созвал большой совет улемов, а затем чрезвычайный совет из министров и военных под председательством Савфет-паши. Совет проводил свои заседания в течение трех дней, что свидетельствует о разногласиях, возникших при обсуждении вопроса о приговоре. Среди османских сановников нашлись люди, которые проголосовали против вынесенного приговора [45, с. 205—206].

Свое отрицательное отношение к приговору суда выразил шейхуль-ислам, который заявил, что никогда не поставил бы своей подписи под несправедливым приговором. Он отметил, что суд проводился в соответствии с новыми, светскими судебными законами, с которыми он плохо знаком. В связи с этим он предложил провести процесс вторично в соответствии с законами шариата. Более того, высказывая свое мнение, шейхуль-ислам заявил, что считает невозможным вынесение какого-либо решения по вопросу об убийстве Абдул Азиза на основании тех материалов, которыми располагал суд в Йылдыз Кёшке [там же, с. 207—208].

В ожидании решения своей участи Мидхат-паша составил устное послание султану Абдул Хамиду, которое было передано через одного из охранников Мидхата, являвшегося одновременно доверенным лицом султана. В своем послании Мидхат-паша отмечал, что, как показал суд, главным вопросом, который на нем обсуждался, был вопрос о низложении султана Абдул Азиза. Мидхат-паша заявил, что, по его мнению, судебный процесс был организован с единственной целью осуждения участников низложения султана, с тем чтобы напугать народ и предотвратить подобное в будущем. Мидхат-паша пытался напомнить Абдул Хамиду, какие причины лежали в основе дворцового переворота 30 мая

1876 г., в результате которого Абдул Азиз лишился трона. Абдул Азиз должен был быть низложен во имя спасения нации, что было признано вполне официально его преемниками. Если в этом акте было что-либо противозаконное, то следовало устроить специальное расследование этого вопроса, не примешивая к нему вопроса о причинах, повлекших за собой смерть Абдул Азиза. Судебная расправа, организованная во дворце Йылдыз, наносила, по мнению Мидхата, непоправимый ущерб чести нации, больший, чем если бы обвиняемым просто отрубили головы без суда и следствия [33, с. 288—290].

В ответе, переданном Мидхату от Абдул Хамида, было заявлено, что решение суда не является окончательным, а право помилования находится в руках царствующего султана [там же, с. 290].

Через три недели после вынесения смертного приговора Мидхат-паше было объявлено о смягчении наказания и о ссылке его в Таиф. 28 июля 1881 г. Мидхата и остальных заключенных препроводили на борт парохода «Изеддин» и отправили к месту ссылки [42, с. 333—334]. Несмотря на то что Мидхату объявили о разрешении отправиться в ссылку с семьей и слугами, разрешение это так и осталось на бумаге. Более того, ему запретили взять с собой даже необходимые личные вещи. Это принесло ему немало тягот во время проезда в Таиф. Охранники, приставленные на пароходе к обвиняемым, делали все, чтобы сделать условия их жизни невыносимыми [33, с. 301].

По приезде в Таиф ссыльных поместили в крепостную тюрьму. Шерифу города было передано распоряжение султана особенно строго следить за Мидхатом и Дамадом Махмуд-пашой из опасения их бегства в Европу. Возле дверей комнат, куда поместили осужденных, были поставлены вооруженные часовые. Любые передвижения заключенных должны были контролироваться охраной. Шериф Таифа Абдулмуталлиб, в свое время один из тех, кто считал низложение Абдул Азиза необходимым и в числе первых прибыл на коронацию Мурада, в дальнейшем выступил против участников низложения и при Абдул Хамиде получил назначение в Хиджаз. Он принял чрезвычайные меры для охраны узников, надеясь тем самым добиться благосклонности султана: за-

претил общение заключенных с офицерами охраны, поставил решетки на окнах камер. Воспользовавшись побегом нескольких осужденных, сосланных в Таифскую тюрьму несколько раньше, он отдал распоряжение надеть на ноги ссыльным кандалы (правда, распоряжение это не коснулось Мидхата, Махмуда Нури и Хайруллаха, переведенного в Таиф из другого места ссылки) [33, с. 306—310]. Охрана тюрьмы постоянно увеличивалась, в казармы Таифа привлекали новые воинские подразделения.

Ответственность за охрану таифских узников была возложена на Топала Осман-пашу, командующего войсками, расквартированными в Хиджазе. В 1882 г. он же был назначен губернатором Джидды. Условия жизни заключенных еще более ухудшились, когда Абдул Хамид назначил главнокомандующим воинскими частями в Таифе Омер-пашу [36, с. 39]. В это время заключенных пытались отравить, о чем Мидхат-паша написал семье в Измир. Жена Мидхата довела эти факты до сведения английского посла в Стамбуле. Посол сделал в связи с этим заявление турецкому правительству и поручил драгоману английского консульства в Джидде собрать сведения о состоянии здоровья Мидхата через шерифа Мекки. Абдул Хамид, узнав об этом, обвинил последнего в тайных сношениях с английской дипломатией с целью организации побега Мидхат-паши, сместил его с поста и бросил в тюрьму в Таифе [45, с. 224].

В это время, по-видимому, у Мидхата, отчаявшегося в возможности получения помощи для организации побега от Англии, созрел план добиться этого с помощью Франции. Об этом свидетельствует письмо помощника французского консула в Джидде де Лостало, в котором он просил у французского правительства инструкций относительно возможности подготовки побега Мидхата из тюрьмы. Франция, только что осуществившая захват Туниса и не заинтересованная в обострении отношений с Турцией, отказалась предпринять что-либо для освобождения Мидхата [36, с. 39—40]. Рвение тюремщиков с каждым днем усиливалось, так как меры их в отношении заключенных получали одобрение дворца.

Абдул Хамиду, вероятно, стало известно о попытках Мидхата совершить побег из таифской тюрьмы. В это время был подготовлен план физической расправы с Мидхатом и Дамадом Махмуд-пашой. Во дворце было

решено воспользоваться болезнью Мидхата (у него появились признаки опухоли).

В один из весенних дней 1884 г. Мидхата и Махмуд-пашу попытались лишить слуг. Одновременно в тюрьму прибыли новые воинские подразделения для охраны заключенных. Слуга Мидхата, которому предложили участвовать в убийстве хозяина, сумел его предупредить об этом. Мидхат-паша потребовал от своих охранников, чтобы ночью все узники находились в одной комнате. Однако все уже было предreshено. Не могло помочь и то, что при Мидхате находился его слуга. В полночь 7 мая 1884 г. Мидхат-паша, а также находившийся в соседней камере Дамад Махмуд-паша были задушены.

В официальном рапорте было объявлено, что смерть Мидхат-паши наступила в результате продолжительной болезни.

Физическая расправа над одним из лидеров конституционного движения в Турции явилась лишь одним из эпизодов начавшегося периода «зулюма», (деспотизма, насилия), одним из проявлений начавшейся агонии османского феодального абсолютизма, пытавшегося с помощью шпионажа, доносов и казней задушить любые ростки оппозиции в стране.

Однако независимо от воли султанско-феодальной реакции в Турции зрели силы, способные продолжать борьбу с одним из могучих оплотов феодализма — самодержавием. Дело Мидхат-паши и «новых османов» продолжили младотурки.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
АХМЕДА МИДХАТ-ПАШИ

Прежде чем приступить к общей характеристике общественно-политических взглядов Мидхата, следует отметить, что его государственная деятельность относится к большому временному отрезку, в течение которого Мидхат-паша прошел длинный путь от должности скромного канцелярского писаря до поста великого везира. Он был лично знаком с «патриархом» реформаторского движения в Турции Мустафой Решид-пашой, с Али-пашой, Фуад-пашой, «новыми османами», дипломатами, общественными и государственными деятелями европейских стран. Его связывали узы дружбы со многими турецкими прогрессивными деятелями, писателями и литераторами. Он был человеком выдающихся способностей, обладал разносторонними интересами, большой эрудицией и культурой.

Уже в начале своей деятельности Мидхат-паша имел возможность детально ознакомиться с административной машиной Османской империи, побывав в самых разных областях страны с инспекционными целями. Все это давало ему богатый материал для размышления о путях развития страны.

Начало его политической карьеры совпало по времени с началом периода истории Турции, известного под названием танзимата. В этой атмосфере реформ проходила служба Ахмеда Мидхата в турецких канцеляриях столицы. Будучи секретарем протокольного отдела Высшего юридического совета, он обратил на себя внимание Мустафы Решид-паши, который, мечтая о продолжении дела реформ, готовил себе достойных преемников и потому собирал вокруг себя талантливую молодежь, сочувствовавшую его взглядам. Впоследствии Мидхат-паша положительно оценивал эту деятельность турецкого реформатора периода танзимата [45, с. 139].

Уже сама по себе работа в Высшем юридическом совете, занимавшемся подготовкой законопроектов и юридических постановлений в духе реформ, втягивала Мидхата в круг интересов турецких реформаторов. Достаточно по тому времени образованный, способный к административной деятельности чиновник, Ахмед Мидхат, безусловно, выделялся в среде людей, окружавших Решид-пашу. И хотя мы не имеем никаких письменных свидетельств о взглядах Мидхата в тот период, можно с большой степенью точности говорить о том, что в то время Мидхат сочувствовал их деятельности. В противном случае трудно объяснить то покровительство и поддержку, которые оказывал Мидхату Мустафа Решид-паша.

Лидер турецкой реформации этого периода единственный путь спасения страны видел в том, чтобы ликвидировать средневековые институты в государственном устройстве Османской империи, гарантировать права личности и одновременно устранить предлог для иностранного вмешательства в дела государства [64, с. 68].

По-видимому, Мидхат принадлежал к еще немногочисленным в ту пору представителям османской бюрократии, которые проявляли интерес к капиталистическому предпринимательству и, располагая определенными средствами, были готовы вкладывать их в те или иные предприятия. Представляется, что таким путем формировался своеобразный социальный тип, которому суждено было стать в конкретно-исторических условиях Османской империи одним из элементов складывающейся прослойки турецкой национальной буржуазии.

Убеждение в необходимости проведения в Османской империи реформ значительно окрепло у Мидхата после его поездки в Европу. К сожалению, мы очень мало знаем об этом периоде жизни Мидхата. Известно лишь, что он посетил ряд европейских столиц (Париж, Лондон, Вена, Брюссель) для того, чтобы, по его словам, усовершенствовать знания французского языка. В своих воспоминаниях он писал, как «взглядом ученика смотрел на культурные достижения Европы и по возможности изучал причины этих достижений» [33, с. 13].

Контраст между тем, что увидел Мидхат в Европе, и тем, что видел в своей стране, поразил его и укрепил уверенность в необходимости в Турции активных реформ.

Это убеждение Мидхата отразилось в его деятельности в Болгарии, Ираке и Сирии.

Одну из основных причин слабости, отсталости, упадка Османской империи Мидхат-паша видел в том, что она «за неимением людей, способных признать превосходство осуществленного прогресса (в Европе.— *И. Ф.*) и заставить страну сделать шаг вперед, осталась неподвижной и ни в чем не изменила своих старых институтов, которые сами, следует сказать это, оказались в состоянии дезорганизации, так что изменение системы стало неизбежным». Мидхат-паша считал, что Османская империя постепенно приходила в упадок и становилась второстепенной державой потому, что турки, не реформировав своих государственных институтов, не смогли получить тех свобод, «под сенью которых росла и поднималась европейская цивилизация» [46, с. 11]. Мидхат писал, что в XVIII в. европейские государства добились прогресса в своем развитии, чего не смогла сделать Османская империя. Османские подданные «пребывали в состоянии невежества и бедности» [33, с. 2—3]. Фактором, усугублявшим, по мнению Мидхата, это положение, явилась исключительная пестрота населения государства в национальном и религиозном отношениях. При наличии разногласий между османскими подданными империя подвергалась опасности раздела. Именно она и вызвала, по мнению Мидхата, появление закона, получившего название «танзимат-и хайрийе» («благодетельная реформа»), автором которого явился Мустафа Рашид-паша [там же] (Мидхат-паша, по-видимому, имел в виду гюльханейский хатт-и шериф 1839 г.— *И. Ф.*).

Суть этого закона Мидхат-паша определял как обеспечение «равного и справедливого отношения к самым различным подданным государства», что должно было явиться началом проведения в Османской империи различных преобразований «перед лицом Европы» [там же, с. 2].

По мнению Мидхат-паши, все, что связано с областью управления государством, постепенно и неизбежно должно изменяться под влиянием событий. Он писал в своей докладной записке на имя султана Абдул Азиза: «Естественно, что дела и вопросы, связанные с любым принципом и любой областью государственного

управления, изменяются под влиянием событий, происходящих каждый день и каждый час. В частности, революции и открытия, которые происходят в наш век и удивляют умы, изменили и потребности нашего существования». В той же записке Мидхат писал, что постоянные изменения и появление все новых потребностей служили причиной издания султанских указов, которые определяли дальнейшие пути развития страны. А новые изменения диктовали необходимость изменить существующие законы и постановления [32, с. 364].

В этих рассуждениях Мидхата прослеживается тенденция рассматривать развитие права исторически. По его мнению, разнообразие законов и учреждений связано с определенной исторической обстановкой.

Решид-паша, Али-паша и Фуад-паша сознавали, по мнению Мидхата, эту историческую неизбежность и «успешно стремились одарить империю новыми институтами и покончить со злоупотреблениями старого режима». Усилия их, как утверждал Мидхат, были хотя и малоуспешными, но не бесплодными. В Османской империи за короткий промежуток времени произошли «счастливые изменения», правда неудовлетворительные в целом, как считал Мидхат-паша, во всяком случае прогресс других стран оказывался более быстрым [46, с. 12—13]. Таким образом, Мидхат-паша положительно оценивал результаты периода танзимата и деятельность турецких реформаторов, признавая вместе с тем недостаточность этой деятельности. Следовало бы отметить, что к оценке результатов танзиматских реформ Мидхат-паша подходил не столько с социальных, сколько с политических позиций. Во всяком случае социальные причины недостаточной эффективности танзиматских реформ были ему, по-видимому, неясны.

Тяжелое внутреннее положение и отсталость Турции Мидхат-паша связывал прежде всего с тем, что в стране не было личной свободы (хюрриет-и шахсийе), являющейся, по его словам, «основой цивилизации и процветания» [33, с. 2]. Он писал: «Существование и порядок (организованность) цивилизованного общества в любой стране, в любое время связаны со свободой личности этого общества. Нации и народы, которые основывают свое управление на этом принципе, добиваются состояния благоденствия» [там же, с. 14].

По словам Мидхат-паши, свобода есть некое «свойство и достоинство, которое дало человеку представление о том, что он человек, которое выделило человека из среды животных, которое довело его до степени совершенства» [там же, с. 9]. Он писал: «Творец даровал человечеству умственные способности, и человек управляет своими внутренними и внешними свойствами в соответствии со своей волей, а потому личная свобода есть то, когда человек в своих поступках и мыслях, не будучи ограниченным никакими препятствиями, пользуется этой природной способностью... в соответствии со степенью и положением, которые он занимает» [там же, с. 10].

Однако свобода эта не может быть, по мысли Мидхат-паши, беспредельной: «Человек с помощью разума и способности к познанию обладает свойством различать добро и зло, пользу и вред. Несмотря на это, поскольку в отличие от животной природы, которая является первичной, впечатления ума и рассудка более разнообразны, человек в процессе пользования своими правами свободы не свободен от того, чтобы превысить их. Для того чтобы избежать этого, права свободы и степень полномочий в любом веке и в любом человеческом обществе обеспечивались с помощью общего закона и тем самым охранялись» [там же].

Представления Мидхата о свободе навеяны политической доктриной Монтескье, который писал, что суть политической свободы состоит не в том, чтобы делать, что хочешь, а в том, чтобы делать то, что предписывают законы: «свобода есть право делать то, что дозволено законами».

Развивая свою мысль о значении свободы, Мидхат-паша писал: «Человек, приобретающий свободу, с одной стороны, ощущает величину и широту своих способностей и силы, а с другой — безопасность личности и прав свободы в рамках общего закона. В связи с этим его усердие и старание увеличиваются, и он, делая успехи в научном и практическом отношении, старается отличаться путем приобретения и расширения своих знаний, которые делают краше его обычаи и нравы, а также делают более полным его счастье. И, видя результаты своего усердия и трудов, он хочет, естественно, добиться еще большего» [33, с. 10].

Однако осуществление всего этого возможно при одном существенном условии, отмечает Мидхат,— при условии «порядка общественной организации», а потому каждый человек, живущий по правилам свободы, «прежде всего желает, естественно, счастья и порядка общественной организации, членом которой он является». При этом «свободный человек видит собственную пользу в пользе общества, он так же радуется благу и пользе своей родины и соотечественника, как своей собственной пользе, а потому,— замечает Мидхат,— такие похвальные моральные качества, как любовь к родине, ревностное отношение к интересам нации, патриотизм, героизм, взаимопонимание (членов одного общества.— *И. Ф.*) есть результат и следствие свойств и качеств, которые ведут свое начало от личной свободы» [там же, с. 10—11]. Былое величие и победы древних римлян и греков Мидхат-паша объясняет «патриотическим рвением и национальным патриотизмом, существовавшим благодаря свободе» [там же, с. 12]. Таким образом, в рассуждениях Мидхата о свободе личности, о ее значении для прогрессивного развития общества четко прослеживается влияние идей великого французского просветителя Монтескье. Отметим при этом, что Мидхат-паша прямо писал о том, что знаком с произведениями французского философа [там же, с. 11].

Пытаясь объяснить причины отсталости Османской империи по сравнению с европейскими странами, Мидхат-паша писал, что сплоченность и ревностное отношение к интересам родины, свойственные европейским народам, безопасность и процветание их стран — результат политических законов, основанных на принципах свободы и равенства. Но этот принцип не получил своего воплощения в Османской империи. По мнению Мидхата, «если бы принцип свободы и равенства был осуществлен, если бы мусульмане, как и немусульмане, стали обладателями равных гражданских и личных прав, если бы все, начиная с пастуха и кончая султаном, подчинялись общему закону, каждый знал бы степень своей свободы и полномочий. Если бы все это осуществлялось, чувства и взгляды обеих сторон (мусульман и немусульман.— *И. Ф.*) сосредоточились бы на общей пользе. Свобода каждого и каждой общины обеспечила бы свободу религиозных дел от каких бы то ни было по-

смягчительств, не осталось бы места для оппозиции, вражды и соперничества между различными группами населения. У них, естественно, возникло бы желание служить делу укрепления единства, благосостояния родины, увеличивать силу и мощь государства, подданными которого они являются». То есть получило бы осуществление все то, что «мы наблюдаем у цивилизованных наций» [там же, с. 13—14].

Таким образом, выдвигая идею политической свободы, Мидхат-паша связывал ее прежде всего с гражданской свободой, с обеспечением прав всем членам общества, независимо от их религиозной или социальной принадлежности. Обеспечение политической и гражданской свободы всем членам общества рассматривалось Мидхат-пашой как важнейшее условие разрешения национального вопроса и предотвращения распада и расчленения Османской империи. В этом отличие политических лозунгов свободы и равенства, выдвигавшихся Мидхат-пашой, от тех, которые выдвигали французские просветители. Идею равенства последние противопоставляли сословным привилегиям. И вместе с тем нельзя не отметить, что в Турции лозунги свободы и равенства были объективно направлены против идеологии османского феодально-клерикального общества.

Отсталость Османской империи Мидхат-паша связывал также с недостатками ее системы образования и темнотой и невежественностью масс. Он писал: «В то время как прогресс Европы, вызывающий удивление мира, является результатом законов и образования, отсталость народа нашей страны проистекает из недостатков системы образования» [32, с. 144—145].

Как уже неоднократно отмечалось, Мидхат-паша считал совершенно необходимыми мероприятия, которые способствовали бы росту образованности среди широких масс населения как мусульманского, так и немусульманского. Он отмечал слабое развитие школ турецких по сравнению со школами нетурецких народов империи, а потому считал необходимым увеличение ассигнований на развитие народного образования турок, ратовал за содействие самого турецкого населения делу образования, ставя в пример христиан [там же, с. 146]. И вместе с тем Мидхат-паша отрицательно относился к образованию женщин, считая вполне достаточным для них на-

чальное образование и обучение ремеслам. Впрочем, в то время даже такое скромное пожелание было прогрессивным.

Говоря об отношении Мидхата к развитию образования в Османской империи, нельзя не отметить и его интерес к развитию печатного дела. Созданные Мидхат-пашой газеты и книги, издававшиеся в его типографиях, были призваны, по мысли Мидхата, служить источником распространения знаний среди народа.

Таким образом, в просвещении Мидхат-паша видел важнейший инструмент прогрессивного социального развития страны, и в этом также нельзя не заметить влияния идей французского просвещения, связывающего социальное зло, в частности, с отсутствием просвещения и невежеством.

Несмотря на то что Мидхат-паша признавал отсталость и общий упадок своего государства и высоко оценивал уровень цивилизации европейских стран, он не был человеком, слепо поклонявшимся западной культуре. С сожалением называя Османскую империю антиподом Европы [97, с. 334], Мидхат-паша вовсе не признавал последнюю эталоном для слепого подражания, отрицательно относясь к некоторым аспектам европейской цивилизации. Он критически отзывался о некоторых нравах, обычаях, законах и в определенный период своей жизни — о парламентах европейских стран [26, с. 59], ратовал за сохранение национального своеобразия своей страны, ее традиций и некоторых институтов. Мидхат-паша в достаточной мере ознакомился с жизнью Европы, чтобы понять, по его собственным словам, что в ней, несмотря на всю ее цивилизацию, царят алчность, обман, грабеж и насилие [там же]. Мидхат признавал за Европой высокий уровень знаний, но отмечал при этом, что она, «просвещая ум, в то же время разрушает нравственность: чистоту нравов и религию» [там же, с. 61]. Таким образом, он по-своему критиковал социальную систему капиталистических стран Европы, причем важно отметить, что, выступая в ряде случаев за преобразование государственных институтов по образцу европейских стран, Мидхат предупреждал, что новые принципы не могут сразу прижиться на турецкой почве, ибо в европейских странах они развиваются уже достаточно долго [32, с. 367]. Мидхат-паша отмечал также, что пере-

несение на турецкую почву европейских институтов при недостатке образованных и достаточно компетентных кадров можно сравнить с тем, как если бы в страну привезли из Европы замечательную машину, производящую прекрасные ткани, и заставили бы ее работать, когда нет ни рабочего, умеющего с ней обращаться, ни инструментов, необходимых для того, чтобы запустить ее в работу [там же]. Отмечая общее превосходство Европы по сравнению с Турцией, Мидхат-паша вместе с тем высоко оценивал исторический вклад восточных народов в развитие мировой культуры.

Большое место уделял Мидхат-паша критике государственной системы и политики султанского правительства, считая их причиной того состояния кризиса и дезорганизации, в которых оказалась Османская империя.

Оценивая положение Османской империи в последние годы правления султана Абдул Азиза, Мидхат-паша отмечал, что реформы, провозглашенные в период танзимата, плохо проводились в жизнь. То же, что было сделано в интересах прогресса, было погублено [там же, с. 323].

Подвергая критике финансовые мероприятия великого везира Махмуда Недим-паши, Мидхат-паша писал, что он не учитывал «расходов и трат государства» и того «вреда, какой могут принести злоупотребления в области государственного достояния», при нем не думали о том, «с помощью каких средств будет осуществлено повышение доходов» [там же, с. 138]. Мидхат говорил, что уменьшение жалованья чиновникам, предпринятое турецким правительством в целях экономии, ввергает их в нищету и «вынуждает обкрадывать правительство или население, для того чтобы иметь возможность как-то жить» [15, д. 1328, л. 154].

Называя финансовую политику «душой государственного управления» [32, с. 325], Мидхат-паша выступил за разумную налоговую политику. Он вполне сознавал, что тяжелейший налог ашар истощает страну, в особенности если он взимается с помощью откупщиков [45, с. 165]. Откуп налогов Мидхат-паша всегда осуждал, но вместе с тем считал невозможным в своей непосредственной практике в османских провинциях отменить откупную систему сразу. Для того чтобы уничтожить ее и «заменить более разумной системой,— говорил он,— следу-

ет действовать постепенно, понемногу подготавливая страну и людей» [15, д. 1328, л. 154]. Дело в том, что Мидхат считал крайне невыгодным для казны сбор налогов с помощью особых чиновников правительства [там же].

Деятельность самого Мидхата не облегчила налогового бремени трудящихся, так как он стремился, как было показано, выжать из налогоплательщиков все возможное, добываясь высоких поступлений в казну, чтобы в какой-то мере способствовать разрешению финансового кризиса государства. Кроме того, следует учесть, что деятельность Мидхата в вилайетах не получала почти никакой финансовой поддержки правительства, в связи с чем он в ряде случаев был вынужден самостоятельно изыскивать средства для финансирования мероприятий, направленных на развитие производительных сил турецкого общества. Так конкретные обстоятельства порой создавали откровенное противоречие между теоретическими выкладками и практическими действиями Мидхата.

Выступая выразителем интересов буржуазного развития Турции, Мидхат-паша ратовал за развитие турецкой экономики. Он писал: «Османская империя является тем местом, где производится сырье для выделывания полотна, ситца, сукна, бумаги, а именно: хлопок, шерсть, кожа... Рабочая сила в Османской империи самая дешевая в Европе... В Османской империи есть очень много людей, которые в состоянии приложить капитал в торговле и имеющих желание делать это... Почему же в Османской империи не появится человек или общество, которые взялись бы производить все, как в Европе? Почему мы должны покупать у Европы такие простые вещи, как спички и фески?» [33, с. 17—18]. Мидхат-паша отвечал на этот вопрос так: «Все это объясняется отсутствием свободы личности. Нет закона, который гарантировал бы права населения. Правда, у нас есть законы, есть суд, советы, однако нет того, что гарантировало бы их существование. Беззаконные акты вполне возможны. Нет той силы, которая была бы способна защитить созданное человеком и обществом. Все это в любой момент может быть уничтожено» [там же, с. 18].

Итак, Мидхат-паша видел в Османской империи такую форму правления, при которой даже существующие законы не имели никакого реального значения, ибо не

было институтов, которые бы их обеспечивали. Следуя идеям Монтескье, Мидхат-паша видел в политической свободе необходимое условие для развития экономики, промышленности и торговли. В этой связи уместно также вспомнить слова Энгельса, отмечавшего, что «...турецкое, как и любое другое восточное господство, несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности» [8, с. 33].

Фактором, препятствовавшим развитию в стране промышленности, Мидхат-паша считал также «слишком высокие ссудные проценты», сожалел, что «в стране нет банков, которые облегчали бы торговые операции, как это делается в Европе» [33, с. 18]. Созданные Мидхат-пашой сельскохозяйственные кредитные кассы сыграли определенную роль в развитии банковского дела в Турции.

Мидхат-паша видел, как уже говорилось, необходимость в подготовке квалифицированной рабочей силы для промышленности. Достаточно вспомнить созданные им ремесленные училища, в которых обучали различным рабочим профессиям.

Мидхат возражал против мнения некоторых турецких государственных деятелей, считавших необходимым развитие турецкой экономики исключительно за счет государства. Он писал, радуя за развитие в Османской империи частного предпринимательства: «В Европе ни одно общепольное мероприятие не проводится за счет государства, все делается за счет капиталов и усилиями самого населения». Необходимым условием такого положения Мидхат-паша считал опять же «личную и гражданскую свободу для народа» и законы, гарантирующие их [там же].

Стремлением обеспечить необходимые условия для буржуазного развития страны объяснялась и критика Мидхатом турецкой администрации. Он говорил об «отсутствии умения у тех, кому поручено управлять» государственным организмом [45, с. 139]. Особенно критиковал Мидхат-паша провинциальную администрацию. Он считал, что эта администрация «по заведенному в

Турции порядку, разрушала все то полезное, что делалось ее предшественниками» [32, с. 145]. Мидхат критиковал злоупотребления и вымогательства турецких чиновников, которые, по его словам, «за редким исключением, стараются удовлетворить лишь собственные интересы и не заботятся о благополучии людей, вверенных их управлению» [45, с. 164]. Все это создавало, как считал Мидхат, то состояние дезорганизации, которое так охотно использовалось европейскими державами в своих политических интересах. Мидхат-паша писал, что если подобные беспорядки не будут ликвидированы правительством, «великие державы под предлогом проведения реформ захотят передать в руки иностранных чиновников администрацию анатолийских вилайетов» [там же, с. 165].

Забываясь о поднятии благосостояния Османской империи и о выделении ее из финансового кризиса, Мидхат-паша был вынужден в ряде случаев приветствовать заключение новых займов у Европы [32, с. 146]. Но при этом он отдавал себе отчет в том, что эти займы несут в себе опасность усиления политического влияния европейских государств. Борьба за влияние между европейскими державами, по его мнению, угрожала независимости и целостности османского государства [там же, с. 147—148].

Мидхат-паша считал вместе с тем необходимым привлечение в страну иностранного капитала, что объяснялось не только слабостью турецкой буржуазии, но и отсутствием необходимых условий для свободной предпринимательской деятельности турецкой, в первую очередь инонациональной, буржуазии, в чем отдавал себе отчет Мидхат.

Мидхат-паша, активно способствуя строительству дорог в Османской империи, тем не менее противился кабальным условиям, навязываемым иностранными капиталистами при заключении концессионных соглашений. Об этом свидетельствует его активная борьба против предоставления высоких километрических гарантий известному дельцу барону Гиршу, строившему железные дороги в Румелии.

Понимал Мидхат-паша и губительное воздействие конкуренции иностранных товаров на развитие слабой еще промышленности Турции [60, с. 235].

Одним из важнейших вопросов, который сыграл огромную роль в эволюции общественно-политических взглядов Мидхата и которому он уделял особое внимание, был национальный вопрос, а также тесно связанный с ним вопрос о провинциальном управлении Османской империи.

Перед лицом роста национально-освободительного движения Мидхат-паша искал средства к разрешению этой серьезнейшей для страны проблемы. Мидхату приходилось признавать, что местное население провинций имело основание жаловаться на свое положение. Между мусульманами и немусульманами существовала рознь, причину которой Мидхат-паша видел отнюдь не в религиозных противоречиях. Они являлись следствием недостатков, которые существовали, по мнению Мидхат-паши, «в области управления политическими и гражданскими делами» [33, с. 12—13]. Однако, как считал Мидхат, турецкое, или мусульманское, население провинций в не меньшей степени подвергалось произволу государственной власти. Он писал, что «мусульмане испытывали те же страдания и страстно желали улучшения существующего положения» [46, с. 13].

Считая положение мусульман и немусульман одинаково тяжелым в условиях султанского режима, Мидхат-паша, более того, говорил об экономическом гнете, которому подвергались турки со стороны немусульман [26, с. 60]. Последнее утверждение было связано с тем, что торговцы, ростовщики и владельцы мелких предприятий, как правило, были в Османской империи тех лет армянами, греками или евреями. Мидхат-паша писал о них как о «бессовестных эксплуататорах». Эта резкая эмоциональная реакция Мидхата отражала прежде всего тот факт, что в сфере экономики немусульмане имели действительно более прочные позиции, чем мусульмане.

Оценивая положение немусульманских подданных Османской империи, Мидхат-паша писал, что они опередили мусульман в своем развитии благодаря нескольким факторам: сохранению самостоятельных религиозных общин, посредством которых они защищали свои интересы; помощи и покровительству иностранных держав; неучастию в военной службе, в результате чего немусульмане не несли никаких материальных потерь; со-

зданию широкой сети школ в рамках своих религиозных общин. Все это, по его мнению, способствовало прогрессу их «силы, богатства и образования» [26, с. 7—9].

Действительно, в европейских провинциях Османской империи, где большинство населения было немусульманским (христианским), уровень экономического и культурного развития был несколько выше, чем в азиатских провинциях страны. Уже в XVIII в. на Балканах начали складываться элементы капиталистических отношений. В Греции, Сербии и Болгарии значительного развития достигла торговая и сельская буржуазия. С конца XVIII в. на Балканах в текстильном и металлообрабатывающем производстве появились мануфактуры. Усилившиеся торговые связи с Европой способствовали росту торговой, компрадорской, буржуазии, особенно в портовых городах.

Одновременно с развитием на Балканах элементов капиталистических отношений там шел процесс национальной консолидации народов. Росту национального самосознания способствовало появление книг по отечественной истории и литературе.

Мидхат-паша считал, что ислам, как религия, якобы покоящаяся на принципах «равенства и демократии» [там же, с. 7], «свободы», присущей ей изначально [33, с. 12], предоставил нетурецким народам возможность свободного развития в рамках государства, созданного турками в средние века. Он писал, что «все религии во все времена пользовались в Турции безопасностью, а также полной свободой как в отправлении своих культов, так и в обеспечении интересов своих общин» [46, с. 8], причем «мусульманская религия предусматривала правосудие» [там же]. Именно веротерпимость и правосудие, утверждал Мидхат, привлекали на сторону турок покоренные народы и завоевывали расположение еще не покоренных в процессе завоевания. «Таково было сияние справедливости!» — восклицает Мидхат-паша [там же, с. 7—8]. Он ставил в заслугу туркам-мусульманам, что они якобы вовсе не принуждали христиан принимать ислам. Однако известны и другие его слова. Во время конституционной борьбы Мидхат заявлял, что турки допустили большую ошибку, не обратив в ислам немусульманских подданных султана [117, с. 4]. По видимому, Мидхат-паша считал, что это позволило бы

империи избежать впоследствии острых социальных проблем.

Рост национально-освободительной борьбы Мидхат-паша объяснял, в частности, тем, что провозглашенные реформы 1856 г. не проводились в жизнь «из-за частых смен правительства, разногласий во взглядах, беспорядков и трудностей внутри страны» [33, с. 4]. Он считал также, что недовольство христиан своим положением подогревалось в политических целях Россией, которая стремилась к господству в районе Балканского полуострова. Именно Россия, как считал Мидхат-паша, провоцировала выступления христиан, бывших, по его мнению, слепым орудием ее политических притязаний [46, с. 15—19]. На самом деле национально-освободительная борьба народов Балкан не столько инспирировалась Россией, сколько активизировалась в результате роста их национального самосознания, с одной стороны, и социального и национального произвола турецких властей — с другой.

Исходя из целей ликвидации национально-освободительной борьбы, Мидхат-паша призывал турецкое правительство дифференцированно подходить к управлению каждым вилайетом, учитывая присущие им потребности, нравы, обычаи и традиции. «То, что приносит пользу в Брусе и Адрианополе, — писал он, — может принести вред в Алеппо, Дамаске и Багдаде» [32, с. 364]. Он был противником излишне централизованной системы управления вилайетами и говорил, что в Турции «совершают большую ошибку, желая применить одни и те же законы и установления применительно к провинциям, которые отличаются друг от друга географическим, экономическим и социальным положением, национальным составом и религией...» [15, д. 1328, л. 153].

Мидхат-паша видел опасность для турецкого режима в усилении иностранного влияния в османских провинциях, где европейцы строили свои школы, госпитали, благотворительные учреждения [45, с. 164]. Дезорганизация внутреннего управления Османской империи, по мнению Мидхата, была на руку державам, которые в тот или иной момент выступали с требованием реформ, осуществление которых не раз угрожало Османской империи потерей политической самостоятельности. Из этих рассуждений Мидхата, естественно, вытекал вывод о не-

обходимости серьезных реформ в деле управления и устройства провинций, реформ, которые проводились бы по инициативе турецкого правительства.

Невозможно дать однозначный ответ на вопрос о прогрессивности или реакционности взглядов Мидхата по национальным проблемам страны. Главное их содержание состоит в стремлении сохранить империю, прибегнув к реформам, которые предотвратили бы (или ослабили) национально-освободительное движение нетурецких народов. Политика его была прогрессивной, поскольку прогрессивное значение имели сами реформы, предназначенные для всех народов империи, но борьба против национально-освободительного движения и те политические акции, которые преследовали лишь эту цель, были реакционны.

Важное место в системе общественно-политических взглядов Мидхат-паши занимает политическая доктрина «османизма», теснейшим образом связанная с проблемой национально-освободительного движения нетурецких народов Османской империи. Уже в Болгарии, находясь на посту генерал-губернатора Дунайского вилайета, Мидхат-паша пытался практически осуществить основные принципы доктрины «османизма», предусматривавшей создание в Османской империи единой «османской нации», члены которой, независимо от их вероисповедания или национальной принадлежности, должны получить равные права и иметь равные обязанности как подданные одного государства. Впоследствии, вероятно под влиянием идей «новых османов», Мидхат-паша обратил свое внимание на теоретическое обоснование доктрины.

Мидхат-паша писал, что «все жители страны, мусульмане и немусульмане, являясь сынами одной и той же страны, имеют нечто общее, а именно: они подчинены одному монарху, они являются общими участниками всего, что приносит пользу государству, они обладают общими человеческими правами». Мидхат мечтал о том времени, когда затихнет «вражда и соперничество между различными группами населения», когда у них «возникнет желание служить делу укрепления единства и благосостояния родины...» [33, с. 13—14]. Он писал также: «Все подданные независимо от их религии называются османами. Все должны охранять и взаимно ува-

жать свободу, безопасность и права каждого» [130, с. 152].

Религиозные взгляды Мидхата укрепляли его веру в возможность создания единой «османской нации». Являясь членом ордена мевлеви [43, с. 53; 74, с. 85—86], проповедовавшего идею равенства представителей различных вероисповеданий, Мидхат-паша говорил тем, кто не признавал за христианами равных прав с мусульманами, ссылаясь на авторитет Корана: «Вы читаете Коран, не понимая его. Не поклоняемся ли мы одному и тому же Богу? Какое имеет значение, что одни приписывают свойства пророка Мухаммеду, а другие признают их исключительно за Иисусом Христом! Это вопросы формальные, которые никоим образом не затрагивают великого принципа, т. е. общей веры в одного и того же Бога!» [130, с. 152—153]. Идея равенства представителей разных вероисповеданий, проповедовавшаяся орденом, оказалась наиболее близкой Мидхату и получила новое содержание в условиях борьбы с феодально-клерикальной реакцией¹.

Подобные взгляды Мидхат-паши должны были подкрепить сформулированную в 60—70-е годы XIX в. доктрину «османизма», основное содержание которой определялось (лидерами «новых османов» и Мидхат-пашой) как идея равенства и единства всех народов Османской империи в пределах «общей родины».

В своей политической борьбе Мидхат пользовался знаменем ислама. Он искал себе поддержку среди религиозно настроенных масс, что диктовало и соответствующую форму пропаганды. Своеобразной иллюстрацией к этому может служить следующий факт. В разгар конституционной борьбы Мидхат-паша, вынужденный вести

¹ Можно высказать предположение, что Мидхат-паша предвидел то время, когда религия утратит свою решающую роль в жизни общества. Это убеждение Мидхата определенно сформировалось под влиянием идей Монтескье, который критиковал теологию и церковь, но отводил религии определенную роль в поддержании общественной нравственности.

Мидхат-паша высказывал и мысль о том, что «нет государственной религии применительно к бытию государства» [114, с. 69]. Таким образом, он, видимо, был первым в Турции сторонником принципа лаицизма (признания светского характера государства). Более того, ему приписывают слова: «Через 40—50 лет люди не будут строить церквей, а будут строить только школы» [120, с. 145].

пропаганду среди софт, чтобы добиться их поддержки, повсеместно заявлял, что видел во сне Пророка, который поручил ему заботиться о судьбах нации [16, д. 29, л. 36]. И такая агитация в то время имела несомненный успех.

Одновременно Мидхат-паша жаловался на то, что религиозный фанатизм стоит на пути его политической борьбы за реформы [16, д. 33, л. 637]. Английский посол в Османской империи Генри Эллиот сообщал в своем донесении в Лондон по случаю назначения Мидхата великим везиром, что Мидхат-паша не любит «старую мусульманскую партию» [45, с. 96], имея в виду, конечно, не только религиозный фанатизм, но и оппозицию реформам.

И все же главной политической причиной, определяющим фактором, который заставлял Мидхата добиваться реальных прав для всех османских подданных в рамках единой «османской нации», были рост национально-освободительного движения и усиливающееся вмешательство европейских держав во внутренние дела империи. Это убеждало Мидхата в необходимости дать немусульманам те права, отсутствие которых служило постоянным поводом для вмешательства великих держав.

Разрешение национального вопроса, от которого во многом зависела дальнейшая судьба империи, Мидхат-паша связывал с созданием конституционного строя, который бы открыл новую эру «вечного процветания всех османских подданных» [там же, с. 14].

Убеждение в необходимости изменить саму систему государственного управления заставило Мидхата перейти из лагеря умеренных реформаторов, считавших возможным продолжение танзиматских реформ, в лагерь конституционалистов, считавших невозможным проведение каких бы то ни было реформ в условиях сохранения абсолютизма и видевших необходимость во введении в стране конституции. Ядро этой группировки составляли «новые османы».

В среде правящей турецкой верхушки радикальные взгляды Мидхата не находили поддержки. Конституционные идеи, проповедовавшиеся «новыми османами», были неприемлемы для представителей феодально-клерикальной реакции, которая видела в них угрозу своей власти в стране.

По-видимому, под влиянием «новых османов» Мидхат-паша еще в бытность свою дунайским генерал-губернатором составил проект конституции [32, с. 170], и, как уже указывалось, пытался произвести в 1873 г. конституционный переворот. После этого Мидхат-паша, казалось бы, отказался от своих конституционных идей, с открытой пропагандой которых он снова выступил лишь в конце 1875 г. Объясняется это, по всей вероятности, сознанием слабости либерально-радикальной группировки, которая не смогла обеспечить в 1873 г. поддержки умеренных реформаторов, и вовсе не бывших конституционалистами, но только временно солидаризовавшихся с Мидхатом на общей платформе недовольства политикой султана Абдул Азиза.

Оставаясь убежденным сторонником сохранения власти султана, Мидхат-паша стремился к ограничению ее, так как личный произвол султана, его нежелание считаться с мнением министров приводило, по убеждению Мидхата, к полному расстройству внутреннего и внешнего положения государства. Мидхат-паша обвинял султана Абдул Азиза в нежелании связывать себя рамками каких бы то ни было законов [32, с. 137], но он все не приписывал стремления к абсолютизму и деспотизму любому представителю монархической власти, не критиковал институт султанской власти вообще. Он верил в разумного монарха и положительно оценивал государственную деятельность того же султана Абдул Азиза на первых порах его царствования, отмечая, что государственные дела в Османской империи начали приходить в упадок только из-за непонятного изменения характера султана [там же, с. 150]. Мидхату казалось, что вредные для интересов государства действия монархов вообще происходили из-за того, что правда, как говорил он, всегда «последней входила во дворец» [45, с. 152]. Главной задачей правительства Мидхат считал обеспечение интересов народа: «единственное, что строго соответствует интересам правительства, это интерес самого народа» [15, д. 21826, л. 86]. Считая министров «попечителями счастья и благополучия государства» [32, с. 323], он требовал от них того, чтобы они смело высказывали свое мнение монарху, заботясь лишь о благе и благополучии народа. «Сколько несчастий удалось бы избежать в этом низменном мире, если бы в нем было

побольше людей, способных говорить всю правду своему монарху»,— говорил Мидхат [45, с. 139]. По его мнению, говорить султану правду означало истинный акт лояльности, а скрывать ее — акт прямой измены [там же, с. 149].

Критика абсолютистской власти султана и действий турецкого правительства получила со временем в системе взглядов Мидхата свое завершение в логически естественном выводе о необходимости ограничить власть султана и сделать министров ответственными за свои действия с помощью конституции и палаты депутатов.

До начала восстаний на Балканах Мидхат-паша открыто не выступал с пропагандой конституционных идей, и это послужило основой для обвинения его в том, что призывы к введению в стране конституции были вызваны исключительно конъюнктурными соображениями. Таково было почти единодушное мнение европейских, особенно русских, обозревателей. Однако это мнение далеко от истины.

В 1874 и 1875 гг. Мидхат-паша не занимал сколько-нибудь важных постов в турецком правительстве, вел жизнь частного лица, и потому деятельность и взгляды его в эти годы были мало известны европейским обозревателям. Между тем именно в эти годы, перед балканскими восстаниями, Мидхат-паша вел активную политическую жизнь. В его доме не раз собирались недовольные султаном Абдул Азизом и его правительством лица из среды правящей верхушки, собирались люди, которые поддерживали Мидхата в его оппозиционных взглядах.

Открыто заговорил Мидхат-паша о конституции лишь в сентябре 1875 г., как отмечалось выше, лишний раз убедившись в неспособности правительства покончить с восстаниями на Балканах и разрешить внутривосточный кризис.

Представляется, что Мидхат-паша выдвинул весьма умеренную программу, которая предусматривала установление некоторого контроля над султаном и его министрами со стороны национального собрания, в частности в финансовых делах [45, с. 45]. Учитывая крайнюю политическую слабость группировки конституционалистов в тот период, Мидхат-паша следовал, по его словам, идеям Монтескье, заявляя, что переход к кон-

ституционному правлению есть дело трудное и длительное. По мнению Мидхата, монарх пользующийся в стране абсолютной властью, может лишь очень постепенно идти на ограничение своей власти. При этом Мидхат-паша считал, что в развитии этого процесса могут быть периоды, когда побеждают антиконституционные течения [там же, с. 139].

В правительственных кругах конституционные взгляды Мидхата поддерживались, пожалуй, лишь одним человеком — Халилем Шериф-пашой, который открыто заявлял в апреле 1876 г., что видит спасение страны только в конституции. Только она, по его мнению, может дать Турции консультативную ассамблею. Эта ассамблея должна быть выборной и заниматься вопросами только налоговой политики и государственного бюджета, не обладая законодательными функциями. Перед этой палатой должны быть ответственные все министры. Вместе с тем ни вопросы войны и мира, ни какие-либо другие вопросы не должны были, по мнению Шерифа, входить в компетенцию нового государственного выборного органа [16, д. 28, л. 238]. Эта позиция, изложенная русскому послу в Стамбуле Н. П. Игнатьеву, соответствовала позиции Мидхата, как это отмечал посол.

Конституция и парламент (палата депутатов), как считал Мидхат-паша, должны были обеспечить в Османской империи такие социально-экономические условия, при которых могли бы учитываться интересы всех народов, населяющих Османскую империю, могло стать возможным их процветание и благополучие [46, с. 28—29]. Это обеспечение интересов всех османских подданных должно было осуществляться, по мысли Мидхата, через равное представительство в палате депутатов мусульман и немусульман. В результате европейская часть Османской империи будет представлена большинством депутатов-христиан, а азиатская — депутатов-мусульман [16, д. 29, л. 38].

Конституционный план Мидхата сводился, по существу, к предоставлению членам палаты депутатов, как мусульманам, так и немусульманам, права вносить и обсуждать проекты законов, контролировать финансы страны, определять размеры податей и способы их взимания [30, с. 328]. Эти требования содержались в первом проекте конституции, составленном Мидхатом. Как

уже отмечалось, проект этот был в значительной мере изменен в процессе обсуждения, и права палаты депутатов были сведены к обсуждению законопроектов, внесенных правительством. Однако Мидхат-паша предполагал впоследствии такое развитие конституционно-монархического режима, при котором законодательная власть перешла бы к парламенту. Заметим при этом, что Мидхат-паша, как отмечал Леузон, всегда выступал против ускоренных реформ в государстве, не оправданных ходом развития самого государства [130, с. 51].

Мидхат-пашу обвиняли в том, что он вынашивал республиканские идеи. В своих воспоминаниях он отвергает подобные обвинения [32, с. 196; 120, с. 44]. Однако известно, что Мидхат-паша проявлял некоторый интерес к республиканским идеям [33, с. 97]. В частности, он обсуждал республиканскую форму правления в своей переписке с Гамбеттой, известным французским республиканцем [там же].

Создание палаты депутатов в рамках конституционной монархии Мидхат-паша считал важнейшим фактором возрождения Османской империи и разрешения всех внутренних и внешнеполитических трудностей [73, с. 121].

Задачи борьбы с самодержавием, по убеждению Мидхата, могли быть решены в ходе деятельности палаты депутатов, поэтому он так торопился с провозглашением конституции и созданием палаты депутатов.

Конституционные взгляды Мидхата не следует рассматривать в отрыве от конституционных идей «новых османов», той общественно-политической группировки, которая первой в Турции заговорила о ликвидации в стране абсолютизма. Как отмечалось выше, в начале деятельности «новых османов» Мидхат-паша, хотя и проявлял интерес к их идеям, но никогда не примыкал к их организации, поэтому лидером «новых османов» Мидхата можно назвать условно. Мидхат-паша был лидером конституционной борьбы в Османской империи в 1876 г., но никогда не был политическим лидером «новых османов». Убедившись в невозможности изменить что-либо в положении страны с помощью отдельных реформ, Мидхат-паша поддержал конституционные планы «новых османов», так как сам пришел к тем же политическим выводам, что и они. Провозглашение в стране

конституции и создание палаты депутатов, представляющей все национальности Османской империи, должно было, по глубокому убеждению Мидхата, создать все условия для развития «материальных богатств» страны и позволило бы ей занять достойное место в Европе [117, с. 27]. Таким образом, в конституции и парламенте Мидхат видел то единственное средство, которое могло разрешить внутренние и внешнеполитические проблемы страны.

Мидхат-паша являлся защитником целостности Османской империи и боролся против вмешательства иностранных государств в дела страны. Однако его действия в этом вопросе не всегда отличались последовательностью. Непоследовательность позиции Мидхата в отношении иностранного вмешательства во внутренние дела Османской империи выразилась, в частности, в том, что он готов был сделать европейские державы гарантами в осуществлении турецкой конституции.

Важно отметить, что в своей борьбе за устранение иностранного вмешательства во внутренние дела империи Мидхат-паша всегда рассчитывал на противоречия, существовавшие между державами. Он всегда выступал сторонником тесных политических контактов Османской империи с Англией, верил в «дружеские чувства» английских политиков, видел в английской политике противовес политическим притязаниям России. Лишь после войны 1877—1878 гг., когда Англия не оказала той военной и политической помощи Османской империи, на которую он так рассчитывал, Мидхат-паша разочаровался в дружественных заявлениях английских политиков.

Политическая ориентация на Англию, проект создания из европейских держав гарантов турецкой конституции объяснялись отчасти тем, что Мидхат-паша не видел в стране реальных сил, которые могли обеспечить в Османской империи существование конституционного режима.

Мидхат-паша считал, что механизм нового конституционного строя должен был приводиться в движение новыми людьми, которых абсолютистский строй дать не мог. Он предостерегал турецких государственных деятелей от того, чтобы они питались теми же идеями и пользовались теми же средствами, которые были присущи абсолютистскому режиму. При этом Мидхату при-

ходилось признавать, что в Османской империи не было таких «новых людей» [45, с. 139].

Между тем это было не совсем так. В Османской империи зрели и крепки силы, способные гарантировать существование турецкой конституции. Общественной силой, которая была заинтересована в создании конституционного режима в Турции и его укреплении, была инонациональная и турецкая буржуазия. Но в этой общественной среде не было единства. Инонациональную буржуазию отталкивали от конституционалистов их стремление сохранить в стране господствующее положение турок. Да и сами конституционалисты были еще политически очень слабы, не смогли создать сплоченной идейно и организационно партии, которая бы возглавила борьбу с феодально-абсолютистским режимом.

Аморфность политических взглядов Мидхата, их непоследовательность объяснялась слабостью, «нерасчлененностью», по выражению В. И. Ленина [12, с. 17], общества, стоявшего перед своей буржуазной революцией. Тем не менее заслуги Мидхат-паши в истории Турции велики. Он не только явился предтечей идеологов турецкой буржуазии, но, выступая против абсолютизма, административного произвола, за развитие экономики, культуры, а также политическую независимость страны, активно содействовал формированию и росту прогрессивных сил турецкого общества. Вместе с тем нельзя не отметить умеренность общественно-политических взглядов Мидхата, его склонность к компромиссу с турецким абсолютизмом, реакционность его великодержавной идеологии. В этом, как и в ряде других проявлений его политической и государственной деятельности, сказалось сильное еще в условиях Турции второй половины XIX в. влияние системы взглядов мусульманской феодально-бюрократической среды, того социального слоя, с которым теснейшим образом была связана вся жизнь Мидхат-паши.

Появление на политической арене османского государства государственного деятеля типа Мидхат-паши было явлением знаменательным и не случайным. Уже с середины XVII в. отдельные представители господствующего феодального класса начали анализировать причины социально-экономического и политического кризиса Османской империи, а с конца XVIII в. пытались найти конкретные пути его разрешения. Это дало толчок к возникновению в Турции реформаторского движения, известного под названием танзимата. Реформы периода танзимата (1839—1876 гг.) при всей их половинчатости и непоследовательности имели одним из своих результатов появление в Турции немногочисленного слоя чиновничьей интеллигенции, получившей возможность познакомиться с жизнью Запада. Из среды этой чиновничьей интеллигенции, духовным вождем которой по праву можно считать выдающегося деятеля танзимата Мустафу Решид-пашу, вышел Ахмед Мидхат-паша. Он явился тем политическим и государственным деятелем, который на практике попытался последовательно и целенаправленно осуществить ряд реформ, имевших целью приостановить усиливающийся процесс упадка государства.

Одновременно с дальнейшим развитием реформаторского движения, одним из лидеров которого в 60-х годах стал Мидхат-паша, в стране возникло общественно-политическое движение представителей молодой турецкой интеллигенции, членов организации «новых османов», которые в своей деятельности отражали интересы зарождавшейся турецкой буржуазии. Они выдвинули широкую программу реформ, необходимых, по их мнению, для возрождения османского государства. Их идеи о необходимости коренных реформ в административной, экономической и культурной областях, в области управления государством, вплоть до требования создания в Турции конституционной монархии, были решительно

поддержаны Мидхат-пашой, в лице которого «новые османы» обрели политического лидера, возглавившего борьбу за реформирование османского государства на конституционной основе. Так, в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. в одном потоке соединились разные по социальной, но весьма сходные по политической направленности течения в общественной жизни Османской империи.

Следует при этом отметить, что политические идеи Мидхат-паши в определенной мере развивались независимо от идей «новых османов». К тем же выводам, что и они, он пришел в результате своей практической административной деятельности, убедившей его в необходимости изменения самой системы государственной власти в стране, при которой оказалось бы возможным проведение широкой программы административных и экономических реформ. Так же как и «новые османы», он пришел к важному выводу о необходимости создания в стране парламента и конституции, которые ограничили бы власть султана.

Несмотря на свое происхождение, тесно связывавшее Мидхата с интересами господствующего феодального класса, его реальные социальные интересы совпадали с интересами и стремлениями складывавшейся в Турции прослойки турецкой национальной и инонациональной буржуазии. Мидхат-паша являл собой тип человека, в деятельности и взглядах которого отразились противоречия сложного процесса формирования новых социальных сил в Османской империи. К 60—70-м годам XIX в. процесс развития в недрах феодального общества элементов капиталистических отношений привел к некоторому усилению экономической роли инонациональной буржуазии, а отчасти и турецкой. Отдельные представители турецкой бюрократии, часто являвшиеся обладателями крупных денежных богатств, подчас также стремились вложить эти средства в капиталистические предприятия, но, как правило, не имели возможности сделать это из-за существовавших в Турции социально-экономических условий и политического режима. В результате и эти деятели приходили к выводу о необходимости поддержать требования, ставившие своей целью расчищение путей для капиталистического развития страны, создание необходимых для этого условий.

Наиболее последовательным представителем этой прослойки может считаться именно Мидхат-паша. Реальное положение страны, знакомство с жизнью капиталистического Запада и произведениями великих французских просветителей убеждали Мидхата в необходимости более радикальных реформ, способных коренным образом изменить внутреннее и внешнее положение османского государства. В конституции и парламенте, представлявших Мидхату панацей от всех зол, он видел неперемненное условие для возрождения страны, для осуществления гарантий личности и имущества, в чем он усматривал одну из важнейших причин прогресса капиталистических стран Европы. В условиях Турции второй половины XIX в. Мидхат-паша выдвигал идею политической свободы, связывая ее с осуществлением прав всех членов общества, независимо от их религиозной или социальной принадлежности. Такой подход, в известной мере, предопределялся остротой национального вопроса в Османской империи, который в умах турецких политиков чаще всего представлялся вопросом неравенства представителей отдельных вероисповеданий, в виду слабого развития в это время у турок национального самосознания, подменявшегося конфессиональным. Обеспечение гражданских и политических свобод представлялось Мидхату особенно важным в условиях усиливающегося процесса распада и расчленения Османской империи под ударами ширившегося в стране национально-освободительного движения угнетенных турками народов, которое часто использовалось в собственных политических интересах европейскими державами. В этом отличие сути политических лозунгов свободы и равенства Мидхат-паши от тех же идей французских просветителей, которые питали идеи Мидхата, ибо просветители выдвигали идею равенства против сословных привилегий. В Османской империи эти лозунги объективно были обращены против феодальной идеологии, освящавшей феодально-клерикальный строй.

С осуществлением принципа свободы личности Мидхат-паша связывал перспективы буржуазного развития страны. Он писал, что отсутствие частной инициативы в Османской империи связано с необеспеченностью прав населения, отсутствием свободы личности. Вслед за Монтескье Мидхат-паша видел в политической свободе необ-

ходимые условия для развития экономики, промышленности и торговли.

Конституция и парламент (палата депутатов), как считал Мидхат-паша, должны были обеспечить в Османской империи такие социально-экономические условия, при которых могли бы учитываться интересы всех народов, населявших Османскую империю, мог стать возможен их союз в условиях процветания и благополучия.

Конституция и палата депутатов, представляющая все национальности Османской империи, должны были создать, по словам Мидхата, все условия для развития «материальных богатств» страны и позволило бы ей занять достойное место в Европе.

Таким образом, конституционные идеи Мадхата находились в тесной связи с разрешением внутренних и внешнеполитических проблем страны.

Важным инструментом возрождения и прогрессивного развития страны Мидхат-паша считал также просвещение, следуя в этом идеям французских просветителей, связывавших социальное зло, в частности, с отсутствием просвещения и невежеством.

Большое место в системе общественно-политических взглядов Мидхата занимала доктрина «османизма», которую он выдвигал в качестве важного инструмента в идейно-политической борьбе за сохранение и возрождение империи в новых социальных и политических условиях.

Оценивая государственную деятельность и общественно-политические взгляды Ахмеда Мидхат-паши в целом, следует признать, что они отражали интересы буржуазного развития Турции, хотя турецкая буржуазия еще не сформировалась тогда как класс. Общественно-политические взгляды Мидхат-паши не отличаются целостностью и теоретической глубиной. Однако можно говорить о концепциях Мидхата, которые уже во второй половине XIX в. соответствовали задачам идейной подготовки буржуазной революции в Турции. В его взглядах уже отразилось буржуазное мировоззрение, из них вытекали лозунги, направленные против абсолютистского режима.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

*Классики марксизма-ленинизма**

1. Маркс К. Революция в Китае и Европе,— т. 9.
2. Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу от 31 мая 1877,— т. 34.
3. Маркс К. Письмо В. Либкнехту от 4 февраля 1878,— т. 34.
4. Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу от 1 августа 1877,— т. 34.
5. Энгельс Ф. Письмо К. Марксу от 21 сентября 1878,— т. 34.
6. Энгельс Ф. Турецкий вопрос,— т. 9.
7. Энгельс Ф. Что будет с Европейской Турцией,— т. 9.
8. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма,— т. 22.
9. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма,— т. 27.
10. Ленин В. И. События на Балканах и в Персии,— т. 17.
11. Ленин В. И. Пробуждение Азии,— т. 23.
12. Ленин В. И. Социал-демократия и временное революционное правительство,— т. 10.
13. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение,— т. 25.
14. Ленин В. И. Государство и революция,— т. 33.

Архивные материалы

15. Архив внешней политики России (АВПР), фонд Посольство в Константинополе, 1864—1868, 1873—1874, 1879—1881.
16. АВПР, фонд Канцелярия МИД, 1867, 1876—1878.
17. АВПР, фонд Главный Архив V-A, 1867, 1881.

Публикации архивных материалов

18. Документи за българската история (Документи из Виенските държавни архиви 1830—1877), ч. I, т. V, София, 1948.
19. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы, т. II—III, М., 1964, 1967.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изданию Сочинений; произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

20. Записки графа Н. П. Игнатьева (1864—1874 гг.),— «Известия Министерства иностранных дел», 1914, кн. I—IV.
21. Канитц, Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнографические путевые наблюдения, 1860—1875, СПб., 1876.
22. [Игнатьев Н. П.] Записки графа Н. П. Игнатьева, 1875—1877,— «Исторический Вестник», кн. 1—7, 1914.
23. Мак Коан К. Наш новый протекторат (описание географических и экономических свойств Турецкой Азии), пер. с англ., М., 1884.
24. Петкович К. Д. Ливан и ливанцы. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XIX, СПб., 1885.
25. Перри-Фогг В. Путешествие по Египту, Аравии, Малой Азии и Персии, СПб., 1876.
26. Рагозина Е. А. Из дневника русской в Турции перед войной 1877—1878 гг., СПб., 1910.
27. Рагозина Е. А. Из дневника русской в Турции перед войной 1877—1878 гг.,— «Русская старина», 1910, № 2—12; 1911, № 1—3, 5, 11, 12; 1912, № 1—2, 4—6, 11.
28. Смирнов В. Турецкая цивилизация, ее школы, софта, библиотеки, книжное дело. Из поездки в Константинополь летом 1875 г.,— «Вестник Европы», 1876, кн. 8—9.
29. Черник И. Экспедиция инженера Иосифа Черника для исследования в техническом отношении бассейнов Евфрата и Тигра, а также описание путей, пройденных по Северной Сирии. Приложение к «Известиям Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества», т. VI, Тифлис, 1879.

Источники на турецком языке

30. Ahmed Midhat. Üss-i Inkilâb. 1 kısım. İstanbul, 1294 (араб. шрифт).
- 30a. Düstur. Güzv-i sâni. İstanbul, 1289 (араб. шрифт).
31. Mahmud Celâleddin paşa. Mir'at-i hakikat. 1—3 cilt. İstanbul, 1327—1329 (араб. шрифт).
32. Midhat paşa hayati siyasiyesi hedimâtı menfa hayati. Birinci kitap. İstanbul, 1325 (араб. шрифт).
33. Midhat paşa. Feryat ve figanlar. İstanbul, 1326 (араб. шрифт).
34. Midhat paşa. Mirat-i hayret. İstanbul, 1325 (араб. шрифт).
35. Midhat paşa. Memalik-i Osmaniye'nin mazî, ve hal istiklâli. Der-i Saadet, 1324 (араб. шрифт).
36. Çaycı A. Midhat Paşanın Taif kalesinden kaçma tassavuruna dair yabancı belgeler,— «Belgelerle türk tarihi dergisi», mayıs 5, İstanbul, 1968.
37. İkinci Abdulhamidin hatıra defteri, İstanbul, 1960.
38. Işıksal T. Midhat Paşa hakkında ingiliz elçisi Layard'ın düşündükleri,— «Belgelerle türk tarihi dergisi», № 2, İstanbul, 1967.

39. Kuntay M. C. Namık Kemal devrinin insanları ve olayları arasında, İstanbul, 1956, т. 2.
40. Şimşir B. N. İngiliz belgelerine göre Midhat Paşanın düşürülmesi ve sürgün edilmesi,— «Belgelerle türk tarihi dergisi», № 10, İstanbul, 1968.
41. Uzunçarşılı İ. H. Midhat Paşa ve Taif mahkûmları, Ankara, 1950.
42. Uzunçarşılı İ. H. Midhat Paşa ve Yıldız mahkemesi, Ankara, 1967.
43. Uzunçarşılı İ. H. Midhat ve Rüştü Paşaların tevkiflerine ail vesikalar, Ankara, 1946.
44. Uzunçarşılı İ. H. Sultan Abdulaziz vakasına dair vakâ-nüvis Lütfi efendinin bir risalesi,— «Belleten», т. 7, № 28, 1943.

*Источники
на западноевропейских языках*

45. Ali Haydar Midhat, Midhat Pacha, sa vie, son oeuvre, Paris, 1908.
46. Midhat Pacha, La Turquie. Son passé, son avenir, Paris, 1878.
47. Young G. Corps de droit Ottoman, I, Oxford, 1905.

*Исследования на русском
и болгарском языках*

48. Адамов А. Ирак Арабский, Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем, СПб., 1912.
49. Алитовский С. Н. Аграрный вопрос в современном Ираке, М., 1966.
50. Бартольд В. В. Ислам,— Соч., т. VI, М., 1966.
51. Бартольд В. В. Турция, ислам и христианство,— Соч., т. VI, М., 1966.
52. Беляев Е. А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье, М., 1965.
53. Бондаревский Г. Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.), М., 1968.
54. Дмитриев С. Новая книга по истории реформ в Турции,— «Etudes balkaniques», т. VI, № 2, 1970.
55. Еремеев Д. Е. Турция,— Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока, М., 1970.
56. Еремеев Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории), М., 1971.
57. Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908 гг.), М., 1972.
58. Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX в.), М., 1965.
59. Миллер А. Ф. Краткая история Турции, М., 1948.
60. История на България, т. I, София, 1961.

61. Косев Д. Новая история Болгарии, М., 1952.
62. Крымский А. Е. История новой арабской литературы, М., 1971.
63. Левинтов Н. Г. Аграрный переворот в Болгарии в 1877—1879 гг.,—Освобождение Болгарии от турецкого ига, М., 1953.
64. Луцкий В. Б. Новая история арабских стран, М., 1966.
65. Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века, М.—Л., 1947.
66. Мошенин А. Н. Придунайская Болгария (Дунайский вилайет). Статистико-экономический очерк,—Славянский сборник, т. II, СПб., 1877.
67. Новичев А. Д. История Турции, т. I. Эпоха феодализма (XI—XVIII века), Л., 1963.
68. Новичев А. Д. История Турции, т. II, Новое время, ч. I (1792—1839), Л., 1968.
69. Новичев А. Д. История Турции, т. III, Л., 1973.
70. Новичев А. Д. Очерки экономики Турции до мировой войны, М.—Л., 1937.
71. Новичев А. Д. Турция, Краткая история, М., 1965.
72. О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.). Материалы обсуждения, М., 1962.
73. Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.), М., 1971.
74. Петросян Ю. А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958.
- 74а. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории, М., 1941.
75. Попова А. А. Политика Турции и национально-освободительная борьба болгарского народа в 60-х гг. XIX в.,—«Вопросы истории», 1953, № 10.
76. Рубакин Н. А. Две конституции. Турецкая и российская (Мидхат-паша, Лассаль и Государственная Дума). Историческая параллель, СПб., 1906.
77. Самарджиев Б. Крахът на конституционализма в Османската империя (1877—1878 гг.),—«Исторически преглед», 1971, № 5.
78. Смилянская И. М. Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в., М., 1965.
79. Смирнов В. Официальная Турция в лицах,—«Вестник Европы», кн. 1—2, 1878.
80. Стамбулов В. Намык Кемаль, М., 1935.
81. Струкова К. Л. К истории национально-освободительной борьбы балканских народов против турецкого владычества во второй половине 60-х годов XIX в.,—«Советское славяноведение. Материалы IV межвузовской научной конференции историков-славистов, Минск, 1969.
82. Теплов В. А. Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе, СПб., 1897.
83. Тодорова М. Н. «Общеплезните каси» на Мидхат-паша,—«Исторически преглед», XXVIII, кн. 5, 1972.
84. Убичини А., де Куртейль П. Современное состояние Оттоманской империи, СПб., 1877.

85. Улунян А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг., М., 1971.
86. Фадеева И. Е. К характеристике деятельности Мидхат-паши в Болгарии в 1864—1868 гг.,—VIII годичная научная сессия ЛО ИВАН, М., 1972.
87. Фадеева И. Е. К характеристике общественно-политических взглядов Ахмеда Мидхат-паши,—Арабские страны. Турция, Иран, Афганистан. История. Экономика, М., 1973.
88. Фадеева И. Е. Новые материалы по истории конституционного движения в Турции во второй половине XIX в.,—IX годичная научная сессия ЛО ИВАН, М., 1973.
89. Фадеева И. Е. Реформаторская деятельность Мидхат-паши в Болгарии,—Тюркологический сборник, М., 1974.
90. Фадеева И. Е. «Tasîra-i ibret» и «Mirat-i hayret» как источник для изучения общественно-политических взглядов и деятельности Ахмеда Мидхат-паши,—X годичная научная сессия ЛО ИВАН (автоаннотации и краткие сообщения), М., 1974.
91. Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость. 1917—1969, М., 1970.
92. Хакимов И. М. Антиколониализм Джамаль ад-Дина аль-Афгани на страницах «Аль-Урва аль-Вуска» (1884 г.),—Арабские страны. История. Экономика, М., 1970.
93. Хвольсон Д. А. Возможны ли в Турции реформы в отношении христианских подданных?, СПб., 1877.
94. Чебоксаров Н. Н., Решетов А. М. В. И. Ленин о национальном развитии стран Востока,—«Советская этнография», 1970, № 1.
95. Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос, М., 1970.
96. Шабанов Ф. Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата, Баку, 1967.
97. Щербань Н. Турция и турецкие деятели,—«Русский Вестник», кн. I, 1878.

Исследования на турецком языке

98. Ahmed Sayıb. Abdülhamidin evail-i saltanatı. Mısır, 1326 (араб. шрифт).
99. Osman Nuri. Abdülhamid sanî ve devri saltanatı. İstanbul, 1327 (араб. шрифт).
100. Baykal B. S. Midhat Paşa hakkında yeni yayınlar ve görüşler,—«Tarih araştırmaları dergisi», т. 4, № 6—7, 1966.
101. Baykal B. S. Midhat Paşanın gizli bir teşebbüsü,—III türk tarih kongresi, Ankara, 1943.
102. Baykal B. S. Midhat Paşa. Siyasî ve idarî şahsiyeti, Ankara, 1964.
103. Bayur Y. H. Türk inkilâbı tarihi, т. 1, Ankara, 1963.
- 103a. Cevdet A. Tezâkir, 40, Ankara, 1967.
104. Ergin O. Türkiye maarif tarihi, т. 2, İstanbul, 1940.
- 104a. İnal M. K. Osmanlı devrinde son sadrazamlar, т. II—III, İstanbul, 1941—1942.

105. İnalçık H. Tanzimatın uygulanması ve sosyal tepkileri,— «Belleten», т. 12, № 112, 1964.
106. Görelî İ. H. Devlet şurası (Şura-i devlet — Danıştay), Ankara, 1953.
107. Karal E. Z. Osmanlı tarihi, т. 7, Ankara, 1956.
108. Karal E. Z. Osmanlı tarihi, т. 8, Ankara, 1962.
109. Tökin F. H. Türkiyede siyasî partiler ve siyasî düşüncenin gelişmesi, 1839—1965, İstanbul, 1965.
110. Tunaya T. Z. Türkiyenin siyasî hayatında batılılaşma hareketleri, İstanbul, 1960.
111. Tunaya T. Z. Türkiyede siyasî partiler, 1859—1952, İstanbul, 1952.
112. Sarc O. C. Tanzimat ve sanayımız,—Tanzimat, I, İstanbul, 1940.
113. Sungu İ. Tanzimat ve yeni osmanlılar,—Tanzimat, I, İstanbul, 1940.
114. Yücebaşı, Midhat Paşa, 1944.
115. Yüz yıllık teşkilâtlı ziraî kredi, Ankara, 1964.

*Исследования
на западноевропейских языках*

116. Antonius G. The arab Awakening. The Story of the Arab National Movement, London, 1945.
117. Benoit-Brunswik, La vérité sur Midhat Pacha, Paris, 1877.
118. Berkes N. The Developement of Secularism in Turkey, Montreal, 1964.
119. Cahman W. Religion and Nationality,— «The American Journal of Sociology», т. 49, № 6, 1944.
120. Davison R. H. Reform in the Ottoman Empire, 1856—1876, Princeton, 1963.
121. Davison R. H. The Advent of the Principle of Representation in the Government of the Ottoman Empire,— Beginnings of Modernization in the Middle East, Chicago and London, 1968.
122. Davison R. H. Turkish Attitudes Concerning Christian Muslim Equality in the Nineteenth Century,— «The American Historical Review», т. 59, № 4, 1954.
123. Devereux R. The First Ottoman Constitutional Period. A Study of Midhat Constitution and Parliament, Baltimore, 1963.
124. Fesch P. Constantinople aux Derniers Jours d'Abdul Hamid, Paris, 1907.
125. Hitti P. K. The Impact of the West on Syria and Lebanon in the Nineteenth Century, Paris, 1955.
126. Huart U. Midhat Pacha,— «Revue du monde Musulman», т. 8, № 798, 1909.
127. Jaber K. S. The Millet System in the Nineteenth Century Ottoman Empire,— «The Muslim World», т. 57, № 3, 1967.
128. Kuran E. The Impact of nationalism on the turkish elite in the nineteenth century,— Beginnings of modernization in the Middle East.

129. Lammens H. *La Syrie. Précis historique*, т. I, Beyruth, 1921.
130. Léouzon le Duc, Midhat Pacha, Paris, 1877.
131. Lewis B., *The Emergence of Modern Turkey*, New York, 1961.
132. Longgrigg S. H. *Four Centuries of Modern Iraq*, Oxford, 1925.
133. Macartney C. A. *National States and National Minorities*, London, 1934.
134. Miller W. *The Ottoman Empire and Its Successors, 1801—1922*, Cambridge, 1923.
135. Moosa M. S. *The Land Policy of Midhat Pacha in Iraq, 1869—1872*,—«Islamic Quarterly», т. 12, № 3, London, 1968.
136. Saab H., *The Arab Federalists of the Ottoman Empire*, Amsterdam, 1958.
137. Shamir S. *The Modernization of Syria: Problems and Solutions in the Early Period of Abdulhamid*,—*Beginnings of modernization in the Middle East*.
138. Shaw S. J. *Some Aspects of the Aims and Achievements of the Nineteenth Century Ottoman Reformers*,—*Beginnings of Modernization in the Middle East*.
139. Shaw S. J. *The Ottoman View of the Balkans*,—*The Balkans in Transition. Essays on the Development of Balkan Life and Politic Since the Eighteenth Century*, Berkley and Los Angeles, 1963.
140. Tibawi A. E. *Greater Syria 1876—1890. Divided Loyalties: Ottoman, Muslim, or Arab*,—«Islamic Quarterly», т. II, № 2, 1967.
141. Zein N. Z. *Arab-Turkish Relations and the Emergence of Arab Nationalism*, Beiruth, 1958.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Глава I. Начальный период государственной деятельности Мидхат-паши. Генерал-губернатор Дунайского вилайета	14
Глава II. Государственная деятельность Мидхат-паши в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в.	40
Глава III. Мидхат-паша во главе борьбы за первую ту- рецкую конституцию	70
Глава IV. Последние годы жизни Мидхат-паши . . .	102
Глава V. Общественно-политические взгляды Ахмеда Мид- хат-паши	134
Заключение	158
Список использованных источников и литературы . . .	162

Ирина Евгеньевна Фадеева

МИДХАТ-ПАША

Жизнь и деятельность

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Т. К. Гарушянц*. Младший редактор *Л. А. Добродеева*. Художник
В. Карандашов. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редак-
тор *В. П. Стуковнина*. Корректор *К. Н. Драгунова*

Сдано в набор 15/XII-1976 г. Подписано к печати 1/IV-1977 г. А-11652. Фор-
мат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 5,25. Усл. п. л. 8, 82. Уч.-изд. л. 9,2. Ти-
раж 8300 экз. Изд. № 3936. Зак. № 880. Цена 58 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я тип. изд-ва «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, д. 28

Цена 58 коп.